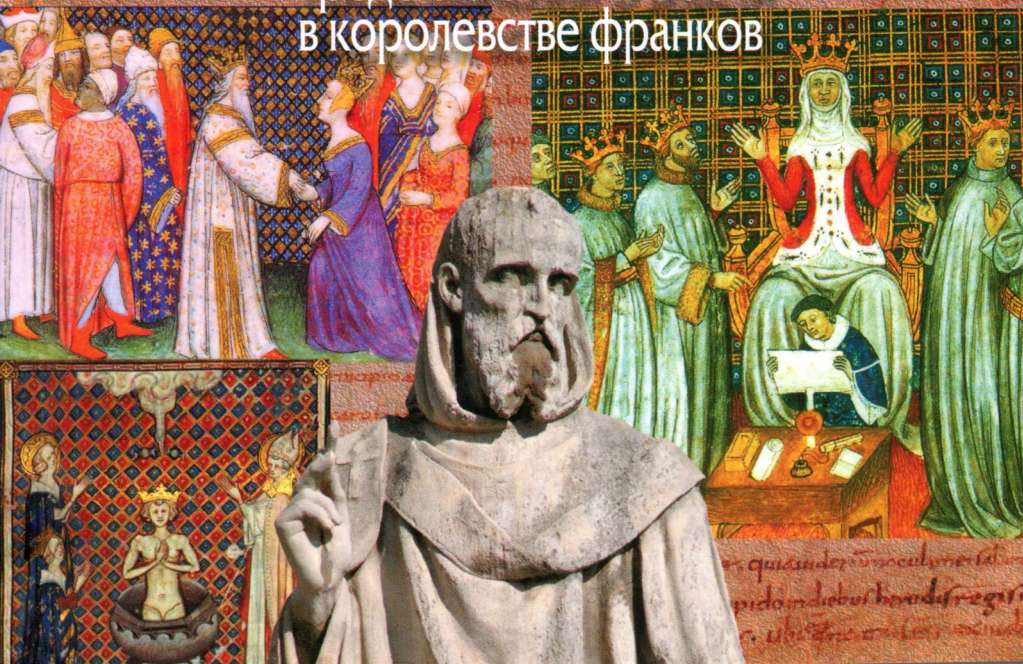

Д.Н. Старостин

Между Средиземноморьем и варварским пограничьем:

Генезис и трансформация
представлений о власти
в королевстве франков

Dmitry Starostin

**Between
the Mediterranean
and the barbarian
limes:**

Genesis and the transformations
of the representations of authority
in the Frankish kingdom

Center for humanitarian initiatives
Moscow–Saint-Petersburg
2017

Д.Н. Старостин

Между Средиземноморьем и варварским пограничьем:

Генезис и трансформация
представлений о власти
в королевстве франков

Центр гуманитарных инициатив
Москва – Санкт-Петербург
2017

УДК 94(100-87)(09)

ББК 63.3(0)4

C77

Серия MEDIAEVALIA
СРЕДНЕВЕКОВЬЕ КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ
ФЕНОМЕН.

[series minor]

Основана в 2015 г.

Составитель и главный редактор А.К. Гладков

Рецензенты:

кандидат исторических наук, доцент О.В. Ауоров (РГГУ)

кандидат исторических наук Д.С. Коньков (ТомГУ)

Старостин Д.Н.

C77 Между Средиземноморьем и варварским пограничьем: Генезис и трансформация представлений о власти в королевстве франков / Д.Н. Старостин. — М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. — 224 с. (MEDIAEVALIA [series minor])

ISBN 978-5-98712-771-1

Предпринятое в книге изучение представлений о власти в мерovingской Галлии позволило уточнить основные тенденции и периодизацию романо-германского синтеза. Благодаря анализу различных источников удалось показать: разнящееся восприятие раннесредневековыми авторами политических явлений совпадало в следующем. В этот период власть основывалась на согласии между правителями, знатью и церковной иерархией. С изменением исторической ситуации в агиографической литературе возник новый топос: короли приобрели сакральные функции покровителей церкви. При этом судебные протоколы зафиксировали важную трансформацию политической репрезентации франкских государей. В период ослабления власти Меровинги сперва актуализировали собственную роль покровителей церкви, и лишь затем — судебную функцию, присущую всем варварским правителям.

Книга адресована историкам-медиевистам и широкому кругу читателей.

© Старостин Д.Н., 2017

© Гладков А.К., составление серии, 2017

© Центр гуманитарных инициатив, оформление, 2017

Оглавление

Введение	7
-----------------------	----------

Глава I. Григорий Турский, Фредегар и автор “Liber historiae francorum”: Романо-германский синтез VI—первой половины VII в. глазами авторов исторических сочинений

§ 1. Введение.....	29
§ 2. Политическая история королевства франков во второй половине VI—VII в.	32
§ 3. Образ власти в «Истории франков» Григория Турского.....	36
§ 4. «Хроника» Фредегара, сочинение «Продолжателя Фредегара» и «История франков» как источники по позднему периоду правления династии Меровингов	69
§ 5. Выводы.....	81

Глава II. Франкское королевство в позднемеровингский период (VII—середина VIII в.) по материалам агиографических сочинений

§ 1. Распространение агиографических сочинений в Галлии и их особенности.....	99
§ 2. Агиографические сочинения начала VII в. и влияние «ирландского монашества» на распространение монастырей в Европе	105
§ 3. Эдуэн Руанский и Элигий Нойонский: Епископы, монастыри и королевский двор	115
§ 4. Монастыри и королевская власть: версия “Gesta Dagoberti regis”	128
§ 5. Выводы.....	144

Глава III. Король и суд: правовая культура и ритуалы королевской власти

§ 1. Судебные протоколы меровингской Нейстрии: происхождение и особенности	159
§ 2. Суд и король	167
§ 3. Политика согласия и король как арбитр	177
§ 4. Выводы.....	187
Заключение	196
Список сокращений	202
Библиография	203
Summary	218

Введение

Актуальность избранной темы обусловлена рядом факторов. Один из первых по значимости среди них — это то, что поставленная в работе проблема относится к числу тех, из изучения которых выросла современная медиевистика, а ее непрекращающиеся ревизии и пересмотры дают новые импульсы развития науки. Возникновение и рост Франкского королевства, динамика социальных процессов в нем на протяжении двух последних столетий являлись эталоном для изучения Раннего Средневековья в других регионах Европы. Проблема романо-германского синтеза с первой половины XIX в. занимает важное место. Как известно, ее разработке и модификации было посвящено большое количество трудов в XIX и XX вв. Однако она стала терять популярность среди зарубежных исследователей, начиная со второй четверти XX в., а критика т.н. «эталонного подхода» к генезису феодализма, в рамках которого все явления социально-экономической жизни Средневековья неизменно сопоставлялись с их вариантом в Иль-де-Франсе, зазвучала лет 40 назад. Несмотря на попытки сфокусироваться на типологических подходах, исследователи неизбежно возвращаются к сопоставлению явлений социально-экономической жизни с их вариантом в северной Галлии и, в частности, Иль-де-Франс.

Задачи данного исследования состоят в том, чтобы: во-первых, рассмотреть динамику социально-по-

литического развития Мерovingского государства на основании новых данных, уточнить хронологию и содержание основных этапов романо-германского синтеза; во-вторых, обратившись к уже выявленному и накопленному предшественниками фонду источников по социальной истории, проанализировать его под углом зрения новых источниковедческих методик и подходов к раннесредневековому материалу, для которых характерно рассмотрение содержания в неразрывном единстве с формой; в-третьих, показать, что могут дать новые источниковедческие методики и комплексные подходы в решении историографических проблем исследования мерovingской эпохи.

Методологическим подходом к решению данных задач является плодотворно разрабатываемая в отечественной историографии последних десятилетий концепция генезиса феодальных отношений в форме романо-германского синтеза. Эта концепция позволяет высветить специфику развития королевской власти в раннесредневековом государстве. Отражение данного процесса в современных ему исторических памятниках концепция романо-германского синтеза привязывает к общим закономерностям развития культуры и идеологии того времени, среди которых в первую очередь следует отметить господство риторического подхода к действительности. Необходимо помнить, что авторы исторических и агиографических сочинений в указанный период не отображали историческую действительность как последовательность событий. Они принадлежали к среде образованных людей, которым были известны примеры позднеантичной историографии, и ко-

торые в своих сочинениях стремились не просто описывать события, а делать это — как их именитые предшественники — в том же стиле с применением устоявшихся схем. Поэтому исследование воззрений авторов исторических и агиографических сочинений Раннего Средневековья на практику власти и подчеркнутые ими процессы развития Франкского королевства следует проводить, принимая во внимание их зависимость от известных примеров античного историописания и канонов жанра.

Анализируемые в настоящей работе нарративные источники двойственны по своей природе, и в равной степени принадлежат историографии и художественному творчеству. Проблема верификации данных источников в отношении королей, их семей, окружения, а также представителей церковной иерархии (епископов и аббатов) и знати решается путем рассмотрения их в широком социально-историческом контексте, при сопоставлении с информацией из агиографии, административных и юридических документов. Сравнение данных, полученных из различных источников, будет направлено на то, чтобы глубже понять взаимоотношения королей, знати и церковной иерархии. Оно может показать, как следует отделять объективную информацию о политической и социальной организации королевства франков от той картины, детали которой связаны с особенностями индивидуального восприятия авторов, их стратегиями изложения материала и устоявшимися канонами жанра.

Хронологическими рамками исследования является конец V—конец VII в., т.е. эпоха существования Меровингского государства.

Источниковую базу предлагаемого вниманию читателей труда составляют три основных группы источников, каждая из которых будет рассмотрена в деталях в соответствующей главе. Во-первых, это исторические трактаты и хроники: «История» Григорий Турского, «Хроника» Фредегара, сочинение Продолжателя Фредегара и «История франков» (“*Liber historiae francorum*”). Во-вторых, агиографические памятники: жития епископов VII в. Эдуэна Руанского и Элигия Нойонского, а также более поздние «Деяния короля Дагоберта». Третьим типом источников являются судебные решения (т.н. “*placita*”), зафиксировавшие процесс разрешения конфликтов в присутствии короля. Данный круг источников — вполне репрезентативен для решения поставленных задач. При исследовании практики власти и тех изменений в ней, которые были следствием взаимодействия римских и германских начал, следует учитывать, что каждый из указанных выше типов источников отображал собственную картину действительности, и они не подлежат механическому сложению. Немыслимо изучать мировоззрение авторов в отрыве от жанровых канонов, определявших форму их высказываний.

Памятники франкской эпохи породили концепции, которые историография XIX в. ввела в широкий научный оборот, а историография XX—начала XXI в. подкрепила анализом разнообразного социально-экономического материала. Историография вопроса необъятна в силу ряда причин: данная проблематика является животрепещущей не только для национальных — французской и немецкой — историографий, занимающихся исследованием прошлого своих на-

родов и стран, но и для исторической науки России, Англии и (с XX в.) США, в значительной степени построивших собственную медиэвистику на изучении генезиса феодализма в Западной Европе.

Концепция романо-германского синтеза уходит корнями в споры между «германистами» и «романистами» раннего Нового времени¹, но она стала центральной для исследования Раннего Средневековья в XIX в. Значительный вклад в ее формулировку внесли классики французской медиэвистики О. Тьерри и Ф. Гизо, которые выдвинули основные положения идеи романо-германского синтеза в Меровингском королевстве франков, используемые исследователями и поныне². Во второй половине XIX в. данная концепция продуктивно разрабатывалась Ф. Даном³.

После появления работ указанных ученых сложилась целая традиция рассматривать Раннее Средневековье как время, когда падение римской государственности привело к смешиванию остатков сложных социальных связей развитого городского античного общества и более примитивного набора социально-экономических связей, уходящих корнями в верность варварских военных отрядов своему предводителю (“*Treugemeinschaft*” или “*Treugelöbniß*” немецких авторов), а также этику аграрного мира, еще сильно скрепленного узами родового строя. Публикация трудов Тьерри и Гизо во многом определила содержание не только гимназического, но и университетского образования практически во всех странах Европы и Америки вплоть до нынешних времен. Уже в этом исследовании проявилось характерное отношение к основным историческим

сочинениям указанного периода, в особенности, к «Истории» Григория Турского как к кладезю ярких и вполне достоверных фактов, не изжитое и до сих пор в ущерб другим источникам по истории периода. Не обошлось и без заведомых преувеличений, а именно: постепенное проникновение небольших отрядов и групп варваров в пределы Римской империи стало восприниматься как организованная по всем правилам военного искусства и подчиненная единой цели кампания германских народов против Рима⁴. Много внимания уделялось тому, как на основе синтеза военных порядков германцев и остатков римской государственности вырос новый, «феодальный» тип социально-экономических отношений, в котором, в соответствии с его классическим определением, личная преданность королю (или сеньору) и участие в его военных походах вознаграждались правом условного владения землей и взимания с живших на ней крестьян податей⁵. Понимание процесса перехода от Античности к Средневековью сложилось во многом благодаря работам, написанным в рамках традиции немецкой “Rechtgeschichtliche Schule”, основанной Савиньи, и ее подражателями во Франции⁶.

Весомый вклад в идею преемственности между позднеантичными и раннесредневековыми порядками внес Н.Д. Фюстель де Куланж, показавший, что римские социально-экономические установления просуществовали значительное время после падения политических структур Римской империи на Западе. Несмотря на это, особый средневековый уклад, в соответствии с его воззрениями, сложился только в результате развития условных держаний в позд-

немеровингскую и, в особенности, — каролингскую эпоху.

Среди многих важных вопросов, которые ставили эти труды, следует назвать один, и поныне остающийся дискуссионным, — проблема периодизации процесса романо-германского синтеза, вызвавшая разногласия и ныне предлагающая противоречивые решения. Научная традиция усвоила легко вычитываемую из сочинений франкских историков концепцию о том, что “*historia francorum*” эпохи правления Меровингской династии состояла из двух периодов: времени правления «варварских королей» в римской по сути провинции и периода мутации этих порядков и набравшего силу процесса синтеза, создавшего уникальную раннесредневековую социально-политическую и культурную среду. Одновременно, расцветшая аграрная история согласовывала собранный материал с той же концепцией политического развития, тем самым придавая ей глубину и фундированность⁸. Несмотря на возникновение двух прямо противоположных точек зрения, вопросам периодизации процесса романо-германского синтеза во Франкском королевстве в период между исчезновением римской власти в Галлии в конце V в. и превращением королей в императоров в начале IX в. уделялось мало внимания. Уверенность в объективной очевидности родоплеменных и дружинных порядков и завершенности исследования римских представлений о публичной власти сделала ненужным какое-либо серьезное исследование и дальнейшее уточнение хронологии процесса романо-германского синтеза в раннесредневековом Франкском королевстве в историографии XIX—первой половины XX в. Франкские короли времен ди-

настии Меровингов воспринимались в том числе как варварские предводители военных отрядов, и тогда смысл их власти был понятен по умолчанию. Считалось, что идея адаптации дружинных связей к позднеримским провинциальным порядкам делает ненужным изучение особенностей организации власти указанного периода, потому что и сами дружинные порядки, и римская государственность считались хорошо исследованными и, более того, понятными интуитивно при чтении хроник того времени. Показательно, что в середине XX в. Бухнер полагал: королевская власть была по сути германской (и это означало для него ее сходство с властью военных предводителей, “duces”), но короли правили в позднеримском обществе⁹. Его оппонент Хаук подчеркивал обратное. Меровинги, в восприятии ученого, выглядели провинциальными наместниками¹⁰.

Концепция романо-германского синтеза в том виде, в котором она окончательно сложилась перед Первой мировой войной, обычно излагалась следующим образом. Короли франков из Меровингской династии в течение большей части VI в., как считалось, были полными энергии «сильными» правителями, но «варварами» в культурном отношении, и в этом смысле неспособными по-настоящему поставить под свою власть романизованное общество Галлии и, особенно, Аквитании¹¹. Ситуация — как отмечали медиевисты — изменилась после того периода, которое еще успел застать Григорий Турский, а именно — в начале VII в. Поскольку франкские правители, как и сами франки, жили в обществе, еще до недавнего времени бывшем частью римской провинции, постольку некоторые известные ученые рассматривали прерога-

тивы королей в понятиях конституционной истории, более применимых для поздней Римской империи, а не для Раннего Средневековья¹². Идея преемственности между временами Римской империи в Галлии и эпохой правления королей из династии Меровингов подчеркивалась Ф. Лотом, Г. Фурнье, К.Ф. Строекером и Р. Фольцем¹³.

Основным недостатком их работ остается то, что исследователи этой школы считали идеалы власти в указанную эпоху состоявшими всего лишь из двух основных типов: из власти публичной, императорской, и власти «частной» (власти предводителей-варваров над своими дружинниками и над домашними). Кроме того, они без критики относились к понятиям «римский» и «варварский» при описании представлении о политическом устройстве. При прочтении данных трудов остается неясным, на чем именно зиждлась власть в эпоху, рисовавшуюся этими исследователями как картина оседания варваров в римской провинции. Ведь постулирование идеи о власти как «римской» или «варварской» ничего не может сказать нам о тех механизмах и стимулах, которые были в руках правителей и их окружения. В Поздней Античности Римская империя вынуждена тесно взаимодействовать с варварами, брать их на свою службу, причем некоторые из них смогли достичь второго по значимости поста в имперской иерархии власти — префекта претория Запада (как, например, Рихимер)¹⁴. Что именно в Позднем Риме оставалось «римским», а что стало уже к началу V в. «варварским» и «провинциальным», является и поныне предметом дискуссий¹⁵. У современных исследователей Раннего Средневековья нет однозначного представления о

том, во что превратилась поздняя Римская империя в период, закончившийся падением императорской власти на Западе, как была у историков XIX в. Именно поэтому казавшиеся некогда изученными пути эволюции власти в варварских королевствах превращаются в дискуссионные.

В середине XX в. увидели свет работы, поставившие под сомнение схему, по которой Средневековье вырастает из VI в., из романо-германского синтеза в Меровингском королевстве. Марк Блок предложил считать Раннее Средневековье периодом экономического застоя, истоки которого уходят еще в эпоху падения Западно-Римской империи. Одновременно он подчеркнул: период Высокого Средневековья (X—XII вв.) был временем быстрого экономического роста, не имеющим генетической связи с процессами, протекавшими после падения Западно-Римской империи и до IX в.¹⁶ Ученый полагал, что Раннее и Высокое Средневековье кардинально отличались друг от друга в социально-экономическом и политическом смысле. Из-под пера его учеников и последователей во Франции вышли работы, авторы которых стремились доказать существование двух различных периодов Средних веков. Они допускали, будто до начала X в. франкский мир еще оставался средиземноморским и позднеримским по своей сути¹⁷. Его последователи постарались показать, что некоторые особые приметы римского мира еще долго характеризовали развитие Европы даже после того, как императорская власть уже перестала существовать. В частности, по утверждению медиевистов, рабство, возможно, оставалось широко распространено до конца X в.¹⁸ Только в начале XI в.,

как заключили исследователи, появились ростки нового — средневекового — социально-экономического устройства. Основой его, согласно утверждению ряда авторов, стали условные держания земли владельцами замков, которые были обязаны военной службой крупным региональным властителям. Хотя данный подход и позволил по-новому посмотреть на развитие средневекового общества, интерес его адептов к социально-экономическим проблемам привел к тому, что мало кто из ученых указанного периода серьезно задавался вопросом о характере представлений о власти, об их сходстве или отличии от поздне-римских. Отечественные исследователи, однако, не приняли эту концепцию и обратили внимание на значительные изменения общества в Раннем Средневековье, которое, по их мнению, уже встало (на тот момент) на путь развития иерархии, традиционно называемой «феодальной»¹⁹.

В то время как медиевисты XX в. уточняли хронологию процесса романо-германского синтеза преимущественно на основе изучения социально-экономической проблематики, их коллеги-антиковеды работали над уточнением особенностей развития общества и идеологии власти в поздний период существования Римской империи. Значимый для медиевистики XIX в. VI в. в результате последующих исследований стал лишь частью перехода от Античности к Средневековью, рассматриваемом в аспекте времени «большой длительности». Термин «Поздняя Античность» появился в конце XIX в., и с тех пор интерес к этому времени как к самостоятельному периоду развития с особыми способами ведения политической, социальной и культурной жизни приобрел ключевое

значение для многих исследований. Среди ученых, много способствовавших повышению репутации данного периода в качестве значимого и интересного, можно назвать Лабриоля, А. Шастаньоля, А.И. Марру, П. Брауна²⁰. Изыскания историков показали, что выдвинутый Гиббоном тезис о «падении Римской империи» не может считаться исчерпывающим при описании этого периода, да и сам процесс — более сложный и многоуровневый²¹. Ученые убедительно продемонстрировали, что уже к концу принципата Римская империя лишилась многих черт, которые напоминали о ее связи с республиканским Римом времен Античности. Стало нормой рассуждать о Поздней Античности как об исключительном периоде истории, который характеризовался значительным количеством особенностей по сравнению и с предшествующим, и с последующим периодами. Используя данные археологии, исследователи все меньше говорят о массовых варварских вторжениях как о доказанном факте. Данное обстоятельство позволяет переосмыслить значение указанного периода — времени, которому свойственна преемственность традиций и постепенная их адаптацией к новым условиям²². Поэтому сейчас историки настаивают на том, что в Поздней Античности сложились своя, особая практика власти, отличающаяся от классических традиций и не связанная с каким-либо влиянием варваров на римский мир. Иными словами, Поздняя Античность не сразу уступила место Раннему Средневековью, более того, между ними существовала значительная генетическая связь.

В результате эволюции исторического знания появилось то, что в XIX и начале XX в. называлось

просто «Средневековьем», а в конце XX в. стало именоваться «Высоким Средневековьем». Поэтому развитие представлений о власти и об организации общества в Галлии в период правления династии Меровингов стоит рассматривать не только с точки зрения средневековых порядков и ментальности, но и учитывая позднеантичные идеалы, социальную и политическую практику.

С одной стороны, историки отмечали постепенное ослабление власти франкских королей, связанное в первую очередь с тем восприятием истории династии, которое, например, обнаруживается у Эйнхарда²³. Однако существенным недостатком этой устоявшейся в первой половине XX в. точки зрения является ряд внутренних противоречий; видны они лишь при тщательном анализе. В частности, данная концепция не дает удовлетворительного объяснения серии событий, произошедшей во Франкском королевстве в конце VI—первой четверти VII в. Тогда франкским королям из «Суассонской» ветви династии удалось усилиться (в правление Хильперика, его сына Хлотаря II и внука Дагоберта I) и объединить под своей властью практически всю территорию современной Франции. После очередного раздела территории единого королевства, вызванного смертью Дагоберта, власть Меровингов над обширным пространством современной Галлии, как принято считать, уже никогда не восстановилась, да и само значение династии в целом перестало быть определяющим для судеб региона. Таким образом, именно правление короля Дагоберта стало пиком раннесредневекового единства Франции, а государь приобрел мифологические черты собирателя земель.

Принципиально важными для понимания истории Франкского королевства в меровингский период являются труды ряда англоязычных исследователей. Нестыковки различных концепций позволили Р. Гербердингу предположить, что в них есть слабости, которых он попытался избежать в своей теории. Медиевист обратил внимание на взгляды автора «Истории франков» (“*Liber historiae francorum*”) — произведения, до того мало занимавшего ученых. Р. Гербердинг сравнил сообщения о позднем периоде истории Меровингского королевства, которые можно найти в «Истории франков», с информацией из других источников²⁴. В результате было показано, что эта «История» не дает возможности принять сложившуюся историографическую традицию. Гербердингу удалось развенчать появившийся впервые в сочинении биографа Карла Великого Эйнхарда тезис о «слабости» меровингских королей в последние полтора века правления. Исследователь также показал: подобное утверждение можно воспринимать только как каролингскую пропаганду и, одновременно, знак того, что для историков, связавших свою судьбу с Каролингской династией, было важно подчеркнуть принципиальное отличие политики этой династии от политики предшествовавшей ей Меровингской. В результате детального изучения «Истории франков» Р. Гербердинг пришел к выводу, согласно которому для автора, писавшего свой труд в эпоху правления Меровингской династии, короли были сильными и значимыми, а вовсе не теми слабыми властителями, представленными на страницах сочинения Эйнхарда. Их основным политическим принципом был поиск согласия между различными

группами светской и церковной иерархии, и в данной области, как считает Гербердинг, они добивались успехов и тогда, когда новые мажордомы из Австразии, потомки Арнульфа из Меца и предки Пепина III и Карла Великого, уже предъявляли серьезные претензии на власть в Нейстрии.

Все это говорит о том, что власть позднемеровингских королей обладала политической силой и значимостью. Как следует из исследования Р. Гербердинга, в восприятии автора «Истории франков» франкские короли крепко держали бразды правления в своих руках, и только от них зависело поддержание мира в государстве. Отметим, что в результате появления авторитетного труда Гербердинга сложилась интересная и неоднозначная историографическая ситуация в отношении данного вопроса: в частности, ученый сформулировал теорию, согласно которой в VII в. власть франкских королей не только не ослабла, но, наоборот, даже укрепилась. К наиболее уязвимым сторонам работы английского историка относится, пожалуй, тот факт, что механизмы реализации власти остались в его исследовании нераскрытыми.

В том же ключе написан ряд трудов П. Форакра. В них медиевист постарался рассмотреть различные аспекты политики Франкского королевства, уделив особое внимание проблемам королевского двора и его взаимоотношениям с местной знатью. Цель работы П. Форакра заключалась в выявлении подлинной роли двора, который был не только центром власти, но и «объектом притяжения» для представителей всех групп светской и церковной иерархии, искавших и находивших в курии поддержку собственных интересов.

Изыкания обоих авторов подтвердили необходимость осторожной оценки политической практики Раннего Средневековья, т.к. в них было показано, что в это время власть основывалась, прежде всего, на личных связях, а не на каких-то институциональных принципах²⁵. К недостаткам указанных исследований можно отнести несколько односторонний характер изучения источников: авторы сфокусировали внимание на анализе событий в отрыве от особенностей памятников, повествующих о них. Между тем многочисленные труды по истории Средних веков, увидевшие свет в XX в., показали, что учет авторской позиции необходим для понимания того, каким образом исторические события отразились в тексте своего времени.

Итак, не вызывает сомнения тот факт, что изучение роли королевства франков в процессе формирования раннесредневекового общества является (даже при наличии фундаментальных трудов XIX—XX вв.) актуальной и, увы, не решенной полностью проблемой современной медиевистики.

Впервые при оценке различных исторических концепций социально-политического развития меровингского государства нами была выявлена степень их зависимости от схемы, заложенной в историографии эпохи Реставрации (вторая четверть XIX в.). Кроме того, удалось продемонстрировать зависимость не критического исследования историков первой половины XIX в. от летописной традиции франкской эпохи.

В процессе подготовки настоящей монографии нами были обобщены данные новых источниковедческих подходов к изучению историографии франкской эпо-

хи. При рассмотрении проблемы достоверности свидетельств франкских историков учитывалась степень их приобщенности к позднеантичной исторической традиции, а их историографический метод рассматривался в широком социокультурном контексте. Комплексный подход к анализу творческого наследия историков указанной эпохи позволил обнаружить основные закономерности отражения действительности в памятниках исторической мысли, агиографии и права.

Пользуясь случаем, хотел бы поблагодарить коллег по кафедре истории Средних веков СПбГУ, научного редактора книги А.К. Гладкова, а также рецензентов — О.В. Аурова и Д.С. Конькова, содействовавших появлению настоящей труда.

Примечания

- ¹ В качестве примеров можно привести сочинения Б. Ренана. См.: *Rhenanus B. Rerum Germanicarum libri tres*. Basel, 1531.
- ² *Thierry A. Récits des temps mérovingiens, précédés de Considérations sur l'histoire de France*. P., 1840. Тьерри считал, что в VI в. (т.е. в период, описываемый Григорием Турским) франкские короли хоть и относились со все возрастающим уважением к католическому епископату, но оставались по сути варварами и «язычниками». Взгляды Тьерри во многом развил и повторил один из представителей «малогерманской» партии. См.: *Sybel H. von Entstehung des deutschen Königthums*. Frankfurt am Main, 1881. В этой работе, выполненной в рамках концепции, заложенной Тьерри, отрицалось наличие какой-либо государственности у германцев. Отчасти противоположная точка зрения принадлежала Ф. Гизо: *Guizot F. Recits historiques*. Bielefeld, 1897. Ее отличие от взгляда Тьерри состояло в том, что он придавал большее значение цивилизаторской функции галло-римского епископата, и считал, что благодаря ему Хлодвиг и последующие меровингские короли стали заимствовать римскую культуру, пытаясь имитировать римские образцы в области представлений о власти.

- ³ *Dahn F.* Die Könige der Germanen. Leipzig, 1894. Bd. VII. Die Franken unter den Merowingern. Abt. 1. Королевству франков был посвящен 7 том. Ф. Дан отдал дань концепциям обоим французским исследователям и попытался согласовать их разногласия.
- ⁴ *Kosinna G.* Die Herkunft der Germanen. Zur Methode der Siedlungsarchäologie. Würzburg, 1911. Результатом стало появление в школьных учебниках всех стран карт, на которых стрелами были отмечены основные направления «военных кампаний» варваров.
- ⁵ Классической монографией является: *Roth P.* Feudalität und Untertanverband. Aalen, 1863. Среди работ, развивавших данную точку зрения, можно назвать в первую очередь: *Hintze O.* Wesen und Verbreitung des Feudalismus. Weimar, 1929, и отчасти — *Mitteis H.* Lehnrecht und Staatsgewalt. Weimar, 1933.
- ⁶ Среди многих исследований этого историко-правового жанра основными и оказавшими наибольшее влияние являются: *Waitz G.* Deutsche Verfassungsgeschichte. Kiel, 1876. Bd. VII. Die deutsche Reichsverfassung von der Mitte des neunten bis zur Mitte des zwölften Jahrhunderts; *Beauchet L.* Histoire de l'organisation judiciaire en France. Époque franque. P., 1886; *Glasson E.* Histoire du droit et des institutions de la France. P., 1888. T. II. Époque franque; *Viollet P.* Histoire des institutions politiques et administratives de la France. P., 1890. Vol. I—II.
- ⁷ *Fustel de Coulanges N.D.* Histoire des institutions politiques de l'ancienne France. P., 1875. Vol. I—VI. Его точка зрения традиционно называется «романистской», хотя сам ученый отвергал такое определение собственных взглядов.
- ⁸ *Fustel de Coulanges N.D.* Histoire des institutions politiques de l'ancienne France.
- ⁹ *Buchner R.* Das merowingische Königtum // Das Königtum. Konstanz, 1956. S. 143—150.
- ¹⁰ *Hauck K.* Von einer spätantiker Randkultur zum karolingischen Europa // Frühmittelalterliche Studien. 1967. Jg. 1. S. 3—93.
- ¹¹ Подобную точку зрения можно увидеть в: *Lot F., Pfister C., Ganshof F.L.* Histoire du Moyen Âge. P., 1928. T. I. Les destinées de l'Empire en Occident de 395 à 888. P. 297—325. Но наиболее концентрированным (и в чем-то даже гипертрофированным) выражением этого тезиса явилась книга А. Пиренна: *Pirenne H.* Mahomet et Charlemagne. 2-е изд. P., 1937. Необходимо отметить, что данная работа, сохранившаяся в виде черновиков, не была завершена автором при его жизни. Труд увидел свет бла-

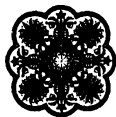
годаря усилиям одного из учеников, причем в процессе правки в текст вошли не только мысли и идеи, сформулированные Анри Пиренном в письменном виде, но и суждения, которые, как утверждал его ученик, произносились ученым устно в ходе личных бесед. В монографии показано, что приход варваров на территорию римской Галлии и Аквитании несколько не изменил социально-экономическую ситуацию в том регионе, которая как была, так и осталась связана с Поздней Античностью по своему характеру.

- ¹² Lot F., Pfister C., Ganshof F.L. Histoire du Moyen Âge. T. I. P. 297—325.
- ¹³ Lot F. La fin du monde antique et le début du moyen age; avec quatre cartes et trois planches hors texte. P., 1927; Fournier G. Les Mérovingiens. P., 1996; Stroheker K.F. Die geschichtliche Stellung der ostgermanischen Staaten am Mittelmeer // Germanentum und Spätantike. Zürich, 1965. С. 102—133; Folz R. De l'antiquité au monde médiéval. P., 1972.
- ¹⁴ Jones A.H.M., Martindale J.R., Morris J. The Prosopography of the Later Roman Empire. Cambridge, 1992. Vol. II. P. 942.
- ¹⁵ Levy E. Weströmisches Vulgarrecht: das Obligationenrecht. Weimar, 1956.
- ¹⁶ Блок М. Феодальное общество. М., 2003.
- ¹⁷ Первопроходцем в этой области и создателем очень влиятельной историографической традиции (и школы) во Франции был Жорж Дюби, который постарался обосновать тезис Марка Блока на примере историко-правового исследования практики зависимости воинов от магнатов. См.: DUBY G. Recherches sur l'évolution des institutions judiciaires pendant le X et XI siècle dans le sud de la Bourgogne 1 // Le Moyen Âge. 1946. Т. 52. № 2—4; *Idem*. Recherches sur l'évolution des institutions judiciaires pendant le X et XI siècle dans le sud de la Bourgogne 2 // Le Moyen Âge. 1947. Т. 53. № 1—2. Основным его трудом, эталоном для всех его последователей, стал: *Idem*. La société aux XI et XII siècles dans la région Mâconnaise. P., 1953.
- ¹⁸ Verlinden C. L'esclavage dans l'Europe médiévale. Brugge, 1955; Bonnassie P. Survie et extinction du régime esclavagiste dans l'Occident du Haut Moyen Âge (IV—XI siècle) // Cahiers de civilisation médiévale. 1985. P. 307—43.
- ¹⁹ Филиппов И.С. Средиземноморская Франция в Раннее Средневековье. Проблема становления феодализма. М., 2000.
- ²⁰ Marrou H.I. Histoire de l'éducation dans l'antiquité. P., 1965; Brown P. Society and the Holy in Late Antiquity. Berkeley, 1982; *Idem*. The

World of Late Antiquity, 200—750. L., 1971; *Chastagnol A.* L'évolution politique, sociale et économique du monde romain de Diocletien à Julien: la mise en place du régime du Bas-Empire (184—363). P., 1994.

- ²¹ *Noble T.* The Transformation of the Roman world. Reflexions on Five Years of Work // East and West: Modes of Communication. Proceedings of the First Plenary Conference at Merida / Ed. by E. Chrysos, I. Wood. Leiden, 1999. P. 266.
- ²² *Hen Y.* Roman Barbarians: the Royal Court and Culture in the Early Medieval West. N.Y., 2007; *Heather P.* The Restoration of Rome: Barbarian Popes and Imperial Pretenders. L., 2014; *Halsall G.* Barbarian Migrations and the Roman West, 376—568. Cambridge, 2007.
- ²³ *Lot F., Pfister C., Ganshof F.L.* Histoire du Moyen Âge. T. 1. P. 319—325.
- ²⁴ *Gerberding R.* The Rise of the Carolingians and the “Liber Historiae Francorum”. Oxford, 1992.
- ²⁵ *Fouracre P.* Merovingian History and Merovingian Hagiography // Past and Present. 1990. Vol. 127. P. 3—38; *Idem.* Observations on the Outgrowth of Pippinid Influence in the “Regnum Francorum” after the Battle of Tertry (687—715) // Medieval Prosopography. 1984. Vol. 5. № 2. P. 1—31; *Idem.* Merovingians, Mayors of the Palace and the Notion of a “Low-Born” Ebroin // Historical Research. 1984. Vol. 57. № 135. P. 1—14; *Fouracre P., Gerberding R.A.* Late Merovingian France: History and Hagiography, 640—720. Manchester, 1996.

Глава I
Григорий Турский, Фредегар
и автор “Liber historiae francorum”:
Романо-германский синтез
VI – первой половины VII в.
глазами авторов исторических
сочинений

§ 1. Введение

По традиции, идущей от историографии XIX в., исследование Мерovingского королевства следует начать с обзора нарративных источников. В XIX—первой половине XX в. ученые, опираясь в первую очередь именно на эти источники, разработали подходы к анализу политического и социального устройства королевства франков в период правления династии Мерovingов, которые хотя и остаются актуальными в настоящее время, но, тем не менее, не свободны от неточностей¹.

Медиевисты XIX—первой четверти XX в., занимавшиеся изучением Мерovingского королевства, приняли за обыкновение делить его историю на два кардинально отличающихся друг от друга периода. Так, VI в. и первая половина VII в. воспринимались временем максимальных успехов франков и их правителей, эпохой расцвета династии Мерovingов, короли которой распространили свое влияние не только на всю Галлию, но даже на земли к востоку от Рейна². Данный период одновременно считался временем, когда мерovingские короли — несмотря на то, что они оставались варварами и не успели проникнуться галло-римским духом — смогли утвердиться в качестве единственных правителей Галлии, диоцеза, который при всех оговорках являлся в значительной степени романизированным.

Период с середины VI в. и до конца существования Мерovingской династии в 751 г. в историографии XIX—XX вв. считался временем постепенной «романизации» франков, которые хотя и не стали галло-рим-

лянами, но по крайней мере отошли от варварства³. Одновременно эта эпоха постепенного усваивания Мерovingами политической культуры поднеримской провинции Галлии воспринималась временем правления «слабых» или «ленивых» королей (“*rois faineants*”), которым не хватало «доблести» бороться за власть так, как это делал Хлодвиг и его сыновья и внуки⁴. В этом историки Нового времени следовали традиции, сложившейся еще в каролингскую эпоху. Например, Эйнхард видел в предшественниках своих каролингских покровителей слабых, «длинноволосых» властителей, «влекомых в повозках волами». Кроме «Жизнеописания Карла Великого» Эйнхарда, где данная точка зрения прослеживается наиболее ярко, подобные взгляды также характерны для «Первых Анналов Меца» (“*Annales mettensis priores*”) и для каролингских редакций «Хроники» Продолжателя Фредегара⁵. Таким образом, во многих исторических сочинениях франкской эпохи мы уже находим картину династического кризиса, постепенного упадка власти Мерovingов во второй половине VII в. и выражение нарастающего чувства потери этой династией легитимности и превращения ее представителей в тиранов⁶. Подобная пристрастная оценка каролингских историков нашла отражение и в историографии XIX—XX вв., в рамках которой события, приведшие к смене династии в 751 г., рассматривались как результат династического кризиса. Исследователи XIX—XX вв., как правило, считали эту эпоху самой темной страницей Средневековья⁷. Данная трактовка событий мерovingской эпохи стала практически господствующей в историографии XIX—XX вв.

Некоторую брешь в историографии вопроса пробило вышедшее на исходе XX в. фундаментальное ис-

следование Р. Гербердинга, подвергшее сомнению тезис о королях VII и начала VIII в. как о «слабых» или «ленивых» правителях. Автор аргументированно показал, что даже поздние короли этой династии вполне успешно выполняли роль посредников между различными властными группами⁸. Гербердинг сравнил картину, нарисованную Эйнхардом, с тем, как отразилась эпоха в центральном для позднемеровингского периода историческом сочинении “*Liber historiae francorum*”. Сопоставление выявило очевидные противоречия в двух картинах позднемеровингской Галлии: если для Эйнхарда меровингские короли после 653 г. были «ленивыми», то современник событий, каким являлся автор “*Liber historiae francorum*”, не чувствовал ослабления власти последних меровингских правителей. Даже когда в 672 г. нейстрийская знать сместила Теодериха III, причиной чему было резкое недовольство майордомом Эброином, подчинившим государя, и призвала ему на смену его двоюродного брата Хильдерика II, то для автора “*Liber historiae francorum*” это было доказательством того, что основу франкской политики определял поиск согласия⁹. Даже когда в областях, удаленных от Нейстрии (таких как Аламания, Бавария и Аквитания), бывшие меровингские графы стали постепенно забирать все больше власти¹⁰, автор “*Liber historiae francorum*”, тем не менее, не видел в этом угрозы положению меровингской династии¹¹. Аргументация Р. Гербердинга не получила всеобщего признания и его концепция остается дискуссионной до сих пор. Положительным является то, что исследователь обратил внимания на важный факт — современникам по-разному представлялась дееспособность королевской власти в позднемеровингский период.

Данный труд побуждает нас, помимо всего прочего, задаться вопросом, почему в сочинениях одной эпохи стало возможным отразить столь разные картины королевской власти.

§ 2. Политическая история королевства франков во второй половине VI—VII в.

Для обсуждения истории Меровингского королевства сперва следует обозначить основные вехи этого периода. После раздела державы франков Хлодвигом между сыновьями в 511 г. экспансия франков приостановилась¹². Однако в 534 г. после удачной войны против Бургундии его наследники — Хильдеберт и Хлотарь I — присоединили ее западную и южную части к своим королевствам (с центрами в Париже и в Суассоне), а их племянник Теодеберт (сын Теодериха, другого сына Хлодвига), найдя общий язык со своими дядями, присоединил к своему королевству (охватывавшему Мец, Овернь и близлежащие области) северную часть Бургундии¹³. Несмотря на то, что на этом присоединение новых земель к королевству франков практически прекратилось¹⁴, процесс внутреннего обустройства, в частности, оформления составных частей Франкского королевства (в том виде, в котором мы привыкли его воспринимать — Нейстрия, Австразия, Бургундия) был еще далек от завершения. На месте будущей Нейстрии еще существовали Суассонское королевство Хлотаря I и Парижское королевство Хильдеберта, которые были слишком малы, чтобы оказывать значительное влияние на всю Галлию¹⁵.

Когда Хлотарь I умер в 561 г., новый раздел земель привел к временному равновесию сил, продержавшемуся недолго. Смерть одного из братьев, Хариберта, в 567 г. привела к кризису власти и конфликту между королями Хильпериком I (561—584, правителем Суассонского королевства), Сигибертом (535—575, правителем Австразии) и Гунтрамном (525—592, королем Бургундии). Этот конфликт продолжался и тогда, когда умер один из его участников, Сигиберт, а трон Австразии занял Хильдеберт II, его сын (575—596). Но тогда произошло перераспределение сторон в конфликте, который из спора между северо-западом Галлии и Бургундией превратился в спор между Суассонским королевством и Австразией¹⁶. Этот конфликт продолжался до смерти Хильперика в 584 г. Именно в ходе противостояния произошла «консолидация» составных частей королевства (Нейстрии, Австразии, Бургундии), т.е. определение (хотя бы вчерне) после раздела 561 г. их границ¹⁷. Данный сюжет является центральным для истории Меровингского королевства во второй половине VI в., потому что именно тогда были заложены основы для оформления каркаса Франкского королевства, который составил фундамент не только меровингской власти в VII—первой половине VIII в., но и каролингской власти в период VIII—IX вв.

В правление Хлотаря II (584—629) была сделана попытка объединения королевства, в которое вошли Нейстрия (владение его отца), Бургундия и Австразия (613 г.). В эту же эпоху власть Хлотаря II, представителя «Суассонской» ветви династии, распространяется на Бургундию и Австразию. Но одновременно в структуре меровингского господства над Галлией и сопредельными областями наметились региональ-

ные различия. Если в Бургундии знать довольствовалась тем, что один из ее представителей стал майордомом короля Нейстрии, то в Австразии Хлотарю II пришлось пойти на уступки местной аристократии: в угоду местным знатным родам он поставил во главе региона своего сына Дагоберта I, а не просто майордома¹⁸. Последний продолжил дело своего отца по объединению франков, но в последние годы правления, в связи с неудачными военными походами на юг Франции и в земли саксов к востоку от Рейна он вынужден был уступить давлению австразийской знати. В частности, в 633 г. Дагоберт I сделал своего сына Сигиберта III правителем Австразии, а через год поставил другого сына Хлодвига II королем Нейстрии. На первый взгляд, это распределение власти может показаться выражением центробежных тенденций политического развития. Однако один из виднейших исследователей меровингской эпохи Эвиг оценивал правление Хлотаря II и Дагоберта I как попытку объединения франков под властью одного короля, хотя и не завершившуюся полным успехом¹⁹.

События времени правления сыновей Дагоберта I, а тем более события эпохи, которая началась после их смерти, известны намного хуже; это обуславливается плохим состоянием источниковой базы и тем, что имеющиеся источники по-разному описывают историю периода. Правление Балтхильды (ок. 653—ок. 657), вдовы Хлодвига II, низложение и восстановление короля Теодериха III (673—675 гг.), постепенное усиление австразийских майордомов после того, как они дали бой меровингскому правителю Нейстрии при Тертри в 687 г. — все эти события описаны крайне скудно. Попытки же реконструировать и понять их в хронологиче-

ской и смысловой последовательности, к сожалению, не привели пока к созданию лишенной противоречий версии и оставляют широкое поле для дискуссии²⁰.

В связи с тем, что со времен Тьерри корпус основных источников по истории правления династии Меровингов в Галлии остается неизменным: «История» Григория Турского (VI в.), «Хроника» Фредегара (середина VII в.), сочинение Продолжателя Фредегара и анонимная «История франков» (написанная в конце VII или начале VIII в. и известная исследователям Раннего Средневековья под названием “*Liber historiae francorum*”), а в работах последних лет выявлены противоречия в картинах политической истории позднеромвингского времени, следует вновь обратиться к изучению этого хорошо известного комплекса источников. В данной главе будет предпринята попытка обратиться к той главной тенденции в истории Франкского королевства, которую удалось застать и Григорию Турскому, и его явному последователю Фредегару: а именно, постепенному объединению государства под властью одной династии после почти века существования в раздробленном состоянии после разделов 511, 561 и 584 гг.²¹ Перераспределение власти в Меровингском королевстве второй половины VI и начале VII в., которое является одним из центральным эпизодов раннесредневековой истории, нуждается в более тщательном исследовании в связи с тем, что на базе нового прочтения источников подвергся переосмыслению следующий за ним период²². Нам предстоит ответить на три вопроса: о достоверности картины развития королевства франков во второй половине VI в. в доступных нам исторических трудах, о разночтениях, которые можно найти в различных истори-

ческих сочинениях в описании этого периода, и о том, почему историки эпохи создавали именно тот образ, который можно найти в их сочинениях. При этом следует более глубоко учитывать мировоззрение ранне-средневековых авторов как на уровне общих для эпохи принципов, так и в конкретном воплощении приемов и методов той риторической культуры, к которой они принадлежали. Как нам представляется, сравнение даст возможность проследить эволюцию в методах историописания и ответить на вопрос — как связана традиционная периодизация меровингской истории и смена исторических парадигм? Наиболее яркий интересующий нас аспект данной проблемы проявляется при сравнении образов властителей и королевского двора у историков франкской эпохи.

§ 3. Образ власти в «Истории франков» Григория Турского

«История» Григория Турского никогда не выпадала из поля зрения средневековых хронистов, а для историков Нового времени стала одним из важнейших источников по истории Раннего Средневековья. В националистических по сути спорах о «варварстве» и «цивилизации», сопровождавших отмену «Священной Римской империи германской нации» Наполеоном в 1806 г. и в процессе поиска нового пути для Германии в ситуации острой конкуренции цивилизационных моделей после Венского конгресса (1815 г.), это сочинение стало одним из важнейших источников для историков, стремившихся создать цельную концепцию перехода от Поздней Античности к Раннему

Средневековью и захвата римских провинций варварами. Труд епископа Тура стал значимым средством полемики в столкновении двух полярных взглядов на причины падения Римской империи на Западе и на характер новых варварских королевств, образовавшихся на ее обломках. Это произошло благодаря О. Тьерри, который в споре с немецким исследователем А. Рогге сделал красочные рассказы из «Истории» Григория Турского главным доказательством «варварского» характера королевства франков, дав епископу Тура большее «право голоса», чем безымянным составителям «Салической правды» в силу очевидной «достоверности» нарисованной им картины²³. В своей полемике французский ученый признал Хлодвига успешным правителем, объединившим галло-римлян и франков, но одновременно представил Хлодвига (и, по ассоциации, его сыновей и внуков) не более чем «игрушками» в руках католического епископата, таким образом, подчеркивая внутреннюю противоречивость процесса «романо-германского синтеза». Он использовал сочинение епископа Тура как доказательство «варварства» франкских порядков в течение всего VI в.²⁴ Например, в своих «Рассказах из времен Меровингов» красочно описывал четырех сыновей короля Хлотаря как настоящих варваров²⁵. Вклад ученого в отношении к Меровингской истории как к периоду господства варварства было отмечено и рецензентами его работ в России²⁶. Гизо, последовав за предшественником, подтвердил эту точку зрения, основанную на истолковании сочинения Григория Турского, уже на материале варварских правд. Гизо подчеркнул, что «свобода», которая, по мнению Рогге, являлась главной позитивной чертой в варварском быте, принципиально от-

личавшем его от «деспотизма» Римской империи, была не более чем господством грубой силы, а не другой цивилизационной модели²⁷. Концепция Тьерри стала хрестоматийной во французской науке к концу XIX в., как это можно заметить на примере сочинения Целле, который развернул тезисы своего предшественника и красочно описал Хлодвига как варварского короля²⁸. С публикацией «Рассказов из времен Меровингов»²⁹ Тьерри и сочинения Гизо фактический материал, а иногда, неосознанно, и исторические концепции Григория Турского определяют объем знаний об эпохе каждого европейца, закончившего гимназический курс. С этим грузом школьной премудрости и пред-рассудков будущие исследователи приходят в университеты, а иногда сохраняют их и на протяжении всей своей академической карьеры.

Вкладом О. Тьерри и Ф. Гизо в исследование меровингской истории явились несколько основных тем, которые и определили последующую историографию вопроса. Во-первых, в «Рассказах из времен Меровингов» первого автора уделено достаточно внимания анализу ярких эпизодов истории Франкского королевства VI в., при этом практически проигнорирован позднемеровингский период. В итоге именно ранняя история Меровингского королевства, отраженная в «Истории» Григория Турского, стала объектом специального изучения медиевистов и неувядаемого интереса широкого читателя. Вместе с тем VII—первая половина VIII в. (т.е. события, изложенные в четвертой книге «Хроники» Фредегара, в сочинении его Продолжателя, и в “*Liber historiae francorum*”) оказались для Тьерри и для его последователей лишь развитием возникших ранее тенден-

ций³⁰. Во-вторых, ученый заложил традицию безоговорочного доверия к «Истории», создав миф об объективности Григория Турского.

Ф. Гизо, в свою очередь, тоже задал историографический вектор: он выделил основные аспекты «романо-германского синтеза», взяв в качестве ключевых иллюстраций истории с «Суассонской чашей» и крещением Хлодвига, ставшие с тех пор хрестоматийными. Он же использовал их как доказательство «варварства» франков и после завоевания Галлии. Центральным сюжетом сближения позднеантичного и варварского обществ в Галлии Гизо считал превращение Хлодвига из дружинно-племенного предводителя в самодержавного правителя, доказательством чего служили эти две истории³¹.

Итог изучению метода Григория Турского подвел в конце XIX в. в. Ваттенбах, чья работа по историографии стала классическим учебным пособием, а построения явились во многом основополагающими для последующих поколений ученых. Он развил изыскания предшественников и подчеркнул, что взгляды ученого епископа-историка из г. Тур были «наивными» и бесхитростными³². Рассматривая историческую концепцию Григория, он суммировал проведенные в XIX в. исследования и ясно сформулировал тезис, что главной целью епископа Тура было всего лишь правдиво и в меру своих скромных способностей (в латыни и в языке в целом) изложить процесс перехода от римской Галлии к Галлии варварской, т.е. франкской, и подчеркнуть то, что приход Хлодвига знаменовал окончание римского господства³³.

Большое доверие к «фактам», излагаемым Григорием Турским, и их пристрастная интерпретация О. Тьерри

создали ряд широко распространенных, но, тем не менее, не совсем верных представлений, которые значительно отставали от картины этой эпохи, полученной в научных трудах. Взгляд знатоков на меровингскую историю существенно изменился. Однако заключения и результаты осуществленных исследований — в силу своего узкопрофессионального характера — не всегда становились частью инструментария специалистов, зачастую оставаясь недоступными даже для медиевистов. В длинном ряду ученых, использовавших материалы Григория Турского, особенно следует выделить тех, кому удалось выработать новаторские подходы к интерпретации данного авторитетного источника³⁴.

Со времени появления «Рассказов из времен Мерovingов» О. Тьерри к «Истории» Григория Турского относились, прежде всего, как к неиссякаемому источнику информации. Стремление организовать полученные данные в целостную систему стало одной из центральных задач современного исследователя. Мироззрение автора интересовало ученых только в самом общем виде. Главным образом, привлекала внимание явно выраженная у Григория прокатолическая трактовка событий, связанных с готами-арианами. Именно по этой причине он сознательно скорректировал рамки повествования, обращаясь к событиям Вестготской Испании. Заданная Тьерри традиция доверять епископу Тура была связана в первую очередь с великолепными качествами рассказчика, которыми он обладал. История вставала перед глазами его читателей как живая, и благодаря этому казалось, что правдивость рассказов Григория Турского не нуждается в проверке и оценке. Почитание Григория Турского зиждилось на внутреннем доверии исследовате-

лей к достоверности представляемой им информации. Определенной попыткой объяснить, хотя бы в общих чертах, данный феномен, можно считать предположение, выдвинутое Хеллманом в начале XX в. В статье, написанной на основе подготовленного им критического издания текста Григория Турского, подчеркивается, что центральным положением «методологии» историописания франкского историка был «реализм»³⁵. К сожалению, содержание и специфику этого «реализма» Хеллман не раскрыл, и понадобилось еще полвека, чтобы в исследовании Ауэрбаха истоки методов иллюзорного воссоздания действительности были обнаружены в позднеантичной культуре. Мало оказалось среди историков XIX—начала XX в. тех, кто обратил бы внимание на Григория Турского как на оригинального автора, а не просто как на епископа-архивариуса, собиравшего мелкие детали и разрозненные факты о приходе и пребывании франков в Галлии. Если исследователи и обращались к таким проблемам, как историографические метод и техника Григория, то только для того, чтобы подвергнуть его критике за неточности и ошибки, не пытаясь понять, были ли они следствием унаследованного им от Поздней Античности риторического подхода к действительности, или же результатом незнания, неосведомленности и простой небрежности³⁶.

Несмотря на кажущуюся «прозрачность» метода Григория Турского, попытки углубленного изучения этого вопроса поставили в начале XX в. ряд неразрешимых проблем. В частности, критика первых книг «Истории», посвященных приходу франков в Галлию и созданию королевства Хлодвигом, показала, что изложение епископа Тура не свободно от систематиче-

ских неточностей (или даже идеологической «заданности»)³⁷.

Любопытно, что на восприятие учеными наследия Григория Турского влияла даже современная им политическая конъюнктура в Европе. Так, когда после окончания Первой мировой войны шовинистический задор в трактовке ряда предметов, присущий как французской, так и немецкой историографии, стал считаться дурным тоном, почти одновременно во Франции, Германии и Бельгии появились работы, в которых по-новому были истолкованы ссылки Григория на «варварство» франков и центральную роль епископата в управлении позднеантичной и ранне-средневековой Галлией³⁸. Исследователи отвергли идеи «варварства» Хлодвига, подчеркнув, что Григория Турского можно считать апологетом раннесредневекового правителя³⁹. Все это предполагало, что Григорий Турский не просто собирал факты, а пытался оформить свой рассказ о Хлодвиге так, чтобы данная история задала тон его концепции места событий в Галлии в общечеловеческом плане. Появилось осознание ограниченности «Истории» Григория Турского как исторического источника, потому что, как стало ясно в результате осмысления целого полувека исследований, даже базовая хронология правления Хлодвига не может быть установлена точно. В пользу недостоверности основных событий его правления выступал в разное время ряд авторов⁴⁰. Даже сложилась школа тех, кто соглашался с Григорием Турским и считал его рассказ достоверным⁴¹.

Взвешенному отношению к Григорию Турскому как к историку, обладающему особым видением мира, а также прошлого, настоящего и будущего Гал-

лии, а не просто бытописателю, было суждено пройти еще через одно испытание. Существенное влияние (не во всем позитивное) на оценку места сочинения Григория Турского в раннесредневековой историографии внес исследователь, чьей специализацией была не столько история, сколько литературоведение. Швейцарский ученый Эрих Ауэрбах написал фундаментальную работу, посвященную особенностям литературных жанров Средневековья. В центре внимания оказались способы изображения действительности в различные историко-культурные эпохи⁴². Обратившись к реалистичности описания событий Григорием Турским, Ауэрбах открыл роль детали, способствующей созданию иллюзии личного присутствия автора при описываемом им событии, что, в свою очередь, порождало глубокое доверие к сообщаемым им сведениям. На самом деле, читателей такое обилие подробностей в изложении событий, которые вообще не имели никаких свидетелей, должно было насторожить и вызвать недоверие. Парадоксальным образом, как об этом свидетельствует историографическая традиция использования сочинения Григория Турского, все происходит наоборот, и именно детали в течение долгого времени вызывали у историков ощущение доверия к «Истории», которая, как они считали, правдиво воспроизводила раннесредневековую действительность⁴³.

Заслуга Ауэрбаха состоит в том, что он показывает на широком историко-литературном материале, как в традициях самой античной словесности развивается риторический по своей природе глубоко формализованный метод воссоздания иллюзии и представления факта правдоподобным. Если до Ауэрбаха

Григорий Турский рассматривался лишь как соединение в одном лице католического епископа, плохо владеющего, однако, синтаксисом латинского языка, и патриотически настроенного в отношении франков историка, то в свете новаторского исследования Ауэрбаха открылись новые направления изучения связи Григория с позднеантичной культурой. Историческое мировоззрение Григория не рассматривалось Ауэрбахом, да это и не входило в его задачи. Однако в последовавших за его исследованием трудах обозначился глубокий интерес к Григорию как историку со своим особым методом, сердцевину которого составляет искусство повествователя, что следует учитывать при оценке степени достоверности сообщаемой им информации.

Несмотря на попытку «реабилитировать» Григория Турского, предпринятую Ауэрбахом, изыскания XX в. привели к осознанию того, что сочинение епископа Тура страдает неточностями, несмотря на всю его кажущуюся «достоверность». Как следствие, Гансхоф попытался спасти репутацию епископа Тура как историка, обратив внимание на несколько особенностей его повествования. Он отметил, что первые две книги, которые были отведены Григорием под библейскую историю и историю христианской церкви Галлии в ее связи с христианской церковью франков и с коронаванием Хлодвига, наиболее компилятивны, и поэтому мы не можем судить о его историческом методе на их основе⁴⁴. В них Григорий Турский сильно зависел от традиции, христианской и франкской⁴⁵. Гансхоф также подчеркнул, что события конца V—первой половины VI в., которые описывал Григорий Турский, он не мог наблюдать лично и, следовательно, лишь пересказывал

устную традицию. А ее качество от Григория не зависело, и поэтому исследователи не имеют оснований судить его строго за ошибки и неточности.

Зато небольшой период второй половины VI в., как подчеркнул Гансхоф, Григорий мог наблюдать лично. Он отмечает, что в книгах с V по X Григорий Турский отходит от пересказа традиции и уделяет много внимания событиям, информацию о которых он почерпнул у хорошо осведомленных людей, у “*dramatis personae*” (т.е. у участников событий)⁴⁶. Епископ начинает изложение с позднеантичной истории церкви в Галлии, но во второй части своей «Истории» в центр его повествования становится “*Regnum francorum*” — королевство франков⁴⁷. Этот дифференцированный подход в отношении сочинения епископа Тура дал возможность снять с повестки дня вопрос о недостоверности изображения им начала франкской истории.

Издатель немецкого перевода «Истории» Р. Бюхнер внес свой вклад в оценку достоверности текста Григорий Турского и его методов историописания. Он подчеркнул, что текст этого сочинения составлялся постепенно, и разные части отличаются друг от друга в плане оформления их Григорием Турским в рассказ. Первыми были написаны книги с I по IV, а книге V Григорий Турский предпослал небольшое введение, как и книге I. Это сознательное разбиение автором текста подтверждает идею Гансхофа о том, что епископ Тура видел разницу в характере своих источников и повествования. В отличие от событий кн. I—III, начиная с кн. V, он описывал события почти что в форме анналов⁴⁸. Текст «Истории» 5, 14, характеризующий события 577 г., мог быть написан только

в период с 580 по 582 г., или в короткий промежуток времени в 584 г. Связано это с тем, что в данной главе Григорий Турский повествует о потере Хильпериком сына. Старший сын Хильперика скончался в 580 г.⁴⁹, а Теодерих, второй сын, родился в 582 г.⁵⁰ Он умер рано, в 584 г., но в этот же год у Хильперика родился другой сын, Хлотарь II⁵¹. В той части книги, которая описывает события 584 г., Григорий говорит о епископе Сульпиции из Буржа как о здравствующем⁵², однако последняя книга (591 г.) упоминает о его кончине⁵³. В 585 г. Григорий пишет: борьба между королями подошла к концу⁵⁴, не зная о том, что она будет продолжаться еще три года⁵⁵. Таким образом, Григорий писал с перерывами в 3—5, иногда 7 лет, и поскольку описываемая им ситуация менялась, то менялась и точка зрения на события⁵⁶. Для Бухнера это является доказательством идеи (чуть ранее выдвинутой Гансхофом) о том, что во второй половине своей «Истории» Григорий Турский писал по горячим следам и фиксировал события по мере их хода⁵⁷. Центральным моментом второй части является правление короля Хильдеберта I, которого Григорий описал как примерного христианского властителя и по годам его правления он датировал историю Меровингского королевства⁵⁸. Изложение Григорием событий, связанных с правлением Хильдеберта, дает возможность сделать вывод, что эта часть текста была создана в момент событий или по их свежим следам⁵⁹.

Изложенные выше наблюдения, касающиеся метода и стиля Григория Турского, оказали большое воздействие на историков послевоенного периода, обратившихся к исследованию конкретной проблемы отображения образа власти в «Истории»⁶⁰. Впрочем, в

начале XX в. наиболее чутким к проблемам авторского мировоззрения ученым было известно, что объективность Григория Турского наигранная, и за ней стояла тенденциозность⁶¹. Например, Хелманн отмечал как искусственную риторическую конструкцию то, что у Григория «демоническим» Хильперiku и Фредегунде противостоял «добросердечный» Гунтрамн⁶². Данная точка зрения была полностью и некритически заимствована у Тьерри⁶³. Подобные «прозрения», к сожалению, оказались не востребованными последующей историографией, и потребовалось еще много десятилетий, чтобы систематические поиски истоков мировоззрения Григория и его различных аспектов стали главнейшей задачей историков, занимающихся указанным периодом. В частности, вопросы об исторических концепциях и задачах, которые ставил перед собой Григорий Турский, характерны именно для исследователей последних лет. Можно отметить работу немецкого ученого М. Хайнцельмана, обратившего внимание на влияние, которое оказали на Григория Турского эсхатологические концепции истории, характерные для позднеантичного христианского мировоззрения⁶⁴. Однако в этом труде автор акцентировал только один из аспектов мировоззрения Григория Турского, а именно — его церковно-эсхатологический характер. Иными словами, остается возможность изучить другие основания организации материала историком конца VI в. Современные медиэвисты поделили сочинения V—VII вв. на те, которые следовали потестарной мифологии варварских племен, и те, которые интегрировали в повествование элементы христианской телеологии. Григорий Турский был отнесен ко второй группе⁶⁵.

Один из важнейших вопросов, поставленных в данном исследовании, касается выявления в сочинениях раннесредневековых историков, живших в королевстве франков, позднеантичных культурных установок, и определения степени влияния, которое эти традиции оказали на формирование образа Франкского королевства. Суть вопроса кроется не просто в использовании античных риторических моделей, т.к. для многих ученых неоспоримым фактом является их присутствие в культуре Раннего Средневековья. Проблема состоит в способах адаптации позднеантичной знаковой системы к реалиям Раннего Средневековья. И здесь можно заметить, что образованные люди, жившие в эпоху господства варваров в бывших римских провинциях, могли уйти в солипсизм, не пытаясь адаптировать свою систему представлений к новым реалиям. Кассиодор, например, практически не допускал проникновения реалий варварского мира в язык позднеантичного делопроизводства, и поэтому его Остготское королевство выглядит так, будто в Италии ничего не изменилось со времени падения Римской империи после прихода готов⁶⁶. На этом фоне подчеркивание Григорием Турским «варварства» франкской Галлии⁶⁷ давало возможность ученым в течение долгого времени утверждать, что королевство франков было наименее «романизованным» из всех варварских политических образований на момент возникновения в нем династии Меровингов, и что именно в нем можно в полной мере наблюдать процесс романо-германского синтеза. Более того, создалось впечатление, что период франкской истории, описанный Григорием Турским, был более варварским, чем последующие, когда франки постепенно

стали воспринимать (или, как минимум, адаптировать) наследие Поздней Античности. Для проверки данных утверждений обратимся к ставшим хрестоматийным эпизодам с «Суассонской чашей» и с крещением Хлодвига, первого меровингского короля франков.

* * *

Несмотря на то, что большинство сюжетов франкской истории, казалось бы, было многократно исследовано⁶⁸, ряд тем стал вновь привлекать внимание исследователей благодаря развитию в историографии новых концепций Раннего Средневековья. В частности, современное историописание возобновило те споры о достоверности исторического повествования Григория Турского, которые, казалось, остановились в силу невозможности найти единственно верное решение проблемы⁶⁹, и снова поставило вопрос о достоверности отдельных событий⁷⁰ и, таким образом, для оценки методологии историописания эпохи и осмысления процесса ее развития. Это является особенно актуальным потому, что для исторической литературы, использующей эпизоды из Григория Турского, характерно порой диаметрально противоположное истолкование смысла событий. В особенности, стоит обратить внимание на историю с «Суассонской чашей», которая широко тиражировалась в университетских и школьных учебниках по Средним векам, тем не менее, ее значение авторы исследований и учебных пособий понимали совсем по-разному⁷¹. Данный эпизод ярко выявляет эволюцию взглядов ученых на Григория Турского в течение двух столетий. В основе историографической традиции обращения к указанному эпизоду лежит взгляд Ф. Гизо. Историк превратил рассказ о том, как Хлодвиг

убил воина, не желавшего отдать церкви свою добычу (чашу из Суассонского собора), в доказательство того, что уже при Хлодвиге начался процесс романо-германского синтеза, который выразился в превращении властителя из «дружинного предводителя» в жесткого самодержавного правителя⁷². Представления о началах франкской истории, общие черты которых были выражены в программных «Исторических письмах» Тьерри, а детали разработаны в «Исторических рассказах» Гизо, стали практически общим местом в школьных и гимназических курсах, и оттуда проникли в массовое сознание.

Справедливости ради стоит отметить, что для ближайшего преемника и младшего современника Тьерри в Германии Ф. Дана этот эпизод еще не стал хрестоматийным при рассмотрении становления Меровингского государства. Он во многом разделил взгляды О. Тьерри о том, что именно Хлодвиг знаменовал собой создание королевской власти у франков. Однако он уточнил тезис французского ученого о примате Хлодвига как самодержавного правителя франков и подчеркнул, что его предшественниками были т.н. “Gaukönige”, местные франкские правители, чья власть, как правило, не распространялась дальше пределов городской округи (королевство Сигиберта с центром в Кёльне и королевство Рагнахара с центром в Камбрэ). Это представляет собой существенное отличие от взглядов О. Тьерри, потому что Ф. Дан отрицал, что Хлодвиг опирался на дружинные или племенные связи и подчеркивал — т.н. «дружина» Хлодвига насчитывала в лучшем случае несколько сотен вооруженных людей⁷³. Но немецкий исследователь во многом согласился с точкой зрения Тьерри о том, что присоединение

городов к королевству Хлодвига после физического устранения по его приказу этих правителей означало зарождение самодержавной власти. Данный процесс шел не за счет уничтожения родоплеменных связей (которых, как он полагал, к тому моменту у германцев уже практически не существовало), а за счет подчинения различных «малых» королевств франков одному властителю⁷⁴. В частности, ученый рассуждает о том, что о всеобщей «любви» франков к Хлодвигу, о которой пишет Григорий Турский, можно говорить только с иронией или насмешкой. Подобное утверждение стоит понимать именно как отрицание «общенародного», т.е. дружинно-племенного характера франкских властителей конца V—начала VI в. Ссылаясь на Григория Турского, медиевист подмечает, что из бывших римских провинций Хлодвиг захватил только королевство Сиагрия, которое занимало сравнительно небольшую область от Суассона до Сены⁷⁵. Таким образом, Ф. Дан немного снизил пафос образа короля-варвара, создавшего полноценное варварское королевство на основе синтеза римских и германских порядков, который в то время уже начал завоевывать место в массовом сознании благодаря Тьерри и Гизо.

Однако усложнение представлений о переходе от Античности к феодализму в XX столетии и постепенная утрата концепцией романо-германского синтеза своей популярности в западной историографии привели к тому, что центральный для Тьерри эпизод с «Суассонской чашей» перестал быть неоспоримым доказательством исключительно варварского характера королевской власти в раннемеровингскую эпоху⁷⁶. Обращаясь к одному из основных сюжетов истории Хлодвига, Гансхоф напрочь

отверг традицию, в соответствии с которой эпизод с «Суассонской чашей» рассматривался как свидетельство существования у франков на момент захвата ими Галлии дружинных порядков и, одновременно, как доказательство того, что Хлодвиг решил порвать с этими порядками, став самодержавным королем, таким образом добившись единоличной власти. Основной вывод Гансхофа таков: Григорий Турский далек от того, чтобы сознательно рисовать Хлодвига как самодержавного тирана, решившего порвать с традицией германской дружины. Повествование епископа Тура не несет идеологического заряда и является лишь пересказом доступной ему устной традиции⁷⁷. Французский историк Лебек склонен рассматривать этот эпизод как малоинформативный, ставящий больше вопросов, нежели дающий позитивную информацию⁷⁸. Он предлагает еще один вариант истолкования эпизода, предполагая, что воин, наказанный Хлодвигом, вполне мог быть его родственником, и что в данном случае имело место отмеченная в других частях сочинения Григория Турского тенденция первого короля франков к уничтожению своих родственников ради целостности династии. Однако, как и другие попытки истолкования указанного отрывка, гипотеза Лебека остается целиком на совести этого исследователя. Итак, можно считать, что в конце XX в. круг замкнулся — эпизоды из Григория Турского, на которые мало обращали внимание в начале XIX в., до работ О. Тьерри, и которые историки-позитивисты середины и второй половины столетия использовали для доказательства своего видения романо-германского синтеза, снова потеряли смысл в конце века XX.

Современное положение в исследовании этого вопроса таково. В частности, очевидно, что в Галлии на тот момент сложился союз между галло-римским населением и франками, по-видимому, уже к тому времени существовали сборные военные отряды, включавшие в себя представителей и тех и других⁷⁹. Следует признать — процессы в северной Галлии проходили в том же ключе, что и события в Аквитании. В последней, как было показано, попытки готов добиться лучших условий для своего договора (“foedus”) привели к тому, что галло-римская знать стала искать способы сотрудничества с ними⁸⁰.

Это сотрудничество, которое делает вопрос о «Суассонской чаше» индикатором совершенно иных процессов, чем считалось ранее, заставляет по-другому посмотреть и на иной важнейший процесс — христианизацию Галлии. Центральным эпизодом данной части «Истории» Григория Турского является обращение Хлодвига в католичество. Из «Истории» мы узнаем о крещении Хлодвига в Реймсе в присутствии св. Ремигия, причем Григорий Турский относит это событие к 496 г., т.е. победе франков над аламанными, которая сделала их гегемонами северной Франции⁸¹. Однако кроме этого рассказа Григория Турского есть и другая версия, которую можно найти в письме епископа Трира Ницетия (Низье); высокопоставленный клирик упоминает крещение в Туре, но не говорит о дате этого события⁸².

Считается, что версия Григория Турского о крещении именно в Реймсе в 496 г. является достоверной, потому что в указанный год Тур находился еще под властью вестготов-ариан. Но некоторые исследователи согласились с епископом Ницетием, и призна-

ли вероятным тот факт, что крещение произошло в Туре. Чтобы объяснить, как такое важное событие могло случиться в городе, который находился под властью вестготов-ариан, ученые выдвинули гипотезу: дата 496 г. была результатом неточности Григория Турского. Историки предположили, что Хлодвиг крестился в Туре, но не в 496 г., а в 506 г.⁸³ Тогда он с триумфом вошел в этот город после победы над вестготами и их королем Аларихом II (автором «Бревиария Алариха») для того, чтобы получить в базилике св. Мартина, в присутствии Григория Турского, титул патриция, который содержался в грамоте византийского императора Анастасия⁸⁴.

Данный вопрос привлекал внимание исследователей XX в. не потому, что их (как это было характерно для историков-позитивистов XIX в.) интересовала только дата события. Две его версии позволяют взглянуть на историю франков с принципиально противоположных точек зрения. Если верить Григорию Турскому, который относил это событие ко времени победы над аламаннами, то смысл его заключался в следующем: первый король франков, как и Константин Великий, обратился к силе христианского Бога, и благодаря Ему смог повергнуть своих врагов в бегство⁸⁵. А это уже создавало образ Хлодвига как «нового Константина», для которого крещение совпало с обретением суверенитета над северной Галлией, а вовсе не с вхождением в семью варваров-«патрициев» византийского императора⁸⁶.

Если же более достоверным признается сообщение епископа Ницетия, то тогда крещение Хлодвига (в Туре) было событием весьма заурядным: оно явилось своего рода дополнением к тому набору церемоний,

которые сделали короля франков одним из «патрициев», и, следовательно, своего рода «доверенным лицом» Византии на Западе. Крещение в этом случае было не столько сознательным выбором короля, сколько своего рода “*sine qua non*” для утверждения своего нового статуса «патриция». Более того, в согласии с этой версией язычник Хлодвиг одержал победу над христианским королем (пусть и арианом) Аларихом II.

Какая из версий более соответствует действительности: признанного и авторитетного историка Григория Турского или малоизвестного епископа Ницетия? Если не быть предвзятым, то следует признать, что оба рассказа одинаково достоверны. Если именно версия Григория Турского используется в учебниках и учебных пособиях, то только в силу авторитета, который историки стали приписывать ему благодаря работам О. Тьерри и Ф. Гизо. Единственный достоверный вывод из анализа этого эпизода может быть вовсе не в утверждении точных даты и места крещения Хлодвигу. Из полемики мы можем с уверенностью заключить, что Григорий Турский был причастен позднеантичной топике, позволившей ему сконструировать рассказ о крещении Хлодвигу в духе повествования о Константине Великом.

Спор, посвященный истолкованию этого события «Истории», так и остался бы без окончательного ответа, если бы не новые исследования, которые позволяют свежим взглядом посмотреть на всю вторую книгу данного сочинения. Рассматривая рассказ Григория Турского о т.н. Суассонском королевстве римских полководцев Эгидия и его сына Сиагрия⁸⁷, Эдвард Джеймс выдвинул интересную гипотезу. Он отметил, что картина захвата Хлодвигом этого королевства, на-

ходившегося под властью «короля римлян» Сиагрия, выглядит у Григория Турского недостаточно убедительно⁸⁸. Если верить епископу Тура, то ситуация следующая: вначале Хильдерик во главе отряда франков захватил Суассон, однако франки изгнали его за стремление к единоличной власти. После этого франки перешли под власть римского полководца Эгидия, который создал своего рода Суассонское королевство; его Григорий Турский называет «королем франков». Григорий Турский подчеркнул, что Хильдерик, находясь в Тюрингии, тем не менее, поддерживал тесные связи со своей «родиной»⁸⁹. После смерти Эгидия Суассоном продолжал править его сын Сиагрий. Сын же Хильдерика Хлодвиг победил Сиагрия и захватил это королевство.

История вызвала ряд сомнений у Джеймса, который отметил, что она, как и глава в целом, производит авантюрное впечатление, а «захват» Суассона Хильдериком, его изгнание и затем повторное покорение Суассона Хлодвигом мог быть выдумкой Григория Турского. В частности, на основании археологических данных Джеймс допустил — «королевство» Эгидия и Сиагрия никогда не находилось в Суассоне; город уже со второй половины V в. стал испытывать большое давление со стороны франков, которые начали массово расселяться там⁹⁰. Историки даже предположили, что оно возникло на месте, или просто было синонимом земель, которые с V в. стали находиться под контролем генералов римского и провинциального происхождения, постепенно претендовавших на все большие полномочия⁹¹.

Согласно Джеймсу, на самом деле эта история появилась потому, что Григорию Турскому надо было

описать франков не как мирно адаптировавшееся к порядкам римской провинции население, а именно как «захватчиков», которые, как и другие варвары, пришли в пределы бывших римских провинций, чтобы взять власть в свои руки. Как он предположил, франки уже давно находились в пределах Римской империи, будучи ее союзниками, а вовсе не противниками. Джеймс подчеркнул — Григорий Турский построил не только эпизод с т.н. Суассонским королевством, но и всю вторую книгу своей «Истории» как рассказ о том, как волны варваров, вторгаясь на территорию Римской империи, постепенно захватили власть, и сообщение о крещении Хлодвига приобретает в этом контексте совершенно иной смысл⁹². Если предположить, что для Григория Турского было важно драматизировать историю франков и привести ее в соответствие с традиционным для эпохи сюжетом захвата римской провинции варварами, то крещение Хлодвига (и его вхождение в семью «цивилизованных» правителей), которое он ставит в конец второй книги, было логической развязкой драматического повествования.

Центральным в образе «варваров», созданном Григорием, является не просто их «дикость» и «насилие». Во всех случаях, когда он рассказывает об эпизодах, которые Тьерри и Гизо истолковывали как свидетельство «варварства», епископ Тура говорит в первую очередь о нарушениях племенной этики. Когда он в конце второй книги упоминает об уничтожении Хлодвигом своих соперников, местных правителей городов и отдельных регионов из франкских родов, то выстраивает повествование о них так, как будто бы они — члены его семьи⁹³. Однако нет никаких

доказательств, что они были хотя бы отдаленными родственниками первого короля Галлии. Резонно поставить вопрос — зачем подобного рода утверждения нужны Григорию? Пренебрежение нормами родовой этики никогда не было характеристикой варваров в описании позднеантичных авторов. Скорее, наоборот, — со времен Тацита именно варвары, в отличие от «распущенных» римлян, считались хранителями родовых ценностей.

В свете этого логично попытаться сделать вывод относительно того, какие цели преследовал Григорий Турский, создавая рассказ о захвате Хлодвигом Суассонского королевства Эгидия и Сиагрия, и как, зная о тех сомнениях, которые испытывают современные исследователи в отношении данного эпизода, можно попытаться понять историю о крещении Хлодвига. Подчеркивая, что франки, захватившие северную Галлию силой (так же, как это сделали другие варвары в иных провинциях Западно-Римской империи), обратились в католичество, и только потом распространили свое влияние на всю Галлию, Григорий Турский преследовал следующие цели. Крещение Хлодвига было для него гранью между той Галлией, которая еще не определилась в споре между католичеством и арианством (христианского вероисповедания, коего придерживались готы в Испании), и Галлией франкской, уже твердо выбравшей именно католичество как основное направление христианства⁹⁴. Добавим к этому наше наблюдение. Переход к франкской Галлии начинался с событий, моральное содержание которых было для Григория Турского скорее негативным, чем позитивным: эпизод с Суассонским королевством создавал весьма неблагоприятный образ данного не-

оформленного политического образования, история которого, по мнению, Григория Турского, началась с драматических событий⁹⁵.

* * *

Как было показано, начала Франкского государства в «Истории» Григория Турского можно рассматривать не только как описание исторических фактов. В рамках этого изложения епископ Тура стремился создать образ римской провинции, захваченной варварами, который не всегда подтверждается при исследовании других (в частности, археологических) источников. Помня это, резонно обратиться также и к другим сюжетам из его «Истории», в частности, к тем событиям, которые он имел возможность наблюдать сам. Особенности исторического взгляда Григория Турского стоит исследовать на примере событий в королевстве франков второй половины VI в. и начала VII в. Мы видим, что одним из важнейших явлений было постепенное усиление «Суассонской» (или «Нейстрийской») ветви Меровингской династии, нашедшее выражение в том, что ее представители — сын Хильперика I (561—584) и Фредегонды Хлотарь II (584—629) и его сын Дагоберт I (629—639) — стали правителями единого Франкского королевства (которое, правда, просуществовало недолго). Эпоха Хильперика и Хлотаря пришлась на то время, которое описывал Григорий Турский в своей «Истории». Памятуя о том, что точка зрения историка не всегда может совпадать с действительной картиной исторического развития, стоит обратить внимание на то, как именно он изображал королей в своей истории. Если в случае с Хлодвигом мы должны опираться на догадки отно-

сительно методов исторического описания Григория Турского, то в случае с Хильпериком I и Хлотарем II у нас есть возможность сделать ряд интересных наблюдений, потому что об их деятельности косвенно сообщается в другом историческом сочинении — «Хронике» Фредегара. Когда в начале 590 г. Григорий Турский заканчивал свой труд, ему было не совсем ясно, чем закончится история сына короля Нейстрии Хильперика I, Хлотаря II, который стал признанным правителем всего Франкского королевства только в начале VII в.

Хильперик I был королем Суассонского королевства, к которому дважды (в 573 и 575 гг.) перешел во власть г. Тур, епархия Григория⁹⁶. В первом случае власть в Туре захватил его сын. Этот король отменил завещания в пользу церквей, что, скорее всего, имело своей целью присвоение выморочной собственности, в особенности, в окрестностях Тура и в тех землях, которые Григорий Турский считал своей епархией⁹⁷.

В изображении епископом Тура основателя «Суассонской» (т.е. «победившей») ветви Меровингской династии заметно его отрицательное отношение к этому властителю⁹⁸. В частности, он повествует о способности Хильперика к обману⁹⁹. Одним из первых эпизодов правления Хильперика, которое описывает Григорий, была попытка его сына жениться на вдове своего дяди, в результате чего Хильперик оказался вынужден заключить сына под стражу¹⁰⁰. Григорий Турский не дает оценки данному факту, но сюжет этот напоминает греческую трагедию или одну из ветхозаветных историй, что заставляет нас задуматься, не считал ли автор правление короля Суассонского королевства отмеченным печатью неблагополучия¹⁰¹.

Когда Григорий Турский сообщает о гибели сыновей Хильперика, а потом передает свой разговор с Сальвием, епископом Альби, то можно заметить, что этот король стал для него примером того, какие наказания могут настичь несправедливых правителей. Слова коллеги Григория о том, что «над этим домом [т.е. домом Хильперика — Д.С.] занесен обнаженный меч гнева Господня» являются заключением рассказа Григория Турского о несправедливых деяниях правителя¹⁰². Детали, которые Григорий Турский последовательно вводит в описание правления Хильперика, создают, как мы уже говорили выше отрицательный образ этого правителя. Стоит заметить, что именно Хильперик, правитель Суассонского королевства, чье потомство и получило в наследство всю Галлию, был для Григория Турского отрицательным примером короля.

Положительным примером властителя для него был правитель Австразии Хильдеберт II (575—596), сын Сигиберта и племянник Хильперика, наследовавший трон Австразии после смерти своего отца Сигиберта; однако его потомки, в отличие от потомков Хильперика, сошли с исторической арены. В соответствии с текстом Григория Турского, именно к Хильдеберту знать из окружения Хильперика стала переходить на службу после разочарования от политики короля Нейстрии, и именно он поддерживал хорошие отношения с Туром и способствовал распространению культа св. Мартина¹⁰³. Правление этого короля было настолько важным для Григория Турского, что структурно оно является центром повествования второй части «Истории» (с V по X кн.), потому что он датирует свое сочинение по годам правления Хиль-

деберта, даже когда рассказывает о Хильперике¹⁰⁴. Однако зная о будущей победе политики Хильперика (что было неведомо Григорию), мы можем задуматься, насколько епископ Тура здраво оценивал момент.

Указанные примеры показывают, что Григорий Турский не смог (или не захотел) почувствовать значимость процессов объединения Франкского королевства, во главе которых стояли короли из «Суассонской» (или, говоря условно, «Нейстрийской») династии Меровингов¹⁰⁵. Более того, в 585 г., т.е. вскоре после смерти Хильперика, он поторопился объявить Хильдеберта победителем¹⁰⁶, не зная о том, что конфликт будет продолжаться еще три года¹⁰⁷. Хильперик I и его сын Хлотарь II были для него узурпаторами, которых преследовал рок, и примером проклятых Богом королей.

Представляется оправданным провести параллель между изображением Григорием Турским современного ему правителя Суассонского королевства Хильперика I и тем, как преподает нам епископ историю возникновения этого временного политического образования на территории Галлии в правление Хильдерика и его сына Хлодвига в последней четверти V в., описанную во второй книге «Истории». Зная, сколь отрицательной видел роль Хильперика I в делах Франкского королевства и, в особенности, в делах турского епископства в конце VI в., резонно задаться вопросом о связи второй половины «Истории» Григория Турского и кн. 2 и спросить, не попытался ли автор найти «причины» своих трений с Хильпериком в том, что с самого начала, т.е. со времени Хильдерика и Хлодвига, Суассонское королевство было отмечено печатью неблагополучия? Можно точно утверждать, что создавая рассказ

о начале истории Франкского королевства, епископ мыслил в тех политико-географических терминах, которые были характерны для того времени, когда он писал свой труд. Как показано выше, история Суассонского королевства в конце V в. туманна, да и само его существование находится под вопросом. Григорий Турский создал «демонический» образ правителя Суассонского королевства, который пытался ограничить привилегии турской церкви, и по ассоциации перенес этот образ на основоположника династии, Хлодвига, заложившего «несчастливое» по своей сути политическое образование. Таким образом, в обеих частях «Истории» Григорий Турский проводил одну и ту же линию на выставление своих противников в темном свете. Это позволяет по-новому оценить возможность применения критерия «достоверности» к информации из указанного сочинения¹⁰⁸. Первичным для Григория Турского было создание образа, вызывавшего определенную моральную оценку, вне зависимости от того, писал ли он о событиях давнего прошлого или о том, в чем сам принимал участие. А «историческая действительность», которая возникала в результате данного процесса, была целиком на его совести.

* * *

Общеизвестным фактом является то, что деятельность франкских королей занимает не более половины от общего объёма «Истории» Григория Турского, в то время как рассказы о епископах и о церковной жизни — практически все оставшееся место. Но даже и те описания королей, которые можно найти у Григория Турского, были генетически связаны с ха-

рактёрными для Ветхого и Нового завета представлениями о хороших и плохих властителях и имели мало индивидуальных черт. Это говорит о том, что для него правители Галлии были скорее персонажами позднеантичной христианской истории, и его отстраненность от их дел — свидетельство уверенности епископа Тура в своем положении, которое не зависело от прихотей правителей.

Но если мы можем говорить о том, что в сочинении Григория Турского присутствовали нарративные приемы позднеантичной историографии, то перед нами, тем не менее, встает вопрос о том, а какие именно традиции он использовал. Не стоит забывать о том, что в Поздней Античности сложился ряд приемов исторического описания и комплекс метафор, которые не только не были схожи друг с другом, но создавали по сути противоположные картины одного и того же периода. Например, в описании Григорием Турским меровингских королей мы не найдем ни единого намека на те физические образы, которые использовал, например, Сидоний Аполлинарий, галло-римский аристократ V в., при характеристике вестготского короля Теодориха¹⁰⁹. И хотя Григорий Турский явно опирался на Евсевия Кесарийского и его «Церковную историю», этот жанр был не к месту, когда ему приходилось описывать франкских королей (за исключением истории о крещении Хлодвига).

Цель, которую ставил перед собой Григорий Турский, служила для исследователей его творчества источником постоянных споров. Перевод его труда на русский язык, в соответствии с традицией германоязычной медиевистики, был назван «История франков»¹¹⁰. Это создавало и создает впечатление, что епископ г. Тура стремился подражать Иордану и Иси-

дору Севильскому с их «Гетикой» и «Историей готов», и его задачей было написать историю варварской группы с общими этническими корнями, захватившими одну из провинций Западно-Римской империи и создавших на обломках имперской власти свое королевство. Но исследователями было убедительно доказано, что настоящее название этого труда — «История» (или, точнее, «Десять книг историй») ¹¹¹.

Правильная оценка методов историописания Григория Турского немыслима без исследования его отношения к Орозию, сочинение которого Григорий считал своего рода примером для себя. Григорий признавался, что в своей «Истории франков» он хочет следовать таким авторам, как Евсевий Кесарийский («Церковная история»), Сульпиций Север («Житие св. Мартина»), Иероним Стридонский (перевод «Хроники» Евсевия) и Орозий («Семь книг против язычников») ¹¹². Он призывал королей и знатных людей «ознакомиться тщательно с сочинениями древних», «отыскать, что писал Орозий о карфагенянах», когда речь шла о необходимости поддерживать согласие между правителями ¹¹³. Актуальность обращения к теме «Григорий и Орозий» обусловлена предпринятыми в недавнее время в работах В.М. Тюленева попытками пересмотреть оценку характера исторического процесса у Орозия. Традиционно историки Нового времени полагали, что метод отбора и оценки исторических фактов Орозием значительно отличался от метода такого признанного историка Поздней Античности, как Евсевий Кесарийский. В частности, считалось, что взгляд Орозия на Римскую историю был слишком трагичным, а само сочинение — «далеко от Рима» ¹¹⁴. Однако в недавней работе, посвящен-

ной трудам Орозия, предпринята попытка показать, что отношение этого автора к римской истории было более оптимистичным, чем казалось ранее. Орозий считал — с началом периода Принципата Рим смог избавиться от тех катастроф, которые преследовали его в эпоху Республики¹¹⁵.

В своей «Истории» Григорий Турский использовал историографическую концепцию Орозия, призывая обращаться к нему, дабы понять — только согласие между властителями давало возможность достичь порядка «во франкском народе и его королевстве»¹¹⁶. Несмотря на то, что современные исследователи стали видеть Орозия в более оптимистическом ключе, восприятие, характерное для Григория, как нам кажется, все-таки ближе к более традиционной точке зрения на него как на «историка катастроф»¹¹⁷. Ученые отмечают — «История» епископа г. Тура пронизана идеологией падения нравов человечества и его спасения благодаря христианству, и некоторые события раннесредневековой истории в его сочинении могут казаться драматичнее, чем об этом сообщают другие историки¹¹⁸. В его «Истории», вполне в духе сочинения Орозия, можно найти эсхатологические мотивы, которые отчасти объясняют подчеркнуто пессимистическое изложение некоторых событий¹¹⁹. В поисках драматических ситуаций, ставящих простых людей, епископов и властителей перед моральным выбором, Григорий Турский, как и Орозий, стремился показать, как неправильный выбор, обусловленный пренебрежением к христианскому идеалу поведения, вел к развитию ситуации от плохого к худшему. В описании «проклятого дома» королей «Суассонской» ветви во главе с Хильпериком I можно увидеть не столько зарис-

совки с натуры, сколько прямое создание «образа врага» в соответствии с теми историографическими приемами, которые создал Орозий.

Но это позволяет нам утверждать, что сочинение Григория Турского — не просто изложение событий в том виде, в каком они происходили в Галлии VI в. Но если он использовал методы позднеантичного историописания, то не просто заимствовал и копировал их, как это сделали Кассиодор или Иордан. Григорий Турский актуализировал различные историографические концепции при составлении своего повествования. Однако именно поэтому его текст — не столько живые зарисовки из истории раннесредневековой Галлии, сколько результат выбора и адаптации фундаментальных историографических концепций к франкскому материалу.

Свидетельством этого служит также и тот факт, что варварские правители и их окружение — франки (для Григория Турского последний термин имел значение знати, группировавшейся вокруг короля) — не являлись для епископа единственной силой, которая обеспечивала поддержание мира в Галлии¹²⁰. В его истории именно иерархи церкви устанавливают справедливый порядок и от них зависит поддержание мира не только в своих диоцезах, но и в Галлии в целом, в то время как правители все время конфликтуют¹²¹. В этом смысле можно сказать, что для Григория Галлия VI в. ничем не отличалась от позднеантичного мира, в котором зародились и для которого были характерны представления о ключевой роли епископов в деле поддержания мира¹²². Это позволяет согласиться с выводами историков о том, Григорий Турский писал не историю франков, а, скорее, продолжение истории римской Галлии, в которой значительную

роль играли представители галло-римской элиты, ставшие епископами, находившиеся под властью франкских королей¹²³.

Данный раздел можно резюмировать следующим образом. Именно благодаря сочинению Григория Турского у историков создалась картина успешного захвата Хлодвигом Суассона и последующего триумфального шествия франков по Галлии. Однако подобное представление может и не соответствовать действительности. Темы «проклятых королей» и согласия между правителями франков, в качестве гарантов которого Григорий Турский видел епископов, являются центральными в его сочинении, что отличает его от последователей. Среди людей, имевших влияние в Галлии, Григорий видит не только королей, других членов Меровингской династии, а также отдельных представителей галло-римской и франкской аристократии. В его картине исторического развития Галлии важнейшую (если не центральную) роль играют епископы, причем не все, а только те, которые были поставлены каноническим образом и действовали в согласии с другими прелатами Галлии. Григорий Турский подчеркивал, что основой политики державы франков было согласие, а его отсутствие приводило к конфликтам и хаосу¹²⁴. Это напоминает традиционную для Поздней Античности топику, и поэтому возникает вопрос о достоверности картины, созданной им¹²⁵.

Хотелось бы подчеркнуть, однако, что опираясь на позднеантичные образцы историописания, Григорий Турский добился большей адаптации приемов и метафор предшествующей эпохи к реалиям раннесредневековой Галлии, чем некоторые его современники. В отличие от Кассиодора, в сочинениях которого мы

с трудом можем различить «варваров» через флер позднеантичных образов, у Григория Турского находим индивидуальные образы «плохих» и «хороших» франкских королей, созданные путем адаптации позднеантичных топосов к реалиям франкской Галлии. Более того, образы были не просто адаптированы, а сконструированы так, чтобы обосновать привилегии епископской кафедры г. Тур. Это дает возможность определить задачу для следующей части главы: нужно исследовать различия между картиной Франкского королевства, написанной Турским епископом в конце VI в., и картиной, которую рисуют его последователи в VII в., чтобы очертить основные характеристики смены историографической парадигмы, проявившейся после Григория Турского и совпавшей с поздним периодом правления династии Меровингов (VII—начала VIII в.).

§ 4. «Хроника» Фредегара, сочинение «Продолжателя Фредегара» и «История франков» как источники по позднему периоду правления династии Меровингов

Изменение восприятия целей и методов историописания начала VII в. заметно при обращении к Фредегару, его «Продолжателю» и автору «Истории франков», сравнении их взглядов на королей из династии Меровингов с теми, которые обнаруживаются у Григория Турского. Но для этого стоит вкратце напомнить основные исторические события данного периода, в общих чертах описанного нами в первой части главы¹²⁶.

К началу VII в. оформились границы трех основных частей королевства франков — Нейстрии, Австразии и Бургундии, а те образования, которые мы условно могли бы назвать «Суассонским» и «Орлеанским» королевствами, отошли в прошлое. В Австразии правили два сына короля Хильдеберта II (575—596), которого Григорий Турский изобразил как пример для всех королей в своей «Истории»: Теодеберт II (596—612) и Теодерих II (596—613). После их смерти королем на один год стал малолетний внук Сигиберта I Сигиберт II (613), который сразу скончался. На 19-м году своего правления Хлотарь II (584—629), правитель из «Суассонской» ветви Меровингской династии и сын Хильперика I (561—584), главного «отрицательного героя» «Истории» Григория Турского, подчинил себе всю франкскую Галлию и объединил раздробленные королевства Меровингов под своей властью¹²⁷. Указанные события были в каком-то смысле продолжением тех тенденций, которые мог наблюдать еще Григорий Турский. Поэтому при обращении к историческим сочинениям, описывающим VII в., возникает вопрос о том, в чем взгляд историков имел преемственность с воззрениями Григория Турского, а в чем он значительно отличался.

Важнейшим источником по истории данного периода является «Хроника» Фредегара, автору которой удалось охватить большинство важнейших событий VII в.¹²⁸ Хроника была издана Б. Крушем, а перевод ее вышел в издании Дж. Уоллес-Хадрилла¹²⁹. Исследованиям сочинения, о котором идет речь, было посвящено несколько работ, выдвинувших ряд противоположных тезисов относительно его авторства. Наиболее влиятельными из них являются точка зре-

ния Г. Курта и Дж. Уоллеса-Хадрила. В начале XX в. Курт высказал предположение, что самая оригинальная четвертая книга «Хроники» состоит из трех частей, каждая из которых была написана разными людьми. Первые три книги (являющиеся простой компиляцией из «Хроники» Евсевия Кесарийского в переводе Иеронима, Идация, сочинений Исидора Севильского и первых шести книг Григория Турского) и часть четвертой книги до 613 г., как он считал, написал один автор (условно называемый «Фредегар»), продолжил вести погодную запись событий до 632 г. другой, а закончил третий. Как подчеркнул исследователь, авторы первых двух частей были из Бургундии (т.е. тот, кого мы и называем «Фредегар», и первый из его продолжателей), хотя второй из них был заинтересован не только в событиях в этом королевстве, но также и в делах Нейстрии (а именно, он мог посещать Париж)¹³⁰. Третий автор, как он считал, связан с Австразией, хотя и поддерживал не меровингских королей, а майордома Гримоальда¹³¹. Однако во второй половине XX в. Уоллес-Хадрил провел критический разбор этих теорий и попытался показать — автор у Хроники был один¹³².

Недостаток данной гипотезы заключается в следующем: если автор у «Хроники» один, то писал он, скорее всего, в 630-е гг., что противоречит его хорошему знакомству с событиями в Бургундии 580-х—610-х гг. На данный момент, как кажется, установилось устойчивое равновесие, и исследователи вынуждены выбирать для себя ту точку зрения, которая видится им наиболее доказанной.

Как можно заметить, большинство ученых, использовавших «Хронику» Фредегара, ставило перед

собой только два типа вопросов. Во-первых, традиционная для позитивизма XIX в. задача установления ее времени, места и автора. Во-вторых, медиевисты использовали этот текст для выявления основных событий истории Меровингского королевства в конце VI—первой половине VII в. Однако в свете современных методологий подобного рода подходы кажутся хоть и актуальными, но не отражающими весь спектр исследовательских методик. В отношении анализируемого текста, даже в большей степени, чем в плане «Истории» Григория Турского, мы имеем право задать вопрос о соотношении риторической традиции и авторского замысла, а также о том, насколько воззрения раннесредневекового историка зависели от «жизненного контекста».

Важно поставить задачу не так, как это делали историки XX в., и задаться вопросом — можно ли в различиях между Фредегаром, его предшественником (Григорием Турским) и последователями (продолжателями Фредегара, сколько бы их ни было, и анонимным автором «Истории франков») заметить отражение тех тенденций в изменениях представлений о власти, которые мы узнаем из других источников.

В представлениях о власти Фредегара и Григория Турского было сходство, позволяющее говорить о преемственности исторических концепций. Фредегар начинает четвертую книгу своей хроники (оригинальную и наименее компилятивную) с рассказа о короле Бургундии Гунтрамне, которого называет лучшим из всех франкских королей. Хронист оценивает государя столь высоко потому, что тот искал согласия с церковной иерархией и со знатью¹³³. Для

Фредегара, как и для епископа Тура, Меровинги, аристократия и епископы были тремя основными группами, баланс сил между которыми составлял основу мирного существования Франкского государства. Наличие согласия между ними — условие нормального и мирного развития королевств франков. Не случайно изложение сути конфликтов в державе франков, которые он считал достойными описания, выглядят у Фредегара так же, как и в сочинении Григория Турского¹³⁴. Взаимодействие, согласие светских властителей и представителей церковной иерархии лежало в основе политики в королевстве франков как в тот период, который описывал Григорий Турский, так и тогда, когда свою «Хронику» составлял Фредегар.

Если мы обратим внимание на то, как Фредегар рассматривал начала франкской истории, то увидим значительные отличия от взгляда Григория Турского. Он не был заинтересован в соответствии образа первых франкских королей римско-христианскому идеалу «нового Константина», обратившегося в христианство варварского правителя. В отличие от Григория Турского, Фредегар давал развернутую генеалогию франков до их прихода в Галлию, что может показаться свидетельством его интереса к истории их племени. Впрочем, более оправданным представляется другое объяснение. Его цель состояла в написании истории франков таким образом, чтобы первые выглядели как исторически сложившаяся группа, определившая преемственность (а не разрывы или другие драматические события) политического развития раннесредневековой Галлии¹³⁵. Его внимание к генеалогии способствовало созданию образа преем-

ственности между Римской Галлией, в которой уже расселились отдельные франкские роды, и той Галлией, в которой один род, Меровинги, уже взял власть в свои руки. Эта преемственность давала возможность рассматривать меровингские франкские королевства как продолжение того порядка вещей, который начал складываться еще в позднеримской Галлии¹³⁶. Франки были символом единства римской Галлии и Меровингского королевства, и принадлежность к этой, в известной степени, воображаемой общности обуславливалась престижем (в случае знатного и влиятельного человека) и положением (в случае властителя или придворного)¹³⁷. В изображении Фредегаром франкских королей можно отметить отсутствие каких-либо сравнений их образа с образцами ветхозаветных или римско-христианских правителей. Его отношение к ним отмечено дуализмом, т.к. Фредегар видел во франкских властителях продолжателей дела провинциальной администрации Галлии и, одновременно, как группу людей, которые изначально, еще со времени своего расселения в римской Галлии, представляли собой реальную альтернативу средиземноморской, римской традиции власти¹³⁸.

Здесь можно заметить еще одно отличие взгляда и метода Фредегара на историю от воззрений его предшественника. Напомним, что Григорий Турский последовательно проводил одну идею в своей истории вне зависимости от того, обращался ли он к всеобщей истории, или же писал о современниках, даже в событиях, которые он имел возможность наблюдать, видел лишь разворачивание христианского сюжета падения и спасения человечества на примере «Суассонской» ветви Меровингской династии. Но

это принципиально отличается от того, как писал свою «Хронику» Фредегар. Когда в четвертой книге он перешел от изложения фактов всеобщей истории к событиям в Галлии конца VI—первого десятилетия VII в., то не стремился, в отличие от Григория Турского, характеризовать явления актуальной для него действительности в эсхатологических терминах падения и спасения человечества¹³⁹. Это не значит, что его интересовала только Галлия: Фредегар уделил внимание описанию современных ему событий за пределами Галлии. Так, он сообщал о приходе к власти короля Сисебута в Вестготской Испании в 607 г. и о том, что в этом же году король лангобардов Аго взял жену из франкского рода¹⁴⁰. Фредегар, в отличие от Григория Турского, не видел в современности эпизодов, которые могли бы быть истолкованы как продолжение христианской истории в духе Евсевия и Орозия. Перед его глазами было варварское королевство, выросшее из провинции Римской империи, причем его правители (Меровинги) и, в целом, все франки олицетворяли собой не разрыв (как это было у Григория Турского), а преемственность с римской эпохой. Другими словами, у Фредегара отсутствовали эсхатологические мотивы, столь характерные для епископа Тура. Не случайно, что короли у Фредегара выглядели не столь драматично, как у Григория Турского, и вовсе не напоминали «дикарей» и «варваров», которых можно было найти в «Истории» последнего.

Споры об авторстве «Хроники» Фредегара побудили исследователей поставить ряд вопросов, удовлетворительного ответа на которые так и не было получено. Впрочем, они позволяют дополнить пред-

ложенную нами схему изменения в представлениях о королевской власти. В частности, когда речь заходит о связи автора с Бургундией, короля которой, Гунтрамна, Фредегар рисовал как пример властителя¹⁴¹. Ведь когда хронист говорит о правлении в Бургундии австразийского короля Хильдеберта, то он весьма краток и не спешит с оценками¹⁴². Именно это давало возможность исследователям утверждать, что автор всей «Хроники» (или, для некоторых, лишь ее первой части) происходил из Бургундии¹⁴³.

Здесь стоит обратить внимание на то, что в процессе компиляции истории франков в VI в. Фредегар, судя по всему, использовал лишь первые шесть книг «Истории» Григория Турского. Данное обстоятельство дало основание издателю текста памятника выдвинуть гипотезу, что Фредегар и автор “*Liber historiae francorum*” знали только первые шесть книг епископа Тура¹⁴⁴. Для Бухнера подобное предположение явилось одним из доказательств того, что Григорий Турский писал свою историю частями, а заодно укрепило ученого во мнении о существовании манускрипта, в котором были представлены только первые шесть книг «Истории»¹⁴⁵.

Гипотеза, о которой идет речь, на наш взгляд, бездоказательна, и именно по этой причине хотелось бы предложить собственное объяснение причины обращения Фредегара только к первым шести книгам «Истории» Григория Турского. Стоит вспомнить, какую мысль пытался провести в книгах с VII по X епископ Тура, которые были посвящены борьбе короля «Суассонской» ветви династии Меровингов Хильперика и короля Австразии Хильдеберта¹⁴⁶. Епископ Тура стремился создать отрицательный образ

Хильперика I и всей «Суассонской» династии. Как мы попытались показать, именно этой цели посвящены те части книг с VII по X, которые отведены светским правителям. Полемический и, в высшей степени, оценочный характер указанной части сочинения Григория Турского мог вызвать прохладное отношение к себе со стороны тех представителей Меровингской династии, которые не были включены в борьбу нейстрийской и австразийской ветвей, а также со стороны образованных людей, не желавших видеть в противостоянии двоюродных братьев смысл истории франков. Поэтому описание Гунтрамна как идеального короля, поддерживающего хорошие отношения с клиром и знатью, может восприниматься не только как свидетельство того, что Фредегар происходил из Бургундии. Данный аспект взгляда хрониста на историю резонно рассматривать как сознательную попытку подать прошлое франков не только как историю династической борьбы (пусть и изображенной в терминах христианской истории, ведущей к спасению «праведных» и к уничтожению «проклятых» королей Григорием Турским). Налицо попытка сформировать образ Гунтрамна как наилучшего правителя, поддерживавшего согласие с клиром и знатью, не участвовавшего в династических конфликтах.

В третьей части «Хроники» Фредегара разрыв с традициями VI в. становится особенно заметен¹⁴⁷. Не вдаваясь в вопросы авторства этой части, отметим основную разницу в воззрениях Григория Турского и автора, который описывал историческую действительность между 613 и 639 гг. в «Хронике». Для него центральным событием эпохи было правление короля Дагоберта I (629—639), сына Хлотаря

II, объединившего Галлию под своей властью. Автор выступил в поддержку этого правителя, описывая, как именно во время правления Дагоберта оказалась захвачена наибольшая территория¹⁴⁸. Для него — в отличие от Григория Турского — правление «Суассонской» ветви Меровингской династии имело триумфальное значение процесса объединения Галлии под власть деда (Хильперика I), отца (Хлотаря II) и сына (Дагоберта I), завершившегося доминированием франков не только в регионе, но и в Европе в целом. В этом его взгляд значительно отличался от воззрений Григория Турского, видевшего в правителях из данной ветви династии, прежде всего, узурпаторов, которые непременно получают кару за свои преступления.

Политика Дагоберта I по отношению к церкви не подверглась корректировке по сравнению с курсом его отца — Хлотаря II¹⁴⁹. Но существенное изменение тона и чрезвычайно положительная оценка этого правителя, столь отличающаяся от взгляда “*cum grano salis*” Григория Турского, говорит, на наш взгляд, не столько о реальных изменениях в практике верховной власти, сколько о кардинальной модификации воззрений историков VII в. на королей. Если для епископа Тура было важно подчеркнуть роль епископов как гарантов мира и согласия между различными ветвями Меровингской династии, то для Фредегара (или для того автора, который дописывал его сочинение в 630-х гг.) именно Дагоберт I, объединивший франкскую Галлию под своей властью, — верховный гарант спокойствия во всем королевстве франков. Большее уважение к светской власти и инвестирование ее теми прерогативами, которые в системе представлений Григория Турского принадле-

жали епископам, говорит о том, что позднеантичный взгляд на историю, носителем которого был епископ Тура, уже уступил место новому.

Другим важнейшим источником по истории королевства франков является «История франков» неизвестного автора, которая, скорее всего, была написана в VIII в. Данное сочинение является независимым историческим источником в том, что касается истории Меровингского королевства во второй половине VII и первой половине VIII в. Анализу указанного памятника посвящен, в частности, фундаментальный труд Р. Гербердинга; ученый провел детальное исследование «Истории» и сравнил ее сообщения с информацией из других источников¹⁵⁰. В настоящей работе мы не будем повторять всю аргументацию автора и ограничимся лишь выводом, который сделал медиевист. Р. Гербердинг критически разобрал представления, сложившиеся у историков, описывавших поздний период истории Меровингского королевства. Опираясь на анализ “*Liber historiae francorum*”, Гербердинг показал, что поздний период правления династии Меровингов вовсе не характеризовался постепенным ослаблением власти королей данной династии, как это в течение долгого времени думали историки вслед за Эйнхардом, автором «Жизнеописания Карла Великого», короля франков (742—814). Исследование Гербердинга доказало: автор «Истории франков» видел меровингских королей в центре политических событий и представлял их двор как место, где сходились нити власти, даже когда он писал о явлениях второй половины VII—первой половины VIII в.

Автор «Истории франков», так же, как и Григорий Турский, рассматривал королей, прежде всего,

в роли христианнейших властителей, образ правления которых должен был соответствовать образцам, созданным такими церковными историками, как Евсевий Кесарийский и его современники¹⁵¹. Но, одновременно, можно отметить — для автора «Истории франков» не все короли достойны звания идеального властителя. Возможно, именно поэтому исследователи проводили параллели между образами правителей из анонимной «Истории франков» и из «Истории» Григорий Турского. Образы успешного правителя, пребывающего под покровительством высших сил, и правителя, чьи преступления приводят к тому, что все его действия обречены на неудачу, созданные епископом Тура, как казалось ученым, были схожи с теми «портретами» королей конца VII и начала VIII в., которые нарисовал автор «Истории франков».

Однако при всем внешнем сходстве есть и существенные различия между историческими методами Григория Турского и автора «Истории франков». У последнего представление о властителях еще во многом связано с тем, как они вели себя в отношении епископов и церкви. Но в «Истории франков» значимость (или «праведность») королей уже не оценивалась по их отношению к епископам. У автора этого сочинения франкские короли являются центром Меровингского королевства, а епископы практически не видны в повествовании¹⁵². Так, восприятие роли династии постепенно изменилось, и в позднемеровингский период сформировалось представление о королях из рода Меровингов как о важнейшей силе, способствовавшей превращению римской Галлии в государство франков. Династия Меровингов стала

ассоциироваться с франками, понимаемыми именно как этническая группа, а не просто как горстка людей во власти, как это было у Фредегара¹⁵³. Поэтому «королевство франков» приобрело для автора “*Liber historiae francorum*” особый смысл как политическое образование, связанное кровными узами правителей. Короли и династия занимали не просто важное, а центральное место в системе координат автора «Истории франков», и они, в отличие от представлений Григория Турского, были уже неразрывно связаны с историей королевства франков, а не с историей Галлии, в которой ведущие позиции принадлежали епископам.

§ 5. Выводы

Исследование представлений трех историков VI—VII вв. о месте франкских королей в историческом процессе показывает, что воззрения авторов не были статичными: в их изображении властители франкского происхождения занимали все более важную роль. Григорий Турский еще жил в мире Поздней Античности, и его взгляды на правителей во многом навеяны сочинениями тех историков, труды которых он использовал в качестве примеров историописания и для формирования историографической концепции. Для него ключевым аспектом политики Франкского королевства, как и для его последователей, было согласие между всеми политическими силами. Но хранителями данного согласия он видел епископов, а не государей; последних Григорий считал основными возмутителями спокойствия в Галлии. Для Продолжателя Фре-

дегара важно изображение королевского двора как места, где происходило взаимодействие властителей с их представителями и региональной знатью, и где в результате поисков взаимоприемлемых решений появлялось согласие. Продолжатель Фредегара видел Франкское королевство как политическое образование, находившееся под господством «франков», к которым он причислял только королей и их непосредственное окружение. Для автора «Истории франков» королевский двор становится единственным центром власти; в нем протекает процесс по поиску согласия между различными группами знати, церковной иерархии, региональных правителей и самых Меровингов. С течением времени курия меровингских правителей Нейстрии все более видится авторам исторических сочинений как то место, где сходились все нити власти. В представлении автора «Истории франков» и епископы, и знать рассматривали королевский двор в качестве единственной инстанции, которая могла разрешать конфликты, и право короля на власть никогда открыто не оспаривалось. Возможно, это было связано с тем, что история все более писалась при дворе (как предполагают исследователи в отношении Продолжателя Фредегара и автора «Истории франков»), а не в епископских резиденциях, как во времена Григория Турского. Чем больше историки отходили от позднеантичных образцов, тем активнее двор франкских королей становился в их восприятии местом исключительного средоточия власти, и где, по их логике, заинтересованные представители светской знати и церковной иерархии добивались равновесия интересов и достигали согласия по вопросам потестарной организации.

Примечания

- ¹ Среди фундаментальных работ, задавших пути развития исторической мысли на многие годы вперед, можно назвать: *Rogge K.A. Über das Gerichtswesen der Germanen: Ein germanistisches Versuch.* Halle, 1820, *Thierry A. Récits des temps mérovingiens, précédés de Considérations sur l'histoire de France.* P., 1840. Тьерри явился отцом современной идеи романо-германского синтеза в Меровингском королевстве франков. Во второй половине XIX в. к указанным изысканиям добавились работы: *Dahn F. Die Könige der Germanen.* Leipzig, 1894, Bd. 7. *Die Franken unter den Merowingern.* Abt. 1; *Sybel H. von Entstehung des deutschen Königthums.* Frankfurt am Main, 1881. В этой монографии подвергалась сомнению варварская государственность германцев. См. также: *Fustel de Coulanges N.D. Histoire des institutions politiques de l'ancienne France: en 6 t.* P., 1875. Важно обратить внимание на большое количество специальных работ по истории права, написанных в рамках традиций немецкой "Rechtgeschichtliche Schule", основанной Савиньи (F.K. von Savigny) и его подражателями во Франции. Среди многих трудов историко-правового жанра основными и оказавшими наибольшее влияние являются: *Waitz G. Deutsche Verfassungsgeschichte.* Kiel, 1876. Bd. 7. *Die deutsche Reichsverfassung von der Mitte des neunten bis zur Mitte des zwölften Jahrhunderts;* *Beauchet L. Histoire de l'organisation judiciaire en France. Époque franque.* P., 1886; *Glasson E. Histoire du droit et des institutions de la France.* P., 1888. Т. 2. Époque franque.
- ² О «гегемонии франков в Европе» уже в эпоху сыновей Хлодвига говорит, например, фундаментальное исследование, явившееся примером синтеза взглядов французских и бельгийских ученых XIX и первой четверти XX в.: *Lot F., Pfister C., Ganshof F.L. Histoire du Moyen Âge.* P., 1928. Т. 1. *Les destinees de l'Empire en Occident de 395 à 888.* P. 209. Есть и другие исследования, подчеркивающие рост влияния франков в Европе в эту эпоху. О распространении влияния Меровингов и характерных для Меровингского королевства форм административной организации к востоку от Рейна см., например: *Butzen R. Die Merowinger östlich des mittleren Rheins: Studien zur militärischen, politischen, rechtlichen, religiösen, kirchlichen, kulturellen Erfassung durch Königtum und Adel im 6 sowie 7 Jahrhundert.* Würzburg, 1987; *Sprandel R. Das Kloster St. Gallen*

in der Verfassung des Karolingischen Reiches.. Freiburg im Breisgau, 1958. Т. 7. С. 151.

- ³ Однако были в общем хоре ученых, придерживавшихся этой точки зрения, и другие голоса. Противоположную позицию имел, например, Мюррей (А.С. Murray), который в своем исследовании порядков наследования во Франкском королевстве показал, что в этой специфической области социально-экономических отношений можно скорее наблюдать «варваризацию», чем постепенную адаптацию к позднеантичной культуре. См.: *Murray A.C. Germanic Kinship Structure: Studies in Law and Society in Antiquity and in the Early Middle Ages.* Toronto, 1983.
- ⁴ Среди ученых XX в., разделявших эту точку зрения, назовем авторов фундаментального труда (*Lot F., Pfister C., Ganshof F.L. Histoire du Moyen Âge.* Т. 1. Р. 319—325) и известнейшего из исследователей меровингской эпохи Е. Эвига (*Ewig E. Die fränkische Teilreiche im 7 Jahrhundert (613—714) // Spätantikes und fränkisches Gallien: Gesammelte Schriften.* Ostfildern, 1976. Bd. 1. S. 174). Среди отечественных медиевистов также можно заметить следование данной традиции, хотя и в опосредованном ключе. Так, в работе, посвященной раннесредневековой государственности, А.Р. Корсунский показал, что для указанного периода существовало то, что логично назвать «демократией знати» и что раннесредневековые королевства не были еще «государствами» в полном смысле слова. См.: *Корсунский А.Р. Образование раннефеодального государства в Западной Европе.* М., 1963. С. 154, 162. Особенно важным для нас является тезис А.И. Неусыхина о том, что в раннесредневековый период общество было «дофеодальным», т.е. таким, в котором отсутствовали значительные классовые противоречия; большинство населения составляли свободные. См.: *Неусыхин А.И. Дофеодальный период как переходная стадия развития от родо-племенного строя к раннефеодальному.* (Тезисы доклада) // *Средние века.* 1968. Т. 31. С. 45—48, 59—63; *Он же. Дофеодальный период как переходная стадия развития от родоплеменного строя к раннефеодальному // Вопросы истории.* 1967. № 1. С. 75—87. Можно заметить, что хотя оба этих исследователя не дали точной периодизации времени существования «догосударственного», «дофеодального» этапа, но, судя по приводимым ими источникам, они относили его ко всей эпохе Меровингов в части своей аргументации, которая касалась Галлии.

- 5 Опубликованных в: MGH SRM. Т. 2.
- 6 Одна из каролингских редакций «Хроники» Продолжателя Фредегара сообщает, что вдова Хлодвига II Балтхильда стала «угнетать франков», а ее малолетний сын Хлотарь, права которого она защищала, возможно не меровингских кровей, и был на самом деле сыном майордома Эброина. См.: *Fredegar. Continuationes. Cap 2.* Эта версия содержится в более поздней каролингской рукописи.
- 7 "...zu den dunkelsten Epochen der mittelalterlichen Geschichte gerechnet worden müssen" // *Ewig E. Noch einmal zum "Staatsreich" Grimoalds // Speculum historiale: Geschichte im Spiegel von Geschichtsschreibung und Geschichtsdeutung / Hrsg. von C. Bauer, L. Böhm, M. Müller. Freiburg, 1965. S. 454—457.*
- 8 *Gerberding R. The Rise of the Carolingians and the "Liber historiae Francorum". Oxford, 1992. P. 47—182.*
- 9 *Gerberding R. The Rise of the Carolingians. P. 75—76.*
- 10 *Werner K.F. Les principautés périphériques dans le monde franc du VIIIe siècle // Settimane di studio del Centro italiano di studi sull'alto medioevo. Spoleto, 1972. T. 20. I problemi dell'Occidente nel secolo VIII. P. 505, 513; Rouche M. Francs et gallo-romains chez Grégoire de Tours // Gregorio di Tours. Todi, 1977. P. 94.*
- 11 *Gerberding R. The Rise of the Carolingians. P. 113.*
- 12 *Ewig E. Die fränkische Teilungen und Teilreiche (511—613) // Spätantikes und fränkisches Gallien: Gesammelte Schriften. Ostfildern, 1976. Bd. 1. S. 128.*
- 13 *Ewig E. Die fränkische Teilungen. S. 130.*
- 14 За пределами остались только Прованс и земли на Дунае, но их присоединение произошло только в VII в.
- 15 *Ewig E. Die fränkische Teilungen. S. 134.*
- 16 *Ibid. S. 140.*
- 17 *Ibid. S. 151—160; Idem. Die fränkische Teilreiche. S. 172.*
- 18 *Ewig E. Die fränkische Teilreiche. S. 192—195.*
- 19 *Ewig E. Die Merowinger und das Frankenreich. Stuttgart, 1993. S. 197, 199, 201, 204.*
- 20 *Gerberding R. The Rise of the Carolingians. P. 47—115.*
- 21 Предметом исследования в данном случае будет именно тенденция, а не отдельные события, потому что сюжеты, рассмотренные этими двумя авторами, не пересекались в силу их хронологической удаленности.
- 22 *Gerberding R. The Rise of the Carolingians. P. 93—182.*
- 23 *Rogge K.A. Über das Gerichtswesen der Germanen: Ein germanistisches Versuch. A. Pögg, юрист и историк права, пи-*

савший в духе одного из создателей и вдохновителей «немецкой истории» Г. Конринга (1606—1681), основываясь на юридически-правовом прочтении «Салической правды», сделал попытку показать следующее: Римская империя и римская цивилизация не могли иметь значительного влияния на германское общество хотя бы потому, что правовые принципы, на которых последнее было организовано, по своей свободе и уважению к правам личности во многом превосходили правовой «диктат» Римской империи. См. прекрасно выполненное описание его взглядов и полемику с ним в публицистических письмах О. Тьерри в *Courrier français*, опубликованных в 1820 г. См.: *Thierry A. Lettres sur l'histoire de France*. P., 1856. P. 68—107, рус. пер.: Тьерри О. О характере германских завоеваний Галлии и состоянии побежденных туземцев // История Средних Веков / Под ред. М.М. Стасюлевич. М., 1999. С. 297—310. Другое сочинение Тьерри — Рассказы из времен Меровингов (СПб., 1892) — значимо как пример особого внимания, которое ученый уделит Григорию Турскому, дав только этому автору право голоса и оставив на втором плане все остальные источники по истории меровингской Галлии.

²⁴ *Thierry A. Lettres sur l'histoire de France*. P. 86; Тьерри О. О характере германских завоеваний. С. 301—303.

²⁵ Тьерри О. Рассказы из времен Меровингов. СПб., 1892. С. 12—14, 16.

²⁶ [Рец. на:] Рассказы о временах Меровингов. Сочинение Огюстена Тьерри. СПб., 1848 // Отечественные записки: Раздел VI. Библиографическая хроника. 1848. Т. 58. № 5—6. С. 18.

²⁷ Обратившись к нарративным сочинениям и, в частности, «Истории» Григория Турского, он подчеркнул, что в варварском обществе господствовали лживость и обман, и что, таким образом, его нельзя считать обладавшим более справедливой социальной организацией, чем Римская империя. См.: Гизо Ф. О характере Салического закона // История Средних веков / Под ред. М.М. Стасюлевич. СПб., 1999. С. 324—325.

²⁸ *Zeller J. Entretiens sur l'histoire du Moyen Âge*. P., 1893. T. 1. Partie 1. P. 310—312.

²⁹ *Thierry A. Récits des temps mérovingiens, précédés de Considérations sur l'histoire de France*. Рус. пер.: Тьерри О. Рассказы из времен Меровингов.

³⁰ Тьерри О. О характере германских завоеваний. С. 305.

³¹ *Guizot F. Recits historiques*. Bielefeld, 1897. P. 72. Анализ его видения истории с «Суассонской чашей» и последующая смена

- оценки этого сочинения в трудах исследователей XIX—XX вв. будет представлен далее. Следует отметить, однако, что впервые обратил внимание на эпизод с «Суассонской чашей» Ф. Дан (*Dahn F. Die Könige der Germanen. Bd. 7. S. 56*), но он не сделал из него таких далеко идущих выводов, как Гизо.
- ³² *Wattenbach W., Traube L. Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter bis zur Mitte des dreizehnten Jahrhunderts. Stuttgart, 1904. S. 84.*
- ³³ *Ibid. S. 86.*
- ³⁴ Стоит отметить, что несмотря на кажущуюся законченность исследования сочинений Григория Турского и мнимую исчерпанность темы исследователи тне перестают разрабатывать новые подходы к оценке его «Истории» и других сочинений.
- ³⁵ *Hellmann S. Studien zur mittelalterlichen Geschichtschreibung: Gregor von Tours // Historische Zeitschrift. 1911. Jg. 107. S. 14.*
- ³⁶ *Monod G. Études critiques sur les sources de l'histoire merovingienne. P., 1872. T. 1. Introduction, Grégoire de Tours, Marius d'Avenches.*
- ³⁷ *Kurth G. Les sources de l'histoire de Clovis dans Grégoire de Tours // Études franques. Bruxelles, 1919. T. 2. P. 207—271.*
- ³⁸ До этого сознательный поиск, акцентировка и пристрастное выпячивание этнических моментов у Григория были присущи как французским, так и немецким ученым.
- ³⁹ Эту мысль выразил наиболее ярко: *Halphen L. Grégoire de Tours, historien de Clovis // Mélanges d'histoire du Moyen Âge offerts à M. Ferdinand Lot par ses amis et ses élèves. P., 1925. P. 235—245.*
- ⁴⁰ *Junghans W. Histoire critique des regnes de Childerich et de Chlodovech. P., 1879. P. 56; Kurth G. Clovis. Tours, 1896. P. 271; Idem. Clovis. P., 1901. T. 2. P. 118, 127.*
- ⁴¹ *Schmidt L. Geschichte der deutschen Stamme bis zum Ausgange der Völkerwanderung. Berlin, 1904. S. 494; Lot F., Pfister C., Ganshof F. L. Histoire du Moyen Âge. T. 1. P. 183.*
- ⁴² *Auerbach E. Mimesis; dargestellte Wirklichkeit in der abendländischen Literatur. Bern, 1946.*
- ⁴³ См., например: *Савукова В.Д. «История франков» как литературный памятник // Григорий Турский. История франков. М., 1987. С. 337.*
- ⁴⁴ *Ganshof F. Een historicus uit de VI-e eeuw: Gregorius van Tours // Medelingen van de Koninklijke Vlaamse Academie voor Wetenschappen, Letteren en Schone Kusten van België, Klasse der Letteren. Brussel, 1966. Jrg. 28. № 5. P. 9.*

- ⁴⁵ *Ganshof F.* Een historicus. P. 10.
- ⁴⁶ *Ibid.* P. 13.
- ⁴⁷ *Ibid.* P. 14—15.
- ⁴⁸ *Buchner R.* Einleitung // *Gregorius Turonensis. Historiarum libri decem.* Libri 1—5. Bd. 1 / Hrsg. von R. Buchner. Berlin, 1967. S. XXI.
- ⁴⁹ *Grig. Tour.* Hist. 5; 34, 39.
- ⁵⁰ *Ibid.* 6; 23, 27.
- ⁵¹ *Ibid.* 6; 34, 41.
- ⁵² *Ibid.* 6; 39.
- ⁵³ *Ibid.* 10; 26.
- ⁵⁴ *Ibid.* 7; 47.
- ⁵⁵ *Ibid.* 9; 19.
- ⁵⁶ *Buchner R.* Einleitung. S. XXII.
- ⁵⁷ *Ibid.* S. XXII. В данном случае ему было важно показать, что Григорий Турский описывал события второй половины VI в. иначе, чем приход Хлодвига к власти: епископ Тура не пытался записать по памяти (или в соответствии с уже сложившейся историографической традицией) исторические события, а обращался к перу по мере их развертывания.
- ⁵⁸ *Ibid.* S. XXI.
- ⁵⁹ *Ibid.* S. XXI.
- ⁶⁰ В начале XXI в. не нуждается в доказательстве тот факт, что невозможно понять представления о власти и социальной структуре общества, предварительно не попытавшись уловить тот смысл, который образованные люди, и в частности, авторы исторических сочинений, вкладывали в обращение к прошлому. Влияние особенностей мировоззрения позднеантичных и раннесредневековых историков на их подход к изображаемым событиям была исследована многими учеными. В качестве особо яркого примера можно сослаться на работы: *Goffart W.* Zosimos: The First Historian of Rome's Fall // *American Historical Review.* 1971. Vol. 76. № 2. P. 412—441; *Idem.* Rome, Constantinople and the Barbarians // *The American Historical Review.* 1981. Vol. 86. № 2. P. 275—306; *Idem.* The Narrators of Barbarian History (AD 550—800): Jordanes, Gregory of Tours, Bede, and Paul the Deacon. Princeton, 1988.
- ⁶¹ *Hellmann S.* Studien zur mittelalterlichen Geschichtschreibung: Gregor von Tours. S. 22.
- ⁶² *Ibid.* S. 23.
- ⁶³ *Тьерри О.* Рассказы из времен Меровингов. С. 13.
- ⁶⁴ Например, недавние работы показали, как следует отделять авторские стратегии от исторической действительности в

- «Истории» Григория Турского. См.: *Heinzelmann M. Gregor von Tours (538—594), "Zehn Bücher Geschichte": Historiographie und Gesellschaftskonzept in 6 Jahrhundert.* Darmstadt, 1994.
- ⁶⁵ *Шкаренков П.П.* Королевская власть в Остготской Италии по "Variae" Кассиодора: Миф, образ, реальность. М., 2003; *Санников С.В.* Образы королевской власти эпохи Великого переселения народов в западноевропейской историографии VI века. Новосибирск, 2011. С. 210.
- ⁶⁶ *Шкаренков П.П.* Королевская власть в Остготской Италии по "Variae" Кассиодора: Миф, образ, реальность; *Он же.* Римская традиция в варварском мире: Флавий Кассиодор и его эпоха. М., 2004.
- ⁶⁷ Во многом утрированное О. Тьерри. См.: *Thierry A. Lettres sur l'histoire de France.* P. 68—107, рус. пер.: *Тьерри О.* О характере германских завоеваний. С. 297—310.
- ⁶⁸ К концу XIX в. жизнь и деятельность Хлодвига были детально исследованы в работе: *Kurth G. Clovis.*
- ⁶⁹ *Junghans W. Histoire critique.* P. 56; *Kurth G. Clovis.* P. 271; *Idem. Clovis.* T. 2. P. 118, 127.
- ⁷⁰ *Schmidt L. Geschichte der deutschen Stamme bis zum Ausgange der Völkerwanderung.* S. 494; *Lot F., Pfister C., Ganshof F.L. Histoire du Moyen Âge.* T. 1. P. 183.
- ⁷¹ *Grig. Tour. Hist.* 2; 27.
- ⁷² *Guizot F. Recits historiques.* P. 72.
- ⁷³ *Dahn F. Die Könige der Germanen.* Bd. 7. S. 56.
- ⁷⁴ *Ibid.* 7. S. 59—61.
- ⁷⁵ *Ibid.* S. 54; *Junghans W. Histoire critique.* P. 23.
- ⁷⁶ *Halphen L. Grégoire de Tours.* P. 235—245.
- ⁷⁷ *Ganshof F. Een historicus.* P. 11.
- ⁷⁸ *Lebecq S. Les origines franques: V^e—IXe siècle.* P., 1990.
- ⁷⁹ *Werner K.F. La "conquete franque" de la Gaule: Itinéraires historiographiques d'une erreur // Bibliotheque de l'ecole des chartes / Sous la dir. d'O. Guyotjeannin.* 1996. T. 154. № 1. Clovis chez les historiens. P. 29.
- ⁸⁰ *Heather P.J. The Goths.* Oxford, 1996. P. 193; *Wallace-Hadrill J.M. The Long-haired Kings, and Other Studies in Frankish History.* N.Y., 1962. P. 162; *Werner K.F. Les Origines.* P., 1984. P. 286; *Idem.* De Childéric à Clovis: antécédents et conséquences de la bataille de Soissons en 486 // *Revue archéologique de Picardie.* 1988. T. 3—4. № 1. P. 4; 174—178 *MacGeorge P. Late Roman Warlords.* N.Y., 2002. P. 111—136; *Périn P., Kazanski M. Das Grab Childerichs I // Franken — Wegbereiter Europas: vor 1500 Jahren: König Chlodwig*

und seine Erben. Mainz, 1996. S. 174—178; *Halsall G.* Cemeteries and Society in Merovingian Gaul: Selected Studies in History and Archaeology, 1992—2009. Leiden, 2010. P. 169—176; *Коньков Д.С.* Трансформация социальных связей в Аквитании в ходе формирования Вестготского королевства // Вестник Кемеровского государственного университета. История. 2013. Т. 3. № 2 (54). С. 78; *Казанский М.М., Перен П.* «Королевские» и «вождейские» погребения раннемеровингского времени в Галлии: состояние исследований // Краткие сообщения института археологии. 2014. № 234. С. 278.

⁸¹ *Grig. Tour. Hist.* 2; 31.

⁸² *MGH Epistolae.* Т. 3. P. 122. См.: *Lot F., Pfister C., Ganshof F.L.* Histoire du Moyen Âge. Т. 1. P. 188—189.

⁸³ Раннюю историографию этого вопроса см. в: *Wattenbach W., Levison W.* Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter. Stuttgart, 1952. Bd. 1. Vorzeit und Karolingern. H. 1. Die Vorzeit von den Anfängen bis zur Herrschaft der Karolinger. S. 103. Данная точка зрения была поднята в ряде трудов: *Van de Vijver A.* La victoire contre les alamans et la conversion de Clovis en 506 // *Revue belge de philologie et d'histoire.* 1936. Vol. 15. P. 859—914; *Idem.* La victoire contre les alamans et la conversion de Clovis en 506 // *Revue belge de philologie et d'histoire.* 1937. Т. 16. P. 35—94; *Idem.* L'unique victoire contre les Alamans et la conversio de Clovis // *Revue belge de philologie et d'histoire.* 1938. Т. 17. P. 793—813; *Ganshof F.L.* Het tijdperk van de Merowingen // *Algemene Geschiedenis der Nederlanden.* Deel 1. Oudheid en vroege middeleeuwen tot het jaar 925 / Red. door J.A. van Houtte. Utrecht, 1949; *Stein E.* Histoire de Bas-Empire. P., 1959. Т. 1. De l'État romain à l'État byzantin: (284—476). P. 147; *Wallace-Hadrill J.M.* The Long-haired Kings. P. 64; *Wood I.* Gregory of Tours and Clovis // *Revue belge de philologie et d'histoire.* 1985. Vol. 63. P. 249—272. В защиту традиционной точки зрения (о крещении в 496 г.) выступали в разное время: *Jubainville H. d'Arbois de.* La lieu de baptême de Clovis // *Bulletin de la Societe des antiquaires de France.* 1906; *Lot F., Pfister C., Ganshof F.L.* Histoire du Moyen Âge. Т. 1. P. 189; *Löwe H.* Deutschland im fränkischen Reich / Hrsg. von B. Gebhardt, H. Grundmann. München, 1954. S. 93; *Steinbach F.* Das Frankenreich / Hrsg. von O. Brandt, A.O. Meyer, L. Just. Konstanz, 1957. S. 11; *Steinen W. von der.* Chlodwigs Übergang zum Christentum. Eine Quellenkritische Studie // *Mitteilungen des Österreichischen Instituts für Geschichtsforschung.* Ergänzungsband. 1932. Jg. 12. S. 417—501.

- ⁸⁴ О гражданском характере прерогатив, дарованных Хлодвигу византийским императором, которые делали короля франков своего рода «губернатором» северной Галлии: *McCormick M. Clovis at Tours: Byzantine Public Ritual and the Origins of Medieval Ruler Symbolism* // *Das Reich und die Barbaren* / Ed. by E.K. Chrysos, A. Schwarz. Wien, 1989. P. 155—180; *Hauck K. Von einer spätantiker Randkultur zum karolingischen Europa* // *Frühmittelalterliche Studien*. 1967. Jg. 1. S. 27.
- ⁸⁵ *Grig. Tour. Hist.* 2; 30; *Wood I. Gregory of Tours*.
- ⁸⁶ Образ императора Константина был крайне важной частью политического и религиозного самосознания Запада в Раннем Средневековье: *Ewig E. Das Bild Constantins des Grossen in den ersten Jahrhunderten des abendländischen Mittelalters* // *Spätantikes und fränkisches Gallien: Gesammelte Schriften*. Ostfildern, 1976. Bd. 1. S. 72—113.
- ⁸⁷ *Grig. Tour. Hist.* 2; 18, 27.
- ⁸⁸ *James E. Childéric, Syagrius et la disparition du royaume de Soissons* // *Revue archéologique de Picardie*. 1988. T. 3—4. P. 9—12.
- ⁸⁹ *Grig. Tour. Hist.* 2; 12.
- ⁹⁰ *Périn P. Datation des tombes mérovingiennes : historique, méthodes, applications*. Geneve, 1980; *Idem. À propos des publications récentes concernant le peuplement en Gaule à l'époque mérovingienne: la question francque* // *Archéologie Médiévale*. 1981. T. 11. P. 125—145; *Périn P., Feffer L.-C. Les Francs*. P., 1987. T. 1. À la conquête de la Gaule. P. 200—210.
- ⁹¹ *MacGeorge P. Late Roman warlords*. P. 111—136; *Halsall G. Barbarian Migrations and the Roman West, 376—568*. Cambridge, 2007. P. 280; *Циркин Ю.Б. «Генеральские государства» на территории Западной Римской империи* // *Мнемон: Исследования и публикации по истории Античного мира*. Сборник статей к 80-летию со дня рождения проф. Э.Д. Фролова. 2013. Т. 12. С. 462—466, 470.
- ⁹² *James E. Childéric, Syagrius et la disparition du royaume de Soissons*. P. 12.
- ⁹³ *Grig. Tour. Hist.* 2; 42.
- ⁹⁴ *Bourgain P. Clovis et Clotilde chez les historiens médiévaux des temps mérovingiens au premier siècle capétien* // *Bibliothèque de l'École des chartes*. 1996. T. 154. № 1. P. 61; *Schmidt J. Le baptême de la France: Clovis, Clotilde, Genevieve*. P., 1996; *Steinen W., von den. Chlodwigs Ubergang zum Christentum: Eine quellenkritische Studie*. Darmstadt, 1963.
- ⁹⁵ Взаимосвязь этого эпизода с другими частями «Истории» будет показана далее.

⁹⁶ *Grig. Tour. Hist.* 4; 47; 5; 48.

⁹⁷ *Ibid.* 7; 17.

⁹⁸ Тьерри принял на веру крайне отрицательную характеристику Григория Турского этого короля и описывал его в еще более острых выражениях как «полудикого вольнодумца» и человека, который из всех франкских королей показывал наибольшее пренебрежение к требованиям христианства. См.: Тьерри О. Рассказы из времен Меровингов. С. 13—14, 16. По сравнению с текстом Григория Турского подобная характеристика является не более чем вымыслом.

⁹⁹ Тема неправдивости правителя является очень важной для позднеантичной историографии: например, можно отметить, как в своих «Анналах» Тацит рисовал императора Тиберия как человека, использовавшего притворство, “*dissimulatio*”, для того, чтобы добиться своих неблагоприятных целей.

¹⁰⁰ *Grig. Tour. Hist.* 5; 2.

¹⁰¹ В других эпизодах тема трагических отношений между отцом и сыном используется Григорием Турским при изображении заведомых «неудачников», сметенных франками с исторической арены, а именно, Гундобада, автора “*Lex Burgundionum*” и его сына, бургундского короля Сигимунда. Эта история у Григория (*Grig. Tour. Hist.* 3; 5) выглядит следующим образом. Сигимунд, сын Гундобада, получил королевство после смерти отца. После того, как он лишился своей первой жены, у него остался от нее сын Сигирих. Между ним и второй женой Сигимунда отношения не сложились, и она подговорила короля убить сына. Король после совершенного преступления раскаялся и попытался замолить свой грех, постясь и плача. Однако в глазах Григория Турского это ему не помогло, и «возмездие Господа преследовало его по пятам»: франкский король Хлодомер, стремившийся завоевать Бургундию, в течение некоторого времени содержал Сигимунда под стражей в окрестностях Орлеана, а потом убил его и всю его семью (*Grig. Tour. Hist.* 3; 6). Этот эпизод еще раз говорит нам о том, что Григорий Турский рассматривает семейные неприятности прежде всего как признак, предвещающий неблагоприятное правление, которое заканчивается трагической смертью властителей.

¹⁰² *Grig. Tour. Hist.* 5; 50.

¹⁰³ *Ibid.* 5; 3.

¹⁰⁴ *Ibid.* 5; 14; *Buchner R. Einleitung.* S. XXII.

¹⁰⁵ *Ewig E. Die fränkische Teilungen.* S. 128—134.

¹⁰⁶ *Grig. Tour. Hist.* 7; 47.

- ¹⁰⁷Ibid. 9; 19; *Buchner R.* Einleitung. S. XXII.
- ¹⁰⁸Как мы уже упоминали, современные исследователи склонны не доверять первым трем книгам «Истории» епископа Тура, где он воспроизводит сохранившуюся традицию, в то время как они считают, что в остальной части его сочинения, где он описывает те события, которые сам имел возможность наблюдать, ему можно верить. См.: *Ganshof F.* Een historicus. P. 9.
- ¹⁰⁹*Sid.* Epist. 1; 2.
- ¹¹⁰*Григорий Турский.* История франков / Под ред., коммент. В.Д. Савукова. М., 1987.
- ¹¹¹Название «История франков» присутствует лишь в поздних рукописях X в. См.: *Buchner R.* Einleitung. S. I—III.
- ¹¹²*Grig. Tour.* Hist. 2; Praefatio.
- ¹¹³Ibid. 5; Praefatio.
- ¹¹⁴*Orosius P. Pauli Orosii Historiarum adversum paganos, libri VII. Accedit eiusdem Liber apologeticus* / Hrsg. von K.F.W. Zangemeister. Vindobonae, 1882; *Goetz H.-W.* Die Geschichtstheologie des Orosius. Darmstad, 1980. S. 10; *Уколова В.И.* Античное наследие и культура Раннего Средневековья. М., 1989. С. 138.
- ¹¹⁵*Тюленев В.М.* Вступительная статья // *Павел Орозий.* История против язычников. Книги I—III. СПб., 2001. С. 32, 47.
- ¹¹⁶*Grig. Tour.* Hist. 5; Praefatio.
- ¹¹⁷Отметим, что сгущенные краски при описании варварских вторжений у Орозия, как нам кажется, во многом определяют тональность повествования у Григория. Основной темой «Семи книг против язычников» этого автора является то, насколько случайны были удачи Рима в республиканский период и в период империи, и насколько сложным — его существование в течение более чем тысячелетней истории Вечного города. Так Августин, а затем и Орозий обратились к истории, чтобы доказать свой тезис, который противоречил как мнению Симмаха, префекта Рима (ум. 405 г.), а равно и утверждениям пелагианцев. Об отношении Симмаха к истории Рима можно узнать из его комментариев, содержащихся в: *Q. Aurelius Symmachus. Q. Aurelii Symmachi quae supersunt* // *Symmachi opera* / Hrsg. von O. Seeck. München // *MGH Auctores Antiquissimi.* 2001. Bd. 6. T. 1. S. 1.
- ¹¹⁸*Goffart W.* The Narrators. P. 153.
- ¹¹⁹*Heinzelmann M.* Gregor von Tours. S. 203.
- ¹²⁰*Diesenberger M., Reimitz H.* Zwischen Vergangenheit und Zukunft: Momente des Königtums in der merowingischen Historiographie // *Das frühmittelalterliche Konigtum: Ideelle und religiöse Grundlagen* / Hrsg. von F.-R. Erkens. Berlin, 2005. S. 262.

- ¹²¹James E. "Beati pacifici": Bishops and the Law in Sixth Century Gaul // *Disputes and Settlements: Law and Human Relations in the West* / Ed. by J. Bossy. Cambridge, 1983. P. 25—46; *Van Dam R. Leadership and Community in Late Antique Gaul*. Berkeley, 1985. P. 197—205.
- ¹²²Brown P. Christianity and Local Culture in Late Roman Africa // *Journal of Roman Studies*. 1968. Vol. 58. P. 85—95; *Idem*. *The World of Late Antiquity, 200—750. L.*, 1971; *Idem*. *Power and Persuasion in Late Antiquity: Towards a Christian Empire*. Madison, 1992; *Klingshirn W. Authority, Consensus, and Dissent: Caesarius of Arles and the Making of a Christian Community in Late Antique Gaul*: PhD thesis. Stanford, 1985; *Klingshirn W. Charity and Power: Caesarius of Arles and the Ransoming of Captives in sub-Roman* // *Journal of Roman Studies*. 1985. Vol. 75. P. 202.
- ¹²³Monod G. *Études critiques sur les sources de l'histoire mérovingienne*. T. 1. P. 106, 111, 114—116, 119, 125—127.
- ¹²⁴Епископ Тура неоднократно рассказывал о том, как короли были вынуждены обращаться к епископам, если возникала необходимость использовать ресурсы городских общин верующих, церквей и монастырей. В то же время, когда они этим пренебрегали, то продолжительный конфликт был неизбежен. Описанный Григорием конфликт, случившийся в 589 г. в Пуатье между дочерью короля Хариберта Хродехильдой, дочерью короля Хильперика Базиной, и монастырем, показывает, что в конце VI в. у представителей церковной иерархии были рычаги воздействия на светских правителей. См.: *Grig. Tour. Hist.* 9; 39; 10; 16; 10; 17.
- ¹²⁵Может показаться, что вопрос об использовании Григорием Турским позднеантичных топосов является давно решенным. Однако стоит отметить, что ученый консенсус до недавнего времени был подавляющим образом в пользу Григория Турского как средневекового писателя, не опирающегося на примеры прошлого, а детально описывающего новую, средневековую реальность. См.: *Савукова В.Д. История франков как литературный памятник*. С. 337.
- ¹²⁶Ewig E. *Die fränkische Teilungen*. S. 128—134.
- ¹²⁷Ibid. S. 172.
- ¹²⁸Wallace-Hadrill J.M. *The Fourth Book of the Chronicle of Fredegar; with Its Continuations*. L., 1960. P. IX.
- ¹²⁹*Fred. Cont.*; Wallace-Hadrill J.M. *The Fourth Book of the Chronicle of Fredegar; with Its Continuations*. P. IX.
- ¹³⁰В частности, эта часть Хроники сообщает не только о бургундских делах, но и детально повествует о вступлении королей в Париж.

- ¹³¹Kurth G. *Fredegarius // The Catholic Encyclopedia*. N.Y., 1909. Vol. 6. P. 251—252.
- ¹³²Wallace-Hadrill J.M. *The Fourth Book of the Chronicle of Fredegar; with Its Continuations*. P. XVI—XXV.
- ¹³³“Guntramnus rex francorum cum iam anno 23 Burgundiae regnum bonitate plenus feliciter regebat, cum sacerdotibus utique sacerdos ad instar se ostendebat et cum leudis erat aptissimus aelemosynam pauperibus large tribuens, tante prosperotatis regnum tenuit, ut omnes etiam vicinas gentes ad plinitudinem de ipso laudis canerent” // *Fred. Chron. Chronica*. 4; 1.
- ¹³⁴Центральным в описании этих событий является нарушение баланса сил между епископатом (или отдельными его представителями) и королями. Например, историк VII в. сообщает, что в 603 г. король Австразии Теодерик I, по совету епископа Лиона Аридия, которого он называет «предателем», и по подстрекательству своей тетки Брунгильды, изгнал св. Дезидерия из Каора, где тот в течение долгого времени был епископом. Однако в 607 г. вынужден был вернуть его обратно. См.: *Fred. Chron.* 4; 24, 32.
- ¹³⁵Следует отметить, что для него франки вовсе не были всего лишь этнической группой.
- ¹³⁶Diesenberger M., Reimitz H. *Zwischen Vergangenheit und Zukunft*. S. 255.
- ¹³⁷Goetz H.-W. *Die germanisch-romanische Kultur-Synthese in der Wahrnehmung der merowingischer Geschichtsschreibung // Akkulturation: Probleme einer germanisch-romanischen Kultursynthese in Spätantike und frühem Mittelalter / Hrsg. von D. Hägermann, W. Haubrichs, J. Jarnut*. Berlin, 2004. S. 559; Wood I. *Defining the Franks: Frankish Origins in Early Medieval Historiography // Concepts of National Identity in the Middle Ages / Ed. by S. Forde, L. Johnson, A.V. Murray*. Leeds, 1995. P. 57; Fouracre P.J. *The Nature of Frankish Political Institutions in the Seventh Century // Franks and Alamanni in the Merovingian Period: An Ethnographic Perspective*. 60:1—2 / Ed. by I.N. Wood. Woodbridge, 1998. P. 297; *Fred. Chron.* 4; 73.
- ¹³⁸См.: Thierry A. *Lettres sur l'histoire de France*. P. 68—107; James E. Childéric, Syagrius et la disparition du royaume de Soissons. P. 12.
- ¹³⁹Goetz H.-W. *Die germanisch-romanische Kultur-Synthese*. S. 557.
- ¹⁴⁰*Fred. Chron.* 4; 33, 34.
- ¹⁴¹*Ibid.* 4; 1.
- ¹⁴²*Ibid.* 4; 15.
- ¹⁴³Kurth G. *Fredegarius; Wallace-Hadrill J.M. The Fourth Book of the Chronicle of Fredegar; with Its Continuations*. P. XVI—XXV.

¹⁴⁴*Buchner R.* Einleitung. S. XXIV.

¹⁴⁵*Ibid.* S. XXII.

¹⁴⁶*Grig. Tour. Hist.* 5; 14; *Buchner R.* Einleitung. S. XXII.

¹⁴⁷Именно это дало возможность исследователям говорить о трех авторах «Хроники». См.: *Kurth G. Fredegarius.*

¹⁴⁸*Fred. Chron.* 4; 58.

¹⁴⁹В целом именно этот вывод можно сделать из фундаментальных исследований данного периода несмотря на то, что при Дагоберте стала более выраженной тенденция централизации Франкского королевства: *Ewig E. Die fränkische Teilreiche.* S. 176—180.

¹⁵⁰*Gerberding R. The Rise of the Carolingians.*

¹⁵¹*Diesenberger M., Reimitz H. Zwischen Vergangenheit und Zukunft.* S. 262.

¹⁵²*Ibid.* S. 256.

¹⁵³*McKitterick R. Akkulturation and the Writing of History in the Early Middle Ages // Akkulturation: Probleme einer germanisch-romanischen Kultursynthese in Spätantike und frühem Mittelalter / Hrsg. von D. Hägermann, W. Haubrichs, J. Jarnut. Berlin, 2004. S. 261.*

Глава II
Франкское королевство
в позднемеровингский период
(VII – середина VIII в.)
по материалам агиографических
сочинений

§ 1. Распространение агиографических сочинений в Галлии и их особенности

«История» Григория Турского, а также сочинения Фредегара и автора «Истории франков» показывают, что представления о власти изменились в течение правления династии Меровингов, и королевский двор стал играть в них все более важную роль. Одновременно с историографическими произведениями, другой жанр получил значительное распространение среди образованных людей и монахов в указанный период. Речь идет о житийной литературе, появившейся в восточном Средиземноморье с развитием Христианства. Данный жанр стал распространяться в Галлии с V в.; он строился по другим правилам, нежели историографические сочинения, и поэтому информация из житий относительно представлений о власти является интересным дополнением к той картине, которую рисуют истории и хроники указанного периода. Для нашего исследования тема развития монашества, проходящая красной нитью через все агиографические памятники, интересна с точки зрения влияния, оказанного появлением новых монашеских общин на представления о соотношении королевской власти, знати и сакральной природы церкви¹.

Первым сочинением такого рода в Галлии стало «Житие» св. Мартина, епископа г. Тура (371—397), написанное в середине V в. Сульпицием Севером, представителем знатного и влиятельного рода². Жизнь святого явилась важным сюжетом, к которому, хотя и со своих точек зрения, в V—VI в. обратились Пау-

лин Перигорский и Григорий Турский³. После всплеска агиографической литературы в этот период «рождение» новых сочинений пришлось уже только на середину VII в., когда сам жанр получил мощный импульс, а жития — широкое распространение⁴. В западном Средиземноморье и затем в континентальной Европе, в отличие от восточного Средиземноморья, Малой Азии и Ближнего Востока, главными персонажами подобных житий служили не столько аскеты-пустынники, сколько епископы, т.е. представители церковной иерархии, вся жизнь и деятельность которых была к тому времени тесно связана с королями и знатью. Именно поэтому данные сочинения дают возможность посмотреть на развитие политической ситуации и представлений о власти в VII в. с весьма интересной точки зрения.

После долгого периода недоверия к агиографическим памятникам, характерного для XIX в., в XX в. ученые стали по-новому обращаться к этим источникам. Филипп Делеэ привлек внимание к житиям святых как к историческим источникам, в надежности которых исследователи к тому времени постоянно сомневались⁵. Прорыв в изучении агиографических сочинений во второй половине XX в. был сделан рядом исследователей. В своих работах ученые показали, как в Поздней Античности епископы и монахи могли использовать святость и тексты о праведных людях в качестве стратегии легитимации собственного положения в бурном и быстро менявшемся мире времени поздней Римской империи, которая поднимала их престиж и давала шанс выразить личное мнение о происходящих событиях⁶. В 1960-х гг. чешский ученый Граус исследовал жития, проливающие свет

на историю Франкского королевства⁷, и показал, что агиографические сочинения времени правления династии Меровингов можно использовать в качестве исторических источников. Другой важнейшей работой, задавшей тон в обращении к агиографической литературе из Галлии для воссоздания картины прошлого, стал труд о Сульпиции Севере и о его жизнеописании св. Мартина Турского⁸. Данные исследования показали, что жития — прямая иллюстрация того, как знать и епископы искали поддержку в сакральной силе, которой, по мнению верующих, обладали праведники. Именно они выступили в роли посредников между небесным миром и светской структурой земного общества, недавно лишившейся верховной власти Римской империи⁹. Такой подход к исследованию агиографических произведений представляется очень важным, и в этой главе информация из житий будет рассмотрена в подобном ключе. Агиографические сочинения, которые являются источником сведений о том, как в позднемеровингский период (VII—VIII вв.) образованные люди представляли властителей и их роль в управлении обществом, создают картину, нуждающуюся в тщательном и взвешенном анализе. Данная картина составляет важное дополнение к той, что рисуют истории и хроники. Авторы житий, как правило, занимали другое положение в обществе, нежели историки, и поэтому их взгляд на события и практику власти отличался от воззрений Григория Турского, Продолжателя Фредегара и автора “*Liber historiae francorum*”.

После перерыва, последовавшего за появлением нескольких версий жития св. Мартина в V—VI вв., в конце VI—начале VII в. агиографические сочинения ста-

ли составляться снова. Их широкое распространение с начала VII в. позволяет дополнить ту картину развития Меровингских королевств, которую современные исследователи реконструировали на основании нарративных источников. Именно в указанное время было написано и стало известным «Житие Колумбана», ирландского монаха, чей вклад в распространение аскетического образа жизни в Европе является темой для полемики среди ученых¹⁰. Кроме того, увидели свет другие агиографические сочинения, например, жития королевы Балтхильды, епископов Эдуэна Руанского и Элигия Нойонского, «Деяния короля Дагоберта» и некоторые другие. Все они — важнейшие источники, позволяющие дополнить картину политических и социальных процессов в этот период. Ведь в отличие от уже устоявшегося историографического жанра, который требовал следования канонам, жития допускали большую долю самостоятельности со стороны авторов и позволяли им не обладать теми знаниями образцов историографии, необходимых для написания исторических сочинений. Поэтому их составители могли и не следовать канонам исторического жанра, а их взгляд на исторические и современные события представлял альтернативу воззрениям авторов исторических сочинений.

Исследование роли монастырей в средневековом обществе привело к созданию важной концепции, которую хотелось бы рассмотреть подробнее в связи с нашими изысканиями. Немецкая школа исторических штудий сформулировала концепцию т.н. «имперских монастырей», широко использовавшуюся учеными при описании системы взаимодействия между императорами и церковью в восточных землях Франкского королевства в X в., когда каролинские властители уступили

место правителям Салической и последующих династий¹¹. Распространение данной концепции не ограничено немецкоязычными областями Европы, потому что идея особой связи монастырей и королей — центральная для истории средневековой Франции. В особенности это характерно при изучении истории власти французских королей и их отношения к монастырю Сен-Дени. В частности, исследователи детально осветили, как в Раннем и в Высоком Средневековье монастырь Сен-Дени стал опорой королей Франции из династии Капетингов и Валуа и в каком-то смысле даже символом всей французской монархии.

Изучение агиографических сочинений дает возможность более детально обратиться к указанной идее и проверить, когда ее авторы начали рассматривать общины монахов не только как один из элементов средневекового общества, равный по значению другим, но и как интегральную часть структур власти, особые центры взаимодействия между королями и их представителями. Известно, что в меровингский период нельзя найти аббатов при дворе, и из клириков в окружении королей находились только епископы, многие из которых — выходцы из знатных семей. Это было значительным отличием от практики, сложившейся в более поздний — каролингский — период, когда появились родовитые аббаты, уже занимавшие важное положение при дворе¹². Для Высокого Средневековья вопрос о взаимоотношении знати и церкви был решен путем разделения полномочий и установления патроната аристократии над отдельными церквями и общинами монахов¹³.

Однако для Раннего Средневековья данный вопрос осложнялся рядом нерешенных проблем, воз-

никавших при попытках определить сложные отношения между знатью и церковью в терминах уже устоявшихся правовых концепций канонического права более позднего времени. Поскольку вопрос о подчинении многих церквей и монастырей власти епископов и папы, а равно и о влиянии на них представителей знати был для Раннего Средневековья большим, концепция «частных церквей» или «частных монастырей» как особого вида организации стала широко распространенной в результате работ ряда немецких исследователей¹⁴. Тезис о фактической независимости монастырей, основывавшихся знатью, трансформировался после трудов Фридриха Принца в концепцию «самоосвящения» (“Selbstheiligung”), к которому прибегали отдельные представители аристократии, стоявшие у истоков создания данных обителей. В соответствии с концепцией, миссионеры и знатные персоны часто утверждали свою независимость от епископов и белого духовенства, объявляя себя «святыми» без санкции со стороны официальной церковной власти¹⁵. Построения Принца подверглись критике рядом авторитетных ученых; исследователи утверждали, что основатели монастырей, которых их потомки чтили как святых, всегда были частью церковной иерархии и никогда не претендовали на то, чтобы составлять ей альтернативу¹⁶. Проблема соотношения между положением епископов и аббатов поднималась в историографии Раннего Средневековья, и ученые подметили важный момент — часто нельзя с достаточной точностью отметить, были ли основатели монастырей только епископами или аббатами, или объединяли сразу несколько функций¹⁷. Кроме того, взаимоотношение между еписко-

пами и знатью составило центральную проблему, нуждающуюся в дальнейших исследованиях¹⁸. Именно для ответа на поставленные вопросы в следующей главе будут рассмотрены жития VII в.

§ 2. Агиографические сочинения начала VII в. и влияние «ирландского монашества» на распространение монастырей в Европе

«Житие Колумбана» и другие агиографические памятники, описывающие события первой четверти VII в., ставят вопросы о ходе распространении монашества, об особых формах, которые оно принимало, о его значимости для создания новых социальных и политических структур, и влиянии на практику власти и образы правителей. Появление трудов, выдержанных в русле житийной литературы, в период, слабо освещенный по материалам нарративных источников (хроник и историй), привело к тому, что именно агиографические своды положены во главу угла для многих современных исследователей, и, возможно, явились причиной искажения исторической перспективы, лишенной альтернативного взгляда на основании других источников. «Житие Колубана», написанное Ионой из Боббио, подчеркивало, что церковь во Франкском королевстве пришла в упадок, и только этот миссионер из Ирландии и его последователи смогли переломить ситуацию к лучшему¹⁹. Данное сочинение описывает распространение монашества в особом — ирландском — варианте по территории Франкского королевства и землям к востоку и юго-востоку от Рейна. Оно дало возможность Ф. Принцу создать картину исключительной

роли ирландского монашества в распространении аскетического образа жизни в континентальной Европе. Считается, что именно ирландские формы монашеской организации, более мягкие и открытые внешнему миру, чем правила Бенедикта Нурсийского, привели к массовому распространению монастырей по всей Европе в период VI—начала IX в., организованных на основании т.н. «смешанного устава Бенедикта-Колумбана». В соответствии с указанной точкой зрения, ирландские монахи из когорты Колумбана способствовали учреждению около сотни монастырей в Галлии, Австразии, вдоль Рейна, а также в Эльзасе и Аламании²⁰.

Впрочем, данный тезис был оспорен в большом количестве исследований, среди которых наиболее систематическим является, в частности, монография российского медиевиста Н.Ф. Ускова. Ученому удалось показать, что ирландское влияние не может считаться единственной причиной распространения монастырей. Среди основанных в это время обителей к результатам деятельности Колумбана и его учеников относится лишь небольшое число, что свидетельствует о надуманности тезиса Ф. Принца²¹. Изучение источников конца VI—начала VII в. не позволяет говорить о приходе на континент Колумбана и его соратников из Ирландии как о причине широкого распространения монашества в Галлии. Возможно, значительное внимание, обращенное именно на ирландское монашество, было результатом доминирования в этот период житий, написанных авторами из круга ирландского миссионера. Следует отметить, что жития Колумбана и других монахов из его когорты были не просто агиографическими сочинениями, тексты выступали в качестве инструмента, с помощью которого подчеркивалось

значение ирландского монашества. Иными словами — перед нами примеры репрезентации, призванные заявить о своей роли в церковных делах Галлии VII в. Поэтому исследование представлений о власти, обнаруживаемых в житиях VII в., следует проводить, на наш взгляд, без жесткой привязки к широкому развитию монашества и монастырей.

Несмотря на большое количество важных выводов работы Н.Ф. Ускова, основным достаточно уязвимым аспектом его изыскания стало чрезмерное внимание к полемике с точкой зрения Ф. Принца, и недостаточное — к тому, какие последствия для нашего понимания раннесредневекового периода истории будет иметь развенчание тезиса об «ирландском монашестве». Ведь если представление о главенстве ирландских монахов в распространении монастырей развеивается, то непонятно, что делать с другим тезисом Ф. Принца о связи между ирландскими клириками, франкскими королями и их служителями на местах, и локальной знатью. Ирландские “peregrini” занимали в концепции немецкого исследователя важное место: они были группой людей, служившей посредниками между королевской властью и местной знатью, которая начала строить «частные монастыри»²². Снимая вопрос о влиянии ирландских монахов на развитие монастырей, следует обратиться к вопросу о том, какое влияние появление последних оказало на организацию власти и на представления о ней. Кроме того, возникает вопрос — почему же на самом деле могло создаться впечатление о центральной роли ирландских “peregrini” для развития монашества в континентальной Европе, и было ли оно только ошибкой немецкого исследователя, или же объяснялось специфической точкой зрения, выраженной в источниках?

Рост значимости монастырей — ключевой момент для понимания равновесия сил между правителями, аристократами и представителями церковной иерархии, которое лежало в основе политики меровингской Галлии. Распространение монашества в этот период привело к тому, что с VIII в. обители оказались более значимыми по сравнению с предыдущими периодами: они стали не только центрами религиозной жизни, но и «точками притяжения», вокруг которых группировалась местная элита. Монастыри выступили в качестве опоры представителей короля и епископов в сельской округе²³. Подобное положение — новое явление для Франкского королевства. Ведь в VI в. церковная организация большей частью состояла из городских общин верующих, возглавляемых епископами. Данные общины объединяли городские сословия, обладавшие привилегиями в Римской империи, а также людей, принадлежавших к обеспеченным слоям разного рода²⁴.

Очевидно, монастыри были общинами совершенно другого рода, как правило, находились в сельской местности или в пригородах. Отсюда резонно предположить, что вокруг них выстраивались совершенно другие социальные связи, нежели в городе. Жития Эдуэна Руанского и Элигия Нойонского, двух епископов, подвизавшихся в VII в., показывают — когда прелатам приходилось вести дела за пределами городов, им нужно было заново завоевывать авторитет у представителей местной знати, которые скептически относились к претензиям клириков, выступавших лидерами городских общин верующих²⁵. В сельской местности иерархи меньше страдали от непредсказуемости предпочтений городского населения, ведь жители часто оказывали самое непосредственное влияние на выборы епископов. А мо-

настыри, находившиеся в удалении от городов, были более независимы от них. Поэтому обители в сельской местности могли иметь двоякое значение: некоторые из них становились альтернативой власти епископов в результате действий местной знати, а некоторые претендовали на роль форпоста епископов в сельской окраине.

Как показали исследования, рост значимости монастырей нельзя объяснить, если пользоваться теми представлениями об иноческой жизни и святых обителях, которые были характерны для некоторых ученых в XX в. В частности, ситуация не прояснится, если рассматривать монастыри не в том особом европейском контексте, что сложился к VII в., а оценивать обители исключительно как общины аскетов. Иными словами, следовать по тупиковому пути многих историков, изучавших развитие Христианства и пользовавшихся для объяснения развития монашества примерами из восточного Средиземноморья²⁶. Внезапный интерес к уходу от мира в пустынь — а именно так понималось обращение в монашество учеными, занимавшимися ранним христианством, — был странен для раннесредневековой Европы, уровень экономического и городского развития которой весьма отставал от урбанизированного Средиземноморья. Более позднее распространение монашества в западном Средиземноморье, как считают медиевисты, связано с затянувшейся христианизацией региона²⁷. Поэтому Ф. Принцу и понадобилось ввести в картину развития монашества фактор «ирландского влияния», способный объяснить, почему в позднемеровингский период обители «вдруг» начали учреждаться в массовом порядке. Отход от концепции Ф. Принца и доказательство незначительности ирландского влияния (которые можно найти в моно-

графии Н.Ф. Ускова) ставят вопрос о причинах развития монастырей в позднемервингской период.

Для понимания механизмов распространения монашества в Раннем Средневековье и уяснения его влияния на изменения в представлениях о власти следует сделать небольшой экскурс в Позднюю Античность. Историю аскетизма традиционно начинают с Египта, где за пределами оазисов Нила с начала IV в. стали возникать отдельные общины монахов (буквально, «одинок»), ушедших от мира и живших по своим законам. Уже через столетие слава о египетских монахах распространилась по всей Римской империи²⁸. Традиционно считается, что св. Антоний был первым монахом-анахоретом, св. Пахомий, вслед за ним, способствовал развитию жизни в монашеских общинах. Однако эта упрощенная история возникновения монашества не подтверждается источниками. Считалось, что ценности иноческого образа жизни вытекают из существа самой христианской религии, и поэтому распространение монашества было естественным для Поздней Античности процессом. Однако есть исследователи, которые отмечают важный момент: когда люди из богатых и знатных слоев общества вступали в монашеские общины, то привносили в них свои представления о том, как должны быть организованы христиане, т.е. комплекс идей, больше связанный с городской культурой, чем идеалами иноческого бытия в его египетском варианте²⁹.

По этой причине суть монашества претерпела изменения в процессе его «разрастания» по всему Средиземноморью. Ярким примером является Галлия, где хаотическое и нерегулируемое распространение общин, исповедующих аскезу, начавшееся при поддержке св. Мартина в IV в., постепенно сменилось кардинально

иной ситуацией. В V в. идеальным образом монастыря стала загородная вилла богатого землевладельца, на которой собирались представители образованных аристократических слоев для истолкования христианских доктрин³⁰. Происходившее в Галлии — пример более общих тенденций. Так, в VI в. Кассиодор, потомок влиятельного сенаторского рода, создал Виварий — небольшую монашескую общину, главная цель ее членов заключалась в копировании античных текстов, которые основатель посчитал возможным сохранить для христианского употребления. Подобным образом в Поздней Античности в Западном Средиземноморье сложился образ монастыря, оказавший значительное влияние на последующее развитие данной формы организации церковной жизни в регионе. Указанный образ подразумевал, что монастырь был поселением вне города, значительную часть которого составляли образованные люди из средних и высших слоев общества. Основную часть их времени занимало служение Богу, предполагавшее, среди прочего, не только умерщвление плоти, но и другие занятия. В частности, благим делом, полезным для монаха, считалось переписывание рукописей христианских и языческих авторов³¹. Поэтому в Поздней Античности и в Раннем Средневековье монастыри прекратили быть просто общинами аскетов и превратились в важный элемент социальной организации, они стали точками взаимодействия между городами и сельской местностью, между правителями, знатью и образованными жителями городов. В силу постепенного ослабления власти в Западно-Римской империи монашество в ней осталось конгломератом разнородных общин, и оно никогда не превратилось в монолитную среду, как это произошло в Восточно-Римской империи³². Развитие

монашества в раннесредневековой Европе не было простым распространением аскетического образа жизни, а, скорее, процессом, в результате которого обращение в монашество все большего числа людей приводило к изменению форм существования общин³³.

«Житие Колумбана» сообщает: сразу по прибытию в Галлию этот благочестивый монах из Ирландии отправился ко двору короля Австразии Сигиберта, связав свою пастырскую деятельность с государевой курией. Примечательно, однако, что под влиянием Колумбана многие представители франкской знати стали вступать в монастыри³⁴. Пристрастное прочтение текста жития привело Ф. Принца к выводу, будто королевская власть оказывала значительную поддержку распространению монашеского образа жизни в соответствии со смешанным уставом Бенедикта-Колумбана³⁵. В частности, ученый считал, что раз Колумбан появился при дворе короля Сигиберта, то и его монашеская община находилась при курии. Принц истолковывал данный фрагмент текста как доказательство заинтересованности короля Австразии и его свиты в утверждении монастырей, организованных в соответствии с ирландским уставом, и в итоге заключил — их распространение получило одобрение со стороны этого и других меровингских правителей³⁶. Однако подобные толкования кардинальным образом меняют картину развития Франкского королевства при Меровингах и не дают возможности понять, почему же она в какой-то момент уступила место другой династии — Каролингской.

При тщательном анализе «Житие Колумбана» и другие агиографические памятники, повествующие о распространении ирландского варианта монашества,

свидетельствуют о главном — представление о том, что приход Колумбана и его учеников привел к перераспределению баланса сил между правителями, светской знатью, епископами и аббатами является, во многом, результатом пристрастного прочтения данных сочинений Ф. Принцем. Ведь на самом деле его автор весьма уклончиво высказался об организации монашеской общины Колумбана, иными словами — была ли она монастырем в истинном смысле этого слова, и где именно жил прославленный ирландский монах? Ведь словосочетание “*ibi residens vir egregius*” может относиться не только к королевскому двору. В конце фразы автор жития подчеркивает, что к Колумбану стекался «народ», употребляя термин “*plebs*”, а не “*proceres*” или сходные лексемы. Это слово не позволяет истолковывать фразу как доказательство крепкого союза между королевской властью, аристократией и ирландскими монахами. Сообщения жития Колумбана нужно рассматривать в качестве распространенного в раннесредневековых агиографических памятниках топоса, к которому их авторы прибегали, дабы показать популярность святого, коего они описывали. И в данном случае, видимо, составитель «Жития Колумбана» стремился подчеркнуть: новые монашеские общины вынуждены были опираться на поддержку как королей, так и франкского населения в целом (хотя, вероятно, под понятием “*plebs*” все же подразумевались мелкие местные землевладельцы, а вовсе не простые крестьяне). Поэтому следует признать, что для автора жития поддержка короля и аристократии была не единственным фактором развития монашества.

На основании исследования «Жития Колумбана» можно выдвинуть гипотезу, которую еще только предстоит доказать с опорой на тексты других агиографиче-

ских произведений. В труде Н.Ф. Ускова показано, что монастыри стали развиваться во Франкском королевстве по ряду внутренних причин, а не в силу внешнего влияния³⁷. Несмотря на попытки монахов из круга Колумбана представить дело таким образом, что к началу VII в. монастыри стали неотъемлемым элементом структуры власти, ситуация выглядела несколько иначе. Жития святых и епископов — учеников Колумбана — описывали, как монастыри стали чем-то вроде центров притяжения разных слоев населения, но при молчаливом согласии со стороны правителей различного ранга. В этих сочинениях авторские стратегии создавали такой образ власти, в рамках которого короли не препятствовали распространению монашеских общин, возникавших в результате инициатив правителей и представителей знатных семей. В подобном взгляде на утверждение монашества можно увидеть те идеи, касающиеся взаимоотношений власти и церкви, которые хотели создать авторы житий. Агиографические памятники, написанные учениками Колумбана, стремились подчеркнуть масштаб преобразований, инициированных им в области иноческой жизни и в обществе в целом. Впрочем, как мы знаем из исследований других источников, предпринятых разными учеными, на самом деле их влияние на организацию и практику власти было незначительным. Хотя монахи из общин, учрежденных по уставу Колумбана, работали на полях, не покладая рук, в период распространения монашества (т.е. в первой половине VII в.) монастыри еще не сложились как центры политической и экономической власти, как это произошло в более поздний, каролингский период. В большинстве случаев перед нами — небольшие общины монахов, статус которых

еще только предстоит выяснить на основании дальнейшего исследования. В соответствии с житиями, составленными в начале VII в., равно как и в предыдущий период, описанный Григорием Турским, суть практики власти состояла в поддержании равновесия сил между королевской властью, аристократией и епископами (часть из них — выходцы знатных семей). Монастыри стали центрами взаимодействия между различными группами обладавших властью людей, и в этот момент они не дали королям преимущества в области использования ресурсов, которые предоставляли организованные и сплоченные монашеские общины Каролингам. Жития Колумбана и его соратников стремились подчеркнуть, что появление их монастырей стало фактором, кардинально изменившим потестарный ландшафт в королевстве франков, однако данная картина, увы, — скорее желаемое, чем действительное.

§ 3. Эдуэн Руанский и Элигий Нойонский: Епископы, монастыри и королевский двор

Среди агиографических сочинений, из которых мы можем почерпнуть сведения о взаимоотношениях королей, епископов и монастырей в Нейстрии, можно отметить «Житие св. Балтхильды», жития Эдуэна Руанского и Элигия Нойонского, а также несколько других памятников. Информация, извлеченная из них, как кажется, способна служить примером представлений о королевской власти. Самым ранним, т.е. практически современным этим событиям можно считать «Житие св. Балтхильды». Данное сочинение посвящено вдове короля Хлодвига II, сосредоточившей в руках браз-

ды правления в качестве регента при своем малолетнем сыне Хлотаре III с 657 по 663/4 г., т.е. после смерти мужа³⁸. Житие повествует об основании Балтхильдой монастырей и рисует картину, которую многие ученые интерпретировали как начало постоянной и многоплановой поддержки королевской династией иноческих обителей³⁹. Она, в частности, основала обитель Шель (“Chelles”), именно в нем и проводила время после потери власти при дворе⁴⁰. Деятельность Балтхильды не сводилась только к учреждению монастырей, много сил и внимания государыня уделяла их постоянной материальной поддержке (в том числе, посредством дарения земель из королевского фиска)⁴¹.

Взаимоотношения королевской власти и знати (не только в плане контактов с монастырями) служили предметом многих исследований историков Средневековья. В XIX—первой половине XX в. сложилась традиция их рассмотрения как изначально основанных на соперничестве⁴². Но, если не искать в отношениях знати и королей постоянной вражды и рассматривать их как неуклонный поиск компромисса и согласия, то данные контакты и роль монашеских общин в них в середине VII в. логично охарактеризовать следующим образом. Исследования показали, что нет смысла проводить различия между «королевскими» и «аристократическими» монастырями, т.к. в реальности дело было вовсе не в том, кто основал монастырь и имел право осуществлять над ним контроль. Если монастырь основал не король, а знатный человек, то правитель не стремился любым способом поставить обитель под свой прямой контроль. Ему хватало того, что во главе был человек, многими узлами связанный с государевой курией⁴³. Данное поло-

жение проясняется благодаря анализу грамот и иных документов, однако интересно посмотреть, какую картину рисуют агиографические сочинения, обращаясь к указанному периоду.

Для понимания особенностей взаимоотношения между королевской династией, придворными, епископами и монашескими общинами сперва рассмотрим случай Ниварда Реймского.

История его семьи дает возможность понять, как короли опирались на отдаленных родственников, которые в то же время занимали важные позиции в церковной иерархии. Этот епископ в течение долгого времени был частью ближнего круга короля (“*aula regis*”), одновременно являясь родственником по женской линии (“*cognatus*”) короля Хильдериха II, второго сына Хлодвига II⁴⁴. Его брат — знатный человек (“*vir illuster, regis optimatus*”) Гундеберт, имя которого можно найти среди подписавших грамоту дарения в пользу монастыря Сен-Дени⁴⁵. Пример Ниварда показывает, что в середине VII в. многие обладавшие властью люди стали все больше уделять внимания основанию монастырей. В 662 г. Берхарий, о котором мы мало что знаем, попросил Ниварда позволить ему основать монастырь в местечке Отвийе (“*Hautvilliers*”) на землях, принадлежащих епископу⁴⁶. Монастырь построили, и значение обители хорошо подтверждает ее дальнейшая история, потому что в пожилом возрасте Нивард удалился от дел именно туда⁴⁷. Таким образом, ясно, что знатные люди, родственники Меровингов, занимавшие важное положение в светской и церковной иерархии Меровингских королевств, во второй половине VII в. стали основывать монастыри, которые были не просто обителями

для людей, заинтересованных в аскетическом образе жизни, но и «нервными центрами» власти.

Не все жития говорят об основании монастырей, но одно особенно важно для понимания представлений о власти, характерных для авторов этих сочинений. «Страсти Леодегара», епископа г. Отен, повествуют о драматических событиях жизни прелата, подвизавшегося в третьей четверти VII в. Он оказался вовлечен в события 673—675 гг.: отдельные магнаты попытались сместить короля Нейстрии Теодериха и майордома Эброина, поставив вместо него государя Австразии Хильдериха, поддержкой которому был бы Леодегар и его брат Варин, граф королевского дворца. В «Страстях», кроме описываемых событий, рассказывается о росте значимости этого прелата и о недовольстве, вызванном указанным процессом со стороны городского патрициата и светских магнатов Бургундии, а также майордома Нейстрии Эброина⁴⁸.

Однако не только данными пассажами интересно жизнеописание. Оно позволяет реконструировать представления о королевской власти, характерные для авторов сочинений подобного рода в VII в., а также понять, как подобные идеи менялись с течением времени, когда меровингская Галлия постепенно трансформировалась в Галлию каролингскую. Данное жизнеописание сохранилось в трех версиях (названных издателем Б. Крушем, соответственно, А, В, С), и по крайней мере одна из них (А) была составлена сразу после описываемых события и содержала взгляд, отражающий реалии третьей четверти VII в. Другие же версии относятся к середине VIII и к IX в.⁴⁹ Позиция автора, создавшего «Житие» в третьей четверти VII в., зафиксировала следы противоречий между Леодегаром и поддерживав-

шей его знатью, и другой группой светских магнатов, опиравшихся на майордома Эброина⁵⁰. При описании событий после смерти короля Хильдериха в 673 г. автор показывает, что для светской аристократии, обладавшей претензиями на власть, контроль над королевским двором Нейстрии был крайне важен, а потому в их действиях нельзя найти ни малейшей частицы регионального сепаратизма, приписываемого отдельными исследователями⁵¹. Однако последующие редакции (В, С) сгладили драматизм этих событий и сделали упор на чудеса, происходивших после смерти Леодегара⁵². Политическая ангажированность автора жития, который еще мог лично знать епископа Леодегара, и его интерес к тому, во что оказался вовлечен иерарх, говорит о следующем: в VII в. между историями и агиографическими сочинениями еще не существовало жесткой границы, появившейся позднее. Данное наблюдение позволяет подметить интересную тенденцию в агиографических сочинениях: с ходом времени и с распространением реформ церкви и монашеской жизни, предпринятыми в правление Пипина III и Карла Великого, их авторов все меньше интересовала вовлеченность героя в политические события, в то время как его чудодейственные способности выходили на первый план. Необходимо помнить о данной особенности, когда будем исследовать жития, в которых вопрос об опоре королей и епископов на монастыри поднимается уже более детально, т.к. многие из них сохранились в поздних редакциях.

Двумя важнейшими агиографическими источниками по истории Нейстрии VII в. являются жития Эдуэна, епископа Руана, и Элигия, епископа Нойона⁵³. Данные тексты сообщают нам о политических событиях и показывают осведомленность их авторов в делах

королевского двора⁵⁴. Поэтому их можно исследовать не только как агиографические сочинения, но и как тексты, которые отражают взгляд и позицию образованных монахов или священников в отношении власти. Иначе говоря, они содержат не только топосы, характерные для житий, но и позицию своих авторов. Интересным примером того, насколько сложными представляли взаимоотношения между королями, местной знатью и церковью для образованных монахов и священников, предпринимавших написание агиографических сочинений, является жизнь и житие Дадона из Мо. Он родился в правление короля Хлотаря II (584—629) в окрестностях Суассона⁵⁵. Отец будущего епископа Хагнерих в 612/613 г. состоял при австразийском короле Теодеберте II, а потом был референдарием Дагоберта I. Вскоре его семья переехала в свое владение “Vulciacum” (совр. “Ussy”) на Марне, рядом с г. Мо. Этот город находился чуть ближе к Парижу, чем Суассон, что может говорить об амбициях семьи, хотя в отсутствие других данных сложно сделать окончательное заключение. Владения семьи хорошо исследованы, и ученые показали, что они были скромными и разбросанными по сравнению с теми средневековыми поместьями, которые мы привыкли ассоциировать с владениями аристократии или монастырей⁵⁶. Однако владения многих знатных семей и даже королей в Раннем Средневековье были небольшими и рассредоточенными по разным областям⁵⁷. Поэтому можно предположить — мы имеем дело с весьма заинтересованной в расширении сферы своего влияния группой представителей местной знати, связанной семейными узами.

Иногда исследователи рассматривали Дадона как пример распространения ирландского монашества и,

одновременно, — доказательство тесной связи между формой организации аскетизма и светскими властителями Франкского королевства. «Житие Колумбана» сообщает, как этот ирландский миссионер навестил Дадона во владениях его семьи. Данный факт, по мнению автора памятника, мог служить доказательством принадлежности Дадона к ирландской монашеской традиции⁵⁸. А поскольку из жития самого Дадона следует, что он приложил много усилий для основания монастырей в своем диоцезе, некоторые исследователи предполагали, будто он представлял ирландскую традицию в монашестве⁵⁹. Но в отношении жития св. Эдуэна нужно ставить другие вопросы. Нет смысла заново изучать, соответствуют ли утверждения этого текста о влиянии ирландского монашества на распространение монастырей истине. Источникам стоит задать вопрос — как строилось взаимодействие между Меровингской династией и влиятельными, богатыми семьями королевства?

Из документов и других источников мы можем определить, что Дадон — св. Эдуэн имел важное место при дворе, т.к. был референдарием Дагоберта I. Другое житие (св. Колумбана) намекает — Дадон занял положение правой руки при королях и майордомах Нейстрии в регионе между Парижем и Северным морем. Из жития следует, что свое место он сохранял и при Хлодвиге II, сыне Дагоберта I⁶⁰. Возможно, он представлял интересы знатных семей г. Мо при королевском дворе⁶¹. Одновременно, его брат Адон оставил службу при королевском дворе и основал монастырь Жуар (“Jouarre”). Третий брат Дадона, Радон, был казначеем Дагоберта I, а после этого учредил монастырь Рей (“Reuill”)⁶². Поздние документы сообщают — три брата основали монастырь Ребе-ан-Бри

(“Rebaix-en-Brie”), находившийся сравнительно недалеко от их родового гнезда⁶³. Но следует отметить: об этом мы узнаем только из других источников, а не из жития св. Эдоэна, которое говорит об основании обителей как о показателе и следствии благочестия епископа. Стратегия автора жития состояла в замалчивании любопытного факта — епископ Руана продолжал традицию своей семьи.

Казалось бы, история братьев, которую рассказывает житие св. Эдуэна, является примером того, как особое доверие королей Нейстрии давало возможность знатым семьям занять важное положение не только в светской, но и в духовной иерархии. В частности, ученые середины XX в. утверждали, что епископ опирался на королей, дабы компенсировать свое шаткое положение среди светской аристократии Нойона⁶⁴. Однако это нельзя увидеть, если рассматривать только его житие. Если вчитаться повнимательнее в его жизнеописание, а также рассмотреть документы, относящиеся к семье св. Эдуэна, то видно, — данное положение вряд ли можно считать бесспорным. Грамоты показывают: покровительство королей не было единственным фактором, на который знать опиралась при продвижении собственных интересов. Многие зависело и от других представителей церковной иерархии или светской знати. В 629 г. отец братьев Хагнерих основал монастырь св. Креста под стенами г. Мо, который затем стал носить его имя⁶⁵. Епископ г. Мо Бургундофарон (в диоцезе которого находились владения семьи Дадона) даровал его родственникам право на основание монастыря и иммунитет против вмешательства епископа в его дела⁶⁶. Это дарение следует расценивать не как признак слабости епископа, который вынужден был согласиться с

основанием влиятельной семьей независимого от него монастыря. Понимание смысла раннесредневековых дарений и иммунитетов дает возможность увидеть совершенно иную картину. Ведь в мире, где документы на право владения могли значить очень мало, дарение было не показателем слабости, а, наоборот, признанием силы. Подарив права на основание монастыря отцу и братьям св. Эдоэна, Бургундофарон показал — от него много что зависело в диоцезе г. Мо. Его иммунитет монастырю оговаривал право епископа на утверждение аббата, а это была очень серьезная прерогатива.

Рост значимости св. Эдоэна в церковной и светской иерархии после того, как он стал епископом Руана, можно увидеть в дарениях, которые подписал в его пользу майордом Эрхиноальд⁶⁷. Последний передал ему права на ряд земель и поселений в окрестностях этого города. Но тогда возникает вопрос о том, насколько автор «Жития св. Эдоэна» был готов признать покровительство, которое оказывали герою его сочинения при дворе королей Нейстрии. Ведь из других источников мы знаем, что основание монастырей было делом не только епископов, но и придворных короля, к которым относился и Эрхиноальд.

Если верить житию св. Фурсея, то оказывается, что последний приложил руку к основанию монастырей в первой половине VII в. Он способствовал основанию монастыря Ланьи около Парижа (“Lagny-sur-Paris”). Житие также утверждает — сам король Хлодвиг II участвовал в создании этой обители. В указанном тексте написано также, что после смерти Фурсея Эрхиноальд построил базилику его имени в Нойоне, в монастыре Перонна (“Peronna”)⁶⁸. Житие Элигия Нойонского сообщает — Эрхиноальд принимал участие в основа-

нии монастыря св. Вандрегизеля, оказываясь связан дружбой с св. Эдоэном, что нельзя почерпнуть из жития самого святого⁶⁹. Не все сообщения об активном участии Эрхиноальда в основании монастырей бесспорны. В особенности стоит отметить, что непонятна связь св. Фурсея, Эрхиноальда и монастыря Ланьи. Много вопросов вызывает факт постройки базилики, посвященной св. Фурсею, в северной Нейстрии, т.е. в значительном отдалении от монастыря Ланьи, находящегося под Парижем. Данный пример показывает, что не для всех авторов житий важно показать, насколько короли и их чиновники были заинтересованы в той системе связей, которая возникла вокруг монашеских общин, поддерживаемых епископами. Можно ли считать поэтому, что положение св. Эдоэна в иерархии власти было таким же, как и положение его коллеги св. Элигия Нойонского или св. Фурсея? Издатели этого жития подчеркивали, что автор сказал крайне мало о деталях его жизни, подчеркнув только его святость⁷⁰. Большую часть занимает не рассказ о деяниях епископа, а о его смерти и похоронах. Более того, для автора жития св. Эдоэна его герой основывал монастыри вне всякой связи с попытками королей и их придворных взять этот процесс под свой контроль. Независимость епископа от королевской власти была более значима для автора, чем подчеркивание дружбы между св. Эдоэном, королями и их придворными, свидетельства о которой мы находим в других житиях.

Более того, в житии нельзя найти никаких свидетельств о том, как изменилось положение св. Эдуэна после смерти майордома Эрхиноальда, одного из его влиятельных «друзей». Однако из изучения грамот мы знаем, что системы альянсов, которые складывались

при взаимодействии властителей, светской и церковной аристократии, могли значительно меняться при смене власти. Когда после смерти Хлодвига II в 656 г. майордомом сначала стал Эброин, а затем Варатто, св. Эдоэн должен был поделиться правами управления над несколькими важными поселениями в своем диоцезе с аббатом Сен-Дени⁷¹. Можно предположить, что большую роль в перераспределении собственности мог сыграть майордом Варатто. Ведь он, уроженец севера Нейстрии, был способен лучше представлять интересы знатных людей Руэна, чем епископ, чьи семейные связи ограничивались окрестностями г. Мо⁷². Однако и это событие не заинтересовало автора жития.

Примеры показывают, что традиционные представления о королевской власти не дают возможности понять всю сложность эволюции взаимоотношений государей и значимых людей. В особенности сложно учесть авторскую позицию авторов житий, современных событиям VII в., или писавших через столетие (или даже больше) после излагаемых фактов, которые могли подчеркнуть обособленность епископа от короны, или сделать упор на его приближенность ко двору. «Житие Колумбана» пыталось создать впечатление широкого распространения ирландского монашества по Галлии и его тесной связи с интересами королевской власти во второй четверти VII в. Точно также авторы некоторых агиографических сочинений о меровингских епископах (в особенности поздних, написанных в каролингскую эпоху) считали, что основание монастырей было, прежде всего, прерогативой епископов, а не королей, их приближенных, или отдельных знатных семей. Однако основание монастырей Эрхиноальдом и Нивардом из

Реймса, о которых мы знаем из грамот, рисует картину, отличающуюся от созданной житием Эдоэна. При ближайшем рассмотрении оказывается, что сообщения ключевых текстов, относящихся к этому периоду, описывают картину этого периода по-разному.

Идея особой взаимосвязи между королевской династией и монастырями как опорой ее власти присутствует в житии Балтхильды, однако в других агиографических произведениях, как современных ему, так и написанных много позже, нельзя заметить то, что она стала общепринятой. Меровингские “vite” не позаимствовали из «Жития Колумбана» всех тех представлений, которые были характерны для ирландских монахов в отношении власти⁷³. Описание деятельности св. Эдоэна и св. Элигия в агиографических текстах свидетельствует о следующем: все же нет веских оснований говорить о наличии представлений об особой связи между монастырями и королевской династией в VII—VIII вв.⁷⁴ Идеи необходимости обладания связями с королевским двором для основания монастырей не дают возможности понять всю сложность взаимоотношений властителей и значимых людей различного рода. Монастыри — те особые центры, где в течение позднего периода правления династии Меровингов короли и епископы должны были взаимодействовать, если хотели опираться на монашеские общины. Несмотря на то, что в это время монастыри стали постепенно распространяться, для авторов житий (в особенности для тех, которые писали через столетие после событий) их появление не изменило политический баланс, а равно и ресурсы, имевшиеся у королей и их двора. В VII в. монастыри отразили политический расклад, сложившийся в это время в Нейстрии, а именно, — систему, в рам-

ках которой основой политики в королевстве франков было взаимодействие между правителями, знатью и епископами для поиска согласия, необходимого для использования ресурсов обителей.

Это позволяет заново посмотреть на то, насколько значимым был авторитет церкви для светской власти в соответствии со взглядами авторов агиографических сочинений в период между серединой VII и серединой VIII в. Для автора первой редакции жития св. Леодегара Отэнского (третья четверть VII в.) важно подчеркнуть вовлеченность прелата в политическую борьбу и его особую роль при дворе. Но как редактор более поздней версии этого памятника, так и автор жития св. Эдуэна, которое было написано через сто лет после излагаемых событий, в конце VIII или начале IX в., уже мало интересовались вовлеченностью епископов в процесс управления. Автор жития св. Эдуэна не стремился представить дело так, что поддержка франкских правителей Галлии оказывалась важнейшим фактором, позволявшим епископу завоевать авторитет в своем диоцезе при основании монастырей. Наоборот, в задачу автора входило показать, что смерть св. епископа Эдуэна явилась важнейшим событием для короля Теодериха III (673—690) и его окружения, и он рисует в деталях, с какой скорбью правитель и его двор приняли участие в последних церемониях⁷⁵. Сообщения жития транслируют иной взгляд на события биографии св. Эдуэна по сравнению с тем, который обнаруживается у авторов жизнеописаний других святых, или же по сравнению с ситуацией, возникающей после изучения грамот. На примере двух этих текстов логично утверждать — в VII в. образованный клир считал, что епископы могли на равных с королями определять политику Франкского

государства, и только открытое насилие со стороны королей могло ограничить власть прелатов. Короли и епископы, согласно представлениям клира, должны были договариваться и находить взаимоприемлемые способы использования ресурсов обитателей, которые к этому моменту стали постепенно менять светский и церковный пейзаж мервингской Галлии. Но этот взгляд, скорее всего, являлся пристрастным и был своего рода пропагандой, т.к. картина, рисуемая жителями, во многом противоречит той, что возникает в грамотах.

§ 4. Монастыри и королевская власть: версия “Gesta Dagoberti regis”

История Сен-Дени является одним из важнейших сюжетов в средневековой истории Франции⁷⁶. В Высоком Средневековье этот монастырь стал символом единства Франции и преемственности монархии и ее королей из династий Капетингов и Валуа. Сен-Дени был усыпальницей французских королей, и в нем хранились символы монархии — “Oriflamme”, боевой стяг французских королей. Именно в этом аббатстве монахи поддерживали память о королях Франции традицией историописания. История Сен-Дени служила символом преемственности истории Франции и французской монархии в период Средневековья, и обращение к ней — не просто дань прошлому. Ведь представления об ушедших эпохах являются частью мировоззрения в любой культуре, и они не в последнюю очередь ответственны за формирование в рамках этой традиции знаков и символов, используемых в процессах общественной коммуникации. Поэтому

вопрос об истории Сен-Дени — это вопрос о том, как исторический контекст Средневековья влиял на возникновение характерных для данного периода исторических представлений. Дискуссии об основных событиях в истории монастыря в Раннем Средневековье были способом осмыслить историю Франкского королевства (а затем и Франции), и поэтому представления о прошлом монастыря явились инструментом передачи отношения к королям и к их взаимоотношениям с церковью. Это выразилось в жарких спорах, в рамках которых оспаривание отдельных аспектов истории Сен-Дени или защита их подлинности стали способом выразить свое мнение по поводу современных для участников дискуссий событий. Ниже мы попытаемся показать, что реальные события из прошлого монастыря были для образованных людей Средневековья равнозначны с его легендарными, мифологическими аспектами; они значимы как устная традиция, служившая основой многих претензий обители на прилежащие земли. Именно поэтому обращение к истории Сен-Дени современных ученых является не просто обычным исследованием политической или социальной истории, а изучением проблем культурной истории. Пример Сен-Дени дает возможность поднять тему «исторической памяти» в Средневековье, тему, которая стала ключевой для многих медиевистов⁷⁷. Ее исследование дает возможность понять, как в Средние века складывалась практика обращения к истории и создания исторических дискурсов в ответ на злободневные запросы времени⁷⁸.

Традиционно среди легенд об истории Сен-Дени можно выделить свидетельства о его основании св. Дионисием Ареопагитом и о событиях VI в. Но не менее

интересен и период VII—VIII вв., время ослабления династии Меровингов и ее постепенной смены династией Каролингов. Именно после краткого исчезновения из источников в указанный хронологический отрезок монастырь возникает в правление Карла Великого и Людовика Благочестивого как обитель, тесно связанная с королями и претендующая на особый статус. Именно этот период крайне важен для понимания принципов взаимодействия представителей церковной и светской иерархии, а также между королевской властью, епископами и монастырями. Отчасти в силу своего исключительного положения в Высоком Средневековье и историографической традиции Нового времени Сен-Дени стал тем примером, который исследователи всегда использовали в качестве ключевого, когда писали о принципах взаимодействия светской и церковной власти в отношении монашеских общин⁷⁹. Но став важнейшей опорой королей Франции в Высоком Средневековье, монастырь дал возможность исследователям поднять вопрос об истоках данного процесса и заставил их искать корни особых взаимоотношений между правителями и монахами в ранний период, когда создавали практики как власти, так и монашества. Это является более сложной задачей, чем кажется, т.к. история монастыря в Раннем Средневековье обросла легендами и ложными представлениями. Ведь сакрализация Сен-Дени как символа власти королей над Францией началась в Средние века, и как будет показано, практика мифологизации прошлого истории обители тоже уходит корнями в то время, когда франкские государи из династии Каролингов — в особенности Пепин III и Карл Великий — стремились распространить свое влияние по всей Европе. Особое положение Сен-Дени создало про-

блемы в понимании его места в истории Франкского королевства во время династии Меровингов и в начале правления династии Каролингов. В частности, вопрос о том, когда именно Сен-Дени стал «королевским монастырем», т.е. аббатством, получавшим предпочтение со стороны королевской династии, до сих пор является одним из важнейших в историографии⁸⁰.

Источники по ранней истории Сен-Дени состоят из хроник, грамот, а также агиографических произведений и жизнеописаний правителей (как, например, «Деяния короля Дагоберта»). Среди источников можно отметить «Историю» Григория Турского, четвертую главы «Хроники» Продолжателя Фредегара, «Историю франков» неизвестного автора (которую медиевисты знают под названием “*Liber historiae francorum*”), жития св. Женевиевы, св. Элигия Нойонского и св. Балтхильды⁸¹. Все эти источники говорят об истории Сен-Дени мимоходом. «История» Григория Турского оканчивается в конце VI в., и поэтому она исключается в качестве надежного источника по истории аббатства в интересующий нас период. Самым ранним из достоверных свидетельств может считаться житие св. королевы Балтхильды, которое появилось вскоре после ее смерти⁸². «Хроника» Продолжателя Фредегара и «История франков», а также житие св. Элигия Нойонского описывают период VII—VIII вв., будучи сами созданы вскоре после излагаемых ими событий (но позже, чем “*Vita*” Балтхильды).

Далеко не все остальные источники равнозначны в смысле надежности сообщений о периоде VII—VIII вв. Исследования достоверности историографической и документальной традиции в отношении ранней меровингской истории монастыря не дало ученым сделать

окончательные выводы, и многие памятники остаются и по сей день без точной даты их написания. Среди них можно отметить «Мучения св. Дионисия, Рустика и Элевтерия» — текст, самые ранние редакции которого сохранились только в рукописях IX в.⁸³ Исследователи уточнили — в «Житии св. Женевиевы» содержится упоминание «Мучений св. Дионисия», которые, соответственно, являются источником более ранним⁸⁴. По поводу датировки «Жития св. Женевиевы» возникли споры: Г. Курт и Л. Левиллен датировали его началом VI в., однако Ж. Аве выдвинул гипотезу, что он был составлен только при Карле Великом⁸⁵. Современные исследования говорят о раннем ядре этого жития и подтверждают поздний характер окончательной редакции⁸⁶. Поэтому оба агиографических сочинения не подлежат точному датированию, хотя в них и может быть косвенная информация относительно истории Сен-Дени в VII—VIII вв.

Современные исследователи считают, что особые отношения между Сен-Дени и королевской властью развились рано, и уже в начальный период Средневековья монастырь и Париж стали устоявшимся центром власти, на который опирались государи. Некоторые ученые ищут истоки особого отношения франкских королей к этому монастырю и городу, в котором он находился, уже в VI в. Они исходят из постулата об исключительной связи между монастырем и королевской династией, сложившейся благодаря постепенному и поступательному росту значения обители⁸⁷. Данный тезис основывается, прежде всего, на «Деяниях короля Дагоберта», которые говорят о следующем: Дагоберт I щедро пожертвовал монастырю земли скончавшегося аквитанского графа Садре-

гизеля. Из текста узнаем о постройке им базилики Сен-Дени в начале VII в., об основании обители (т.е. общины), и о передаче прав на торговую деятельность по всей Галлии⁸⁸. Аббатство Сен-Дени было связано множеством связей с Меровингами еще с конца VI в. После 570 г. церковь аббатства стала их местом захоронения, хотя и не единственным⁸⁹. С VI в. монастырь также служил Меровингской династии фундаментом для распространения их влияния в Галлии⁹⁰. Благодаря этой стратегической связи династия, активно участвовавшая в делах аббатства, удостоила Сен-Дени многими пожертвованиями и особыми привилегиями. В соответствии с документом, который перечисляет пожертвования короля Хлодвига II в 654 г., Дагоберт I установил в аббатстве “*laus perennis*”, круглосуточное пение монахов⁹¹. Другие меровингские короли были щедры к монастырю: король Хлотарь III пожертвовал обители церковь и монастырскую общину⁹², Хлотарь III и Хлодвиг II даровали монастырю неприкосновенность всех его владений⁹³.

В целях объяснения раннего роста значимости Сен-Дени появился «географический» подход, в рамках которого особая роль обители объяснялась лишь ее удачным положением под Парижем — будущей столицей Франции в Средневековье и в Новое время. Немецкий исследователь Земмлер утверждает, что монастырь Сен-Дени рано стал политическим и культурным центром как Нейстрии, так и прилежащих регионов. В качестве доказательства он привел строчки поэта Венанция Фортуната, жившего в конце VI в. Однако из его стихов можно увидеть только то, что в это время культ св. Дионисия ассоциировался у образованных людей с Парижем⁹⁴. Более оправданным выглядит утверждение,

что роль Сен-Дени выросла, т.к. с последних десятилетий VI в. (а именно, с 570 г. или около того) отдельных правителей из династии Меровингов уже начали хоронить в этой церкви⁹⁵. Казалось бы, данный факт может служить показателем того, что Сен-Дени стал важным центром в Галлии благодаря своему географическому положению, а именно по причине того стратегического значения, которое франкские короли видели в Париже и, в более общем смысле, в области Иль-де-Франс.

Центральным моментом для концепции тесной связи Сен-Дени и Меровингов в начале VII в. является уверенность в том, что эта церковь всегда занимала важное место в стратегических расчетах франкских королей. Исследователи считали усиление обители прогрессивным, положительным процессом, который способствовал уменьшению раздробленности Франции в раннесредневековый период и ее «собираанию» вокруг нового центра власти франкских королей, т.е. Парижа. Именно поэтому Земмлер стремился показать, что не только Иль-де-Франс, но и, в частности, базилика св. Дионисия рано стали появляться в источниках как сосредоточения святости и, соответственно, сакральные центры, санкционировавшие власть франкских королей над Галлией. Однако стоит заново посмотреть на источники и перепроверить сведения о раннем усилении монастыря Сен-Дени и о практике взаимоотношений между королями и церковью.

Имеющуюся информацию необходимо сравнить с сообщениями других источников, дата написания которых тоже остается под вопросом. Так, автор «Мучений св. Дионисия» ничего не знал о постройке базилики и об основании монастыря королем Дагобертом в начале VII в. Поскольку Ж. Аве утверждал, что первый

из этих источников был написан только в IX в., ему пришлось выдвинуть следующий тезис — «Мучения» созданы вне Иль-де-Франса и Парижа, т.к. они показывали неосведомленность их автора в местной историографической традиции Сен-Дени. Исследователь также заявил: «Мучения» написаны позже, чем «Деяния короля Дагоберта», именно потому, что их автор ничего не знал о действиях Дагоберта в отношении монастыря⁹⁶.

Данный тезис вызвал критику со стороны Левиллена, настаивавшего на том, что расхождения указанных источников о постройке базилики и основании монастыря объясняются одним — тем, что «Мучения» увидели свет в начале VI в.⁹⁷ Однако тезис Левиллена вряд ли может считаться доказанным, допустимо утверждать только то, что если «Мучения» были написаны в IX в., как и «Деяния короля Дагоберта», то они появились раньше, чем второе сочинение. Сами по себе эти источники не позволяют утверждать что-либо об отношениях династии Меровингов и Сен-Дени.

Создается впечатление, что представление о возрастании роли Парижа и Сен-Дени в начале VII в., обнаруживаемое в работах некоторых современных авторов, возникло благодаря всего лишь одному источнику, который внес непоправимую аберрацию в картину развития власти в Галлии в VI—VII вв. Так, подобные выводы можно сделать, если принимать в качестве факта ту картину, которую рисуют «Деяния короля Дагоберта» (“Gesta Dagoberti regis”). Дагоберт I для многих исследователей — пример «сильного» средневекового властителя по сравнению с его современниками. Такие представления появились потому, что в европейской историографии XIX в. единое госу-

дарство стало восприниматься как признак сильной власти, в то время как раздробленность символизировала слабость. Вся история Франции воспринимается как вечный процесс, в котором удачные попытки объединения государства под властью одного правителя сменялись временами упадка и раздробленности. Ученые рассматривали раннесредневековых королей в этом же контексте, разделы Галлии между братьями в 511, 561 и 587 гг. виделись им как показатели слабости Меровингской династии. На фоне разделов выделялась фигура короля Дагоберта I, который объединил Франкское королевство под своей единоличной властью в силу особенностей династической ситуации, сложившейся в то время⁹⁸.

Казалось бы, источники по правлению короля Дагоберта I позволяют увидеть ясную картину возрастания роли Парижа и Сен-Дени. По сути, автор «Деяний» хотел создать у читателя представление о том, что опора на этот монастырь была одним из удачных решений могущественного короля, которому в одиночку удалось ненадолго объединить государство франков под своей властью. Однако проблема подобного взгляда состоит в том, что представление о силе Дагоберта и о значимости Сен-Дени как места их особого почитания основано на источниках, подлинность которых вызывает большие сомнения. Ведь «Деяния короля Дагоберта» являются памятником, достоверность которого часто вызывала сомнения⁹⁹. Исследователи показали — он был скомпилирован из нескольких более ранних источников, причем составитель приложил много усилий для того, чтобы подчеркнуть особую роль этого короля¹⁰⁰. Однако если отбросить те источники, написание которых в начале VII в. нельзя доказать, то картина становится со-

вершенно другой. «Деяния» невозможно использовать для демонстрации особой роли монастыря Сен-Дени. Несмотря на то, что памятник — как и некоторые другие источники — стремился показать раннее возрастание его роли, можно отметить следующее: в VI в. и первую половину VII в. Сен-Дени оставался базиликой.

Если не стремиться предвзято прочесть источники в рамках уже сложившейся концепции, то история развития Сен-Дени и всего парижского региона выглядит по-другому. В начальный период своей истории это была лишь базилика, причем без монашеской общины. Нужно признать, что Сен-Дени — не простая церковь: например, своими укрепленными стенами она известна уже с середины VI в.¹⁰¹ Данный факт может говорить о многом, т.к. в тот период только значимые строения имели надежные стены. Но ее превращение в монастырь не обусловлено ходом развития Галлии и Нейстрии, а, скорее, явилось ответом на важные политические изменения, произошедшие в Галлии в VII в. Поэт Венанций Фортунат, писавший в начале VII в., считал, что культ св. Дионисия широко праздновался уже во время правления епископа Германа (ум. 576)¹⁰². Тем не менее, эти утверждения, как мы показали, не доказывают, будто Сен-Дени в указанный период превосходил по значимости другие монастыри Галлии. Сам Венанций Фортунат, вероятно, понимал и чувствовал неопределенность положения Сен-Дени, т.к. одновременно опирался на ее историю, и на тот импульс, который был придан этой церкви в начале VII в.

В неопределенности статуса Сен-Дени нет ничего удивительного — ведь к тому времени в Галлии существовало несколько городов, являвшихся важными

культовыми центрами, значимость которых превосходила положение Парижа с его монастырями Сен-Дени и Сен-Жермен-де-Пре. Стоит отметить Тур с его культом св. Мартина, а также Клермон и Бриуде с культом св. Юлиана, и некоторые другие¹⁰³. Поэтому нельзя использовать стихотворение Венанция Фортуната в качестве безусловного доказательства того, что уже в конце VI в. базилика Сен-Дени и культ св. Дионисия заняли особое место в Галлии. Тем более нет оснований говорить о том, что к этому времени династия Меровингов стала опираться на культы святых и монастыри или базилики, с именами которых они связаны. В начале VII в. короли из династии Меровингов еще вели себя так, как это было характерно для Западно-Римской империи в Поздней Античности (в отличие от Восточно-Римской империи), когда ни монашество, ни культы святых не являлись для властителей культурным феноменом, заслуживавшим внимания.

Исследование истории Сен-Дени показывает, что у нас нет возможности говорить об особых взаимоотношениях Меровингов и этого монастыря. Полное завершение трансформации церкви, в которой главенствовал епископ и которая служила местом захоронения для сменявших друг друга прелатов (“*bischofliche Coemeterbasilika*”), в королевское аббатство (“*königliche Benediktinabtei*”) потребовала много лет после правления Дагоберта I¹⁰⁴. Это превращение было далеко от завершения во второй половине VII в. Несмотря на расположение Меровингской династии к монастырю, он оставался для них лишь одним из многих мест захоронения в течении VII в.¹⁰⁵ В это время положение монастыря — юридически неопределенное, т.к. обитель не находилась под защитой государя. Королевское покровительство,

выраженное в четких юридических терминах, начало действовать позже, при Людовике Благочестивом (814 г.)¹⁰⁶. До 653 г. Сен-Дени был просто базиликой, и он стал монастырем в результате привилегии, данной ему епископом Парижа Ландри¹⁰⁷. Исследователи долго не придавали самостоятельного значения данному факту, рассматривая его только в рамках своих концепций о тесной связи монастыря и Меровингской династии. Но превращение базилики в монастырь было не столько завершением начавшегося в VI в. процесса сближения Меровингской династии и монастыря Сен-Дени, а, скорее, началом движения в этом направлении. Ведь короли стали дарить земли Сен-Дени только во второй половине VII в. Однако и тогда Меровинги опирались не исключительно на Сен-Дени: короли и королевы оказывали знаки внимания и другим обителям, в частности, их хоронили не только в этом аббатстве. Превращение церкви, пребывавшей под контролем епископа, в монастырь, аббат которого отвечал непосредственно королю (который получил право называться “ordinarius”), началось только в середине VII в., и в начале VIII в. еще не было закончено¹⁰⁸. Поэтому если принять во внимание недостоверность «Деяний короля Дагоберта», то следует признать очевидный факт — в середине VII в. Сен-Дени являлся новым монастырем, который короли стали поддерживать наряду с рядом других обителей. Более того, еще в середине VII в. у Сен-Дени отсутствовал домен, т.е. владения, за счет податей с которых можно было содержать монашескую общину.

Возрастание роли монастыря Сен-Дени в середине VII в. необходимо рассматривать в политическом контексте этого времени. Ситуация в Галлии в указанный период характеризовалась несколькими тенденциями.

В течение VI в. королевства франков неоднократно разделялись между различными представителями Меровингской династии¹⁰⁹. Королю Дагоберту I удалось на время сплотить подданных под своей единоличной властью; однако в завещании в 634 или 635 г. он — в традициях Меровингской династии — снова разделил их между собственными сыновьями. Старший сын Сигиберт III получил Австразию, а Хлодвиг II — Нейстрию и Бургундию¹¹⁰. С точностью неизвестно, что происходило в последующие 20 лет, т.к. современные событиям исторические свидетельства отсутствуют. Однако можно предположить — соревнование между Нейстрией и Бургундией, с одной стороны, и Австразией, с другой, в этот период продолжалось. Сигиберт III скончался в 656 г., а Хлодвиг II — в 657 г., что привело к необходимости в очередной раз делить королевства и устанавливать новый баланс сил. Данный период характеризовался активными действиями королевы Балтхильды, которая боролась за то, чтобы посадить и удержать своего сына Хлотаря III на троне Нейстрии, и остаться в качестве политической силы. Балтхильда испытывала немалое давление со стороны знати, которая была явно недовольна ролью вдовствующей королевы в политических делах¹¹¹.

Указанный период получил противоположные оценки ученых. С одной стороны, некоторые считали, что Балтхильда вела дело к сосредоточению всей власти в руках короля; на него, как на сына, она могла оказывать влияние. Иные исследователи подчеркивали, будто борьба, происходившая в середине VII в., фактически представляла из себя схватку различных аристократических групп, и что Балтхильда ничем не отличалась от своих противников по тому, на какие социальные слои и группы она опиралась¹¹². Но особенно стоит от-

метить — в правлении вдовствующей королевы было и новое по сравнению с предыдущими периодами. Ее основной опорой в попытках удержаться у власти, как полагают ученые, являлись монастыри, которые она сама основывала; именно святые обитатели давали ей защиту и независимость от превратностей политической жизни в Нейстрии¹¹³. Сен-Дени — один из монастырей, лишь выигравший от подобного покровительства.

После ухода Балтхильды ситуация в Нейстрии не давала возможностей для значительного передела власти, а практика опоры на монастыри стала только более ярко выраженной. Майордом Эброин (662—680) проводил политику, направленную на сосредоточение власти в своих руках и подмену короля и его матери Балтхильды¹¹⁴. Такая политика привела к тому, что майордом рассорился со многими представителями знати¹¹⁵. После смерти в 673 г. Хлотаря III, короля Нейстрии, Эброин посадил на трон Теодериха III, но знать заменила его на австразийского короля Хильдериха II, а майордома сослала в Люксей (“Luxeuil”)¹¹⁶. К 679 г., однако, Эброин вернул себе былое влияние, и Теодерих III снова стал королем¹¹⁷. Хотя он и амнистировал многих представителей знатных родов, но недоверие к нему, конечно, сохранилось. События этого периода отличаются крайней расплывчивостью альянсов и «партий» аристократии и королевской семьи, однако многие исследователи пытались выделить две основные группы. Меровингским королям Нейстрии противостояла группа знати из Австразии и Бургундии, с которыми часто увязывали и епископа Отена (“Autun”) Леодегария. Однако можно отметить — все конфликтующие стороны опирались на Сен-Дени и другие монастыри.

Ученые в течение долгого времени обращались к монастырю Сен-Дени как примеру успешного создания взаимоотношений между королевской властью, церковной иерархией и местной знатью, считая, что в других обителях они не успели сложиться к середине VII в. Однако здесь было показано, что этот случай не может считаться особенным. Как и другие общины аскетов, Сен-Дени появился на карте Галлии как монастырь (а не церковь) в 653 г., и стал опорой королей еще позже, во второй половине VII и, в особенности, в VIII в. Можно отметить особую роль аббата Фульрада, который в середине VIII в. много сделал для собирания разрозненных земель монастыря в одно целое и окончательное утверждение этой монашеской общины как столпа франкской монархии¹¹⁸.

«Мучения св. Дионисия» и «Житие св. Женевьевы» известны по рукописям IX в. не случайно. Они являются примером всплеска интереса к истории, который произошел в середине VIII—начале IX в. Именно в правление Карла Великого в источниках появляются свидетельства того, что аббаты и монахи Сен-Дени стали обращать внимание на прошлое своего монастыря¹¹⁹. Отчасти подобная ситуация обусловлена практическими соображениями, а именно, необходимостью собирать в единое целое домен монастыря, который к середине VIII в. состоял из разрозненных и разбросанных по Иль-де-Франсу и северной Франции деревень и земель¹²⁰. Но в этом обращении к ушедшему отразилось также и меняющееся мировоззрение. События меровингского периода к тому времени уже были историей, и они стали привлекать внимание образованных людей каролингской эпохи, которые, как Эйнхард, искали в «далеком прошлом»

объяснение успехов новой династии. Другие же, как, например, авторы первых картуляриев (сборников старых грамот), искали данные для легитимации создававшихся монастырских доменов¹²¹. Поэтому нет ничего удивительного в том, что многие нарративные сочинения, содержащие информацию о ранней истории монастыря Сен-Дени, вошли в оборот (или были составлены) именно в каролингский период. Они представляли собой поиск особого прошлого, которое монастырь и его аббат Фульрад хотели предъявить новым властителям Галлии для получения особого статуса. Но именно этот поиск прошлого способствовал возникновению легенд и разного рода спекуляций об истории Сен-Дени в период ослабления династии Меровингов и постепенного подъема династии Каролингов. Такие сочинения, как «Деяния короля Дагоберта», возникновение которых можно отнести именно ко времени правления Пепина III или Карла Великого, явились причиной неисправимого перекоса в отношении оценки роли этого монастыря в поздний период правления династии Меровингов. А именно — они создали впечатление, будто уже с начала VII в. королевская власть стала твердо опираться на ресурсы монастырей, которые уже тогда превратились в экономические центры как своей округи, так и всей Галлии. Однако сравнение агиографических сочинений VII в. с памятниками, написанными или отредактированными позже, показывает, что для современников власть королей вовсе не обладала монополией на использование ресурсов монастырей. Более того, для них согласие между правителями и прелатами, а равно и способность договариваться была центральным элементом мировоззрения.

§ 5. Выводы

Агиографические сочинения создали картину истории Галлии в VII в., отличающуюся от представленной нарративными источниками VI в. (сочинениями Григория Турского) и VII в. (историческими трудами Фредегара и автора «Истории франков»). Памятники житийной литературы являются интересными источниками, которые свидетельствуют о процессе возникновения и распространения монастырей в королевстве франков, а также о том, как обители стали неотъемлемой частью экономического и политического уклада; именно он виделся современникам единственно законным. С точки зрения авторов житий членов королевской семьи и династии («Житие Балхильды» и «Деяния короля Дагоберта»), монашеские общины имели непосредственное отношение к созданию новой структуры организации власти, потому что представляли собой экономические политические центры, объединявшие местных землевладельцев, церковь в лице как черного, так и белого духовенства, и представителей светской власти. Они подчеркивали роль королей в основании монастырей и стремились создать картину сознательной и продуманной политики опоры на них. Знатные особы, служившие королю и церкви (такие, как рассмотренные в этой главе Эдуэн Руанский и Элигий Нойонский), помогали согласовывать интересы местных сообществ, правителей и «ecclesiae»¹²². Появление монастырей значительно меняло ландшафт социальных взаимоотношений и создавало особые общности, связанные как на уровне религиозного чувства, так и на уровне землевладения и соответствующих обязательств¹²³. Однако в их житиях

авторы стремились подчеркнуть независимость епископов от королей при основании монастырей. Развитие и распространение монастырей в королевстве франков способствовало созданию новых социальных связей, имевших непосредственную отношение к изменениям в практике власти. Авторы житий интересовала, прежде всего, деятельность людей церкви, епископов и аббатов, а короли появлялись в агиографических текстах только как властители. На их фоне клирики являли пример добродетельного поведения, святости и непреклонности в деле следования христианским идеалам. Хотя эти авторы и видели королей единственными законными правителями Галлии, но в их сочинениях можно найти представление о том, что многое в развитии событий зависело от позиции епископов и аббатов.

При прочтении житий необходимо отметить, что до середины VII в. идея о том, что монастыри должны являться надежной опорой династии Меровингов, еще не стала общепринятой. В эту эпоху отдельные обители основывались королями и членами их семей. В качестве примеров приведем монастырь Эгон ("Agaune") в Бургундии, основанный королем Сигизмундом, монастырь в Пуатье, у истоков которого стоит королева Радегунда и ее муж, король Хлотарь I, а также епископ города и герцог. Но в целом число таких примеров было ничтожно мало, и можно с уверенностью утверждать — в VI в. королевская власть рассчитывала только на поддержку «белого духовенства», т.е. на то, что было во власти епископов. Поэтому резонно рассматривать как закономерный факт то, что в качестве примеров богоугодного образа жизни Венанций Фортунат, поэт начала VII в.,

описывал в своих стихах только епископов, и в его воззрениях на власть не изображены монахи¹²⁴. Жития этого времени делают попытку показать, что при попытке использовать ресурсы монашеских общин династия должна была учитывать интересы церкви и местных землевладельцев, тесно связанных с монастырями и церквями. Жития Эдуэна Руанского и Элигия Нойонского являются хорошими примерами того, как создавались связи между правителями, их окружением, церковной иерархией и местной знатью, позволявшие им находить согласие в отношении использования ресурсов, сосредотачивавшихся в земельных владениях аристократии и церкви. Связи между властителями, знатью и клиром еще не стали такими надежными и закреплёнными документально, как в последующий, каролингский период. В частности, в представлениях образованного клира VII в. монашеским обителям было далеко как до «имперских монастырей», получивших развитие в Империи с X в., так и до монастырей каролингского периода, явившихся надежной опорой династии со времени правления Карла Великого (742—814). В эпоху Меровингов взаимосвязь между различными властными группами не была выстроена по единому шаблону во всех регионах государства: местные и личные особенности всегда доминировали, создавая уникальный и неповторимый потестарный ландшафт.

Примечания

¹ Интерес к сакральным аспектам власти короля появился в результате работ: Блок М. Короли-чудотворцы. Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти

- распространенных преимущественно во Франции и Англии. М., 1998 (первое французское издание 1924 г.); *Kantorowicz E.H.* The King's Two Bodies: a Study in Mediaeval Political Theology. Princeton, 1957; *Schramm P.E.* Herrschaftszeichen und Statssymbolik. Stuttgart, 1954. Bd. I—III. Из новых работ можно особо упомянуть: *Hattenhauer H.* Das Herz des Königs in der Hand Gottes. Zum Herrscherbild in Spätantike und Mittelalter // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte, Kanonistische Abteilung. 1981. Jg. 67. S. 1—35.
- ² *Sulp. Sev.* VM.
- ³ *Van Dam R.* Images of Saint Martin in Late Roman and Early Merovingian Gaul // *Viator*. 1988. Vol. 19. P. 1—27.
- ⁴ *Fouracre P., Gerberding R.A.* Late Merovingian France: History and Hagiography, 640—720. Manchester, 1996. P. 1—10.
- ⁵ *Delehaye H.* Les légendes hagiographiques. Bruxelles, 1905; *Idem.* Les origines du culte des martyrs. Bruxelles, 1912; *Idem.* Les passions des martyrs et les genres littéraires. Bruxelles, 1921; *Idem.* Loca sanctorum // *Analecta bollandiana*. 1930. T. 48. P. 5—64.
- ⁶ *Brown P.* The World of Late Antiquity, 200—750. L., 1971; *Idem.* The Cult of the Saints: Its Rise and Function in Late Antiquity. Chicago, 1981; *Idem.* The Rise of Western Christendom: Triumph and Diversity AD 200—1000. Oxford, 1996.
- ⁷ *Graus F.* Volk, Herrscher und Heiliger im Reich der Merowinger: Studien zur Hagiographie der Merowingerzeit. Praha, 1965. S. 381—385.
- ⁸ *Stancliffe C.* St. Martin and His Hagiographer: History and Miracle in Sulpicius Severus. Oxford, 1983.
- ⁹ *Van Dam R.* Leadership and Community in Late Antique Gaul. Berkeley, 1985. P. 300—305.
- ¹⁰ *Iona.* VC.
- ¹¹ *Ficker J.* Über das Eigentum des Reiches am Reichskirchengut // Sitzungberichte der Österreichische Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-Historische Klasse. 1872. Bd. 72. S. 55—146; *Sickel T.* Beiträge zur Diplomatie, III // Sitzungberichte der Österreichische Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-Historische Klasse. 1864. Jg. 47. S. 175—277; *Idem.* Beiträge zur Diplomatie, V // Sitzungberichte der Österreichische Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-Historische Klasse. 1864. Jg. 49. S. 311—410; *Santifaller L.* Zur Geschichte des ottonisch-salischen Reichskirchensystems. Wien, 1962. Bd. 1; *Metz W.* Zur Entstehung der Brevium Exempla // *Deutsches Archiv*. 1954. Jg. 10. № 2. S. 395—416; *Idem.* Das karolingische Reichsgut: Eine verfassungs- und ver-

waltungsgeschichtliche Untersuchung. Berlin, 1960; *Idem.* Zur Erforschung des karolingischen Reichsgutes. Darmstadt, 1971. Bd. 4; *Waitz G.* Deutsche Verfassungsgeschichte. Die deutsche Reichsverfassung von der Mitte des neunten bis zur Mitte des zwölften Jahrhunderts. Kiel, 1876. Bd. 7. S. 183—185.

¹² *Felten F.* Äbte und Laienäbte im Frankenreich: Studie zum Verhältnis von Staat und Kirche im früheren Mittelalter. Stuttgart, 1980. S. 129—135; *Fouracre P., Gerberding R.A.* Late Merovingian France. P. 110, 144.

¹³ Для примера можно привести несколько работ о взаимоотношениях знати и монастырей: *Boshof E.* Kloster und Bischof in Lotharingen // Monastische Reformen im IX und X Jahrhundert / Hrsg. von R. Kottje, H. Maurer. Sigmaringen, 1989. S. 197—246; *Idem.* Königtum und adelige Herrschaftsbildung am Niederrhein im IX und X Jahrhundert // Königtum und Reichsgewalt am Niederrhein / Hrsg. von K. Flink, W. Janssen. Kleve, 1983. S. 9—41; *Idem.* Untersuchungen zur Kirchenvogtei in Lothringen im X und XI Jahrhundert // Zeitschrift der Savigny-Stiftung fuer Rechtsgeschichte, Kanonistische Abteilung. 1979. Jg. 65. S. 55—119; *Feller L.* Aristocratie, monde monastique et pouvoir en Italie centrale au IX-e siècle // La royauté et les élites dans l'Europe carolingienne (début IX siècle aux environs de 920). 1998. T. 17 / Sous la dir. de R.L. Jan. Villeneuve d'Ascq. P. 325—346; *Grosse R.* Saint-Denis zwischen Adel und König: Die Zeit vor Suger (1053—1122). Stuttgart, 2002; *Innes M.* Kings, Monks and Patrons: Political Identities and the Abbey of Lorsch // La royauté et les élites dans l'Europe carolingienne (début IX siècle aux environs de 920). 1998. T. 17 / Sous la dir. de R. L. Jan. Villeneuve d'Ascq. P. 301—324; *Schulze H.K.* Adelherrschaft und Landesherrschaft; Studien zur Verfassungs- und Besitzgeschichte der Altmark, des ostsächsischen Raumes und des hannoverschen Wendlandes im hohen Mittelalter. Köln, 1963.

¹⁴ *Stutz U.* Die Eigenkirche als Element des mittelalterlich-germanischen Kirchenrechts. Antrittsvorlesung, gehalten am 23. Oktober 1894. Berlin, 1895.

¹⁵ *Prinz F.* Frühes Mönchtum im Frankenreich: Kultur und Gesellschaft in Gallien, den Rheinlanden und Bayern am Beispiel der monastischen Entwicklung (4 bis 8 Jahrhundert). Wien, 1965. S. 656—657.

¹⁶ *Heinzelmann M.* Bischofsherrschaft in Gallien: Zur Kontinuität römischer Führungsschichten von 4 bis zum 7 Jahrhundert. Soziale, prosopographische und bildungsgeschichtliche Aspekte. München, 1976. Bd. 5. S. 185—187; *Brown P.* The Cult of the Saints: Its Rise

and Function in Late Antiquity. P. 94—95; *Idem*. Society and the Holy in Late Antiquity. Berkeley, 1982. P. 187.

- ¹⁷ *Angenendt A.* Willibald zwischen Mönchtum und Bischofsamt // Der heilige Willibald — Klosterbischof oder Bistumsgründer / Hrsg. von H. Dickerhof, E. Reiter, S. Weinfurter. Regensburg, 1990. S. 146—169.
- ¹⁸ *Heinzelmann M.* L'aristocratie et les évêchés entre Loire et Rhin jusqu'à la fin du VII-e siècle // Revue d'histoire de l'église de France. 1976. T. 62. P. 90.
- ¹⁹ *Iona*. VC. 71.
- ²⁰ *Prinz F.* Frühes Mönchtum. S. 121—152.
- ²¹ *Усков Н.Ф.* Христианство и монашество в Западной Европе Раннего Средневековья: Германские земли II—III—середина XI в. СПб., 2001. С. 100—189.
- ²² Концепция «частных церквей» или «частных монастырей» как особого вида церковной организации была разработана в книге: *Stutz U.* Die Eigenkirche als Element des mittelalterlich-germanischen Kirchenrechts. Antrittsvorlesung, gehalten am 23. Oktober 1894. Тезис о фактической независимости монастырей, основывавшихся знатью, трансформировался после работ Фридриха Принца в концепцию «самоосвящения» (“Selbstheiligung”), к которому прибегали отдельные представители знати, основывавшие эти обители. В соответствии с данной концепцией, миссионеры и знать часто утверждала свою независимость от епископов и белого духовенства, объявляя себя «святыми» без санкции со стороны официальной церковной организации. См.: *Prinz F.* Frühes Mönchtum. S. 695—697.
- ²³ Наиболее полно процесс был исследован на примере долины Рейна: *Innes M.* State and Society in the Early Middle Ages: The Middle Rhine Valley, 400—1000. Cambridge, 2000. P. 265.
- ²⁴ *Beaujard B.* L'évêque dans la cité en Gaule aux Ve et VIe siècles // La fin de la cité antique et le début de la cité médiévale de la fin du III-e siècle à l'avènement de Charlemagne, Actes du colloque tenu à l'Université de Paris X—Nanterre les 1, 2 et 3 avril 1993 / Sous la dir. de C. Lepelley. Bari, 1996. P. 46; *Borgolte M.* “Bischofsitz” und “Sitz der Ruhe”: Zur Kirchenorganisation gallischer Städte nach Gregor von Tours und Bistumsgeschichte von Auxerre // Litterae medii aevi: Festschrift für J. Autenrieth / Hrsg. von M. Borgolte, H. Spilling. Sigmaringen, 1988. S. 53; *Breukelaar A.H.B.* Historiography and Episcopal Authority in Sixth-Century Gaul: the Histories of Gregory of Tours Interpreted in Their Historical Context. Göttingen, 1994; *Durliat J.* Évêque et administration municipale au VII-e siècle // La fin de la

- cité antique et le début de la cité médiévale de la fin du IIIe siècle à l'avènement de Charlemagne, Actes du colloque tenu à l'Université de Paris X—Nanterre les 1, 2 et 3 avril 1993 / Sous la dir. de C. Lepelley. Bari, 1996. P. 286; *Cadaux S.* Recherches sur l'accession à l'épiscopat aux temps mérovingiens (481/82—691/722): thèse de doct. P., 1994; *Gassman P.* Der Episkopat in Gallien im 5. Jahrhundert: Diss. phil. Bonn, 1977; *Heinzelmann M.* L'aristocratie et les évêchés entre Loire et Rhin jusqu'à la fin du VIIe siècle. P. 90; *Kaiser R.* Bischofsherrschaft zwischen Königtum und Fürstenmacht: Studien zur bischöflichen Stadtherrschaft im westfränkisch-französischen Reich im frühen und hohen Mittelalter. Bonn, 1981; *Magnou-Nortier E.* Les évêques et la paix dans l'espace franc (VIe—XIe siècles) // L'évêque dans l'histoire de l'église: Actes de la 7me rencontre d'histoire religieuse — Fontevault, 1983. Angers, 1984. P. 33—49; *Mordek H.* Bischofsabsetzungen in spätmerowingischer Zeit: Justelliana, Bernensis und das Konzil von Mäløy (677) // Papsttum, Kirche und Recht im Mittelalter: Festschrift für Horst Fuhrmann zum 65. Geburtstag / Hrsg. von H. Mordek, H. Fuhrmann. Tübingen, 1991. S. 31—55; *Scheibelreiter G.* Der Bischof in merowingischer Zeit. Wien, 1983; *Van Dam R.* Leadership and community. P. 270—300; *Weidemann M.* Bischofsherrschaft und Königtum in Neustrien vom 7. bis zum 9. Jahrhundert am Beispiel des Bistums Le Mans // La Neustrie: Les pays au nord de la Loire de 650 à 850 / Hrsg. von H. Atsma. Sigmaringen, 1989. Bd. I. S. 93.
- ²⁵ *Fouracre P.* The Work of Audoenus of Rouen and Eligius of Noyon in Extending Episcopal Influence from the Town to the Country in Seventh-century Neustria // The Church in Town and Countryside: Papers Read at the Seventeenth Summer Meeting and the Eighteenth Winter Meeting of the Ecclesiastical History Society / Ed. by D. Baker. Oxford, 1979. P. 91.
- ²⁶ *Lohse B.* Askese und Monchtum in der Antike und in der alten Kirche. Wien, 1969. S. 190—197.
- ²⁷ *Heussi K.* Der Ursprung des Mönchtums. Tübingen, 1936. C. 53—58; *Lohse B.* Askese und Monchtum in der Antike und in der alten Kirche. S. 173, 214—215; *Frank K.S.* Geschichte des christlichen Mönchtums. Darmstadt, 1993. S. 15—19, 35; *Prinz F.* Phänomenologie des westeuropäischen Mönchtums im Überblick // Askese und Kultur: Vor- und frühbenediktinisches Mönchtum an der Wiege Europas. München, 1980. S. 14—16; *Усков Н.Ф.* Христианство и монашество. С. 62.
- ²⁸ *Lohse B.* Askese und Monchtum in der Antike und in der alten Kirche. S. 190—197.
- ²⁹ *Markus R.* The End of Ancient Christianity. Cambridge, 1990. P. 21—27, 31.

- ³⁰ Подобное представление о монашестве как об особом образе жизни знатных людей ясно видно в житии св. Мартина Сульпиция Севера, которое отразило не столько действительные события распространения монашества в Галлии, сколько те представления, которые стала считаться нормой в его время: *Van Dam R. Images of in Late Roman and early Merovingian Gaul // Viator. 1988. Vol. XIX. P. 27.*
- ³¹ Так, роль монастырей становится понятна, если мы обратим внимание на то, что многие произведения античной литературы дошли до нас именно благодаря тому, что их переписывали в обителях.
- ³² *Leysner C. Monasticism // Late Antiquity. A Guide to the Post-Classical World / Ed. by G.W. Bowersock, P. Brown, O. Grabar. Cambridge, 1999. P. 584.*
- ³³ *Усков Н.Ф. Христианство и монашество. С. 63.*
- ³⁴ *Iona. VC. 10.*
- ³⁵ "Ibi residens vir egregius, monasterium construere coepit, ad cuius famam plebes undique concurrere et cultui religionis dicare curabant" // *Iona. VC. Prinz F. Frühes Mönchtum. S. 122.*
- ³⁶ *Prinz F. Frühes Mönchtum. S. 120—134.*
- ³⁷ *Усков Н.Ф. Христианство и монашество. С. 100—189.*
- ³⁸ *Vita Sanctae Balthildis // MGH Scriptorum Rerum Merovingicarum. Bd. 2. Fredegarii et aliorum chronica. Vitae sanctorum / Hrsg. von B. Krusch. Hannover, 1888. S. 475—508; Fouracre P., Gerberding R.A. Late Merovingian France. P. 114.*
- ³⁹ *Ewig E. Die fränkische Teilreiche. S. 210—211.*
- ⁴⁰ *Vita sanctae Balthildis. 7.*
- ⁴¹ *Ibid. 4, 7, 8, 9, 10.*
- ⁴² Примером такого взгляда может служить работа: *Brunner K. Oppositionelle Gruppen im Karolingerreich. Wien, 1979.*
- ⁴³ *Werner M. Der Lütticher Raum im frühkarolingische Zeit: Untersuchung zur Geschichte der karolingische Stammlandschaft. Göttingen, 1979. S. 362; Fouracre P., Gerberding R.A. Late Merovingian France. P. 143.*
- ⁴⁴ *Vita Nivardi // MGH Scriptorum Rerum Merovingicarum. Bd. 5. Passiones vitaeque sanctorum aevi merovingici / Hrsg. von W. Levison. Hannover, 1910. 1.*
- ⁴⁵ *DM. 85.*
- ⁴⁶ *Vita Bercharii // Acta Sanctorum ordinis Sancti Benedicti. Venetii, 1733. T. 2 / Sous la dir. de L. d'Achery, J. Mabillon. P. 797; Vita Nivardi. 7; Pardessus. Diplomata. P. 346.*
- ⁴⁷ *Vita Nivardi. 11.*

- ⁴⁸ *Fouracre P., Gerberding R.A.* Late Merovingian France. P. 200.
- ⁴⁹ *Krusch B.* Die älteste Vita Leodegarii // Neues Archiv zur Erforschung des Mittelalters. 1891. Jg. 16. S. 563—596; *Idem.* Passiones Leodegarii episcopi et martyris Augustodunensis // MGH Scriptores Rerum Merovingicarum. Bd. 5. Passiones vitaeque sanctorum. Berlin, 1910. C. 243—259; *Fouracre P., Gerberding R.A.* Late Merovingian France. P. 194—195.
- ⁵⁰ *Fouracre P., Gerberding R.A.* Late Merovingian France. P. 212.
- ⁵¹ Взгляд на Леодегара как на защитника интересов Бургундии можно найти в: *Chaume M.* Les origines du Duché de Bourgogne: en 2 t. Dijon, 1928. P. 22—23. Критика этого тезиса находится в: *Fouracre P., Gerberding R.A.* Late Merovingian France. P. 197.
- ⁵² *Fouracre P., Gerberding R.A.* Late Merovingian France. P. 194—195.
- ⁵³ *Vita Audoini episcopi Rotomagensis* // MGH Scriptores Rerum Merovingicarum. Passiones vitaeque sanctorum. Hannover, 1910. S. 543—567; *Vita Eligii episcopi Noviomagensis* // MGH Scriptores Rerum Merovingicarum. Passiones vitaeque sanctorum aevi merovingici. Hannover, 1902. S. 663—741.
- ⁵⁴ *Wood I.* The Use and Abuse of Latin Hagiography in the Early Medieval West // East and West: Modes of Communication. Proceedings of the First Plenary Conference at Merida / Ed. by E. Chrysos, I. Wood. Leiden, 1999. P. 197.
- ⁵⁵ *Vita Audoini episcopi Rotomagensis.* 1.
- ⁵⁶ *Bergengruen A.* Adel und Grundherrschaft im Merowingerreich: Siedlungs- und standesgeschichtliche Studie zu den Anfängen des frankischen Adels in Nordfrankreich und Belgien. Wiesbaden, 1958. S. 66—80; *Zöllner E.* Die Herkunft der Agilulfinger // Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung. 1951. Jg. 59. S. 254.
- ⁵⁷ *Tits-Dieuaide M.-J.* Grands domaines, grandes et petites exploitations en Gaule merovingienne // La grand domaine aux époques mérovingienne et carolingienne — Die Grundherrschaft im frühen Mittelalter, Actes du colloque internationale, Gand 8—10 septembre 1983 / Sous la dir. d'A. Verhulst. Gand, 1985. P. 50.
- ⁵⁸ *Iona.* VC. I. 26.
- ⁵⁹ *Vita Audoini episcopi Rotomagensis.* 5; *Prinz F.* Frühes Mönchtum. S. 126—127.
- ⁶⁰ *Iona.* VC. I; 26; *Fouracre P., Gerberding R.A.* Late Merovingian France. P. 137—139; *Gerberding R.* The Rise of the Carolingians. P. 85—89; *Bergengruen A.* Adel und Grundherrschaft im Merowingerreich: Siedlungs- und standesgeschichtliche Studie zu den Anfängen des frankischen Adels in Nordfrankreich und Belgien. S. 66—80.

- ⁶¹ *Gerberding R. The Rise of the Carolingians. P. 89.*
- ⁶² *Barrault A. L'influence de saint Colomban et ses disciples dans les monastères de la Brie // Melanges Colombaniens. Actes du Congrès international de Luxeuil, 20—23 juillet 1950. P., 1951. P. 204; Vita Audoini episcopi Rotomagensis. 5; Vita Aegili // Acta Sanctorum ordinis Sancti Benedicti. Venetii, 1733. T. 2 / Sous la dir. de L. d'Achery, J. Mabillon. P. 307.*
- ⁶³ DM. 49.
- ⁶⁴ *Scheibelreiter G. Ein Gallorömer in Flandern: Eligius von Noyon // Die Suche nach Ursprüngen: Von der Bedeutung des frühen Mittelalters / Hrsg. von W. Pohl. Wien, 2004. S. 127—128.*
- ⁶⁵ *Lauer P., Samaran C., Prou M. Les diplômes originaux des Mérovingiens. P., 1908. № 4.*
- ⁶⁶ DM. 49.
- ⁶⁷ *Ibid. 88.*
- ⁶⁸ *Vita Fursei // Acta Sanctorum ordinis Sancti Benedicti. Venetii, 1733. T. 2 / Sous la dir. de L. d'Achery, J. Mabillon. P. 300—314; Vita Fursei // MGH Scriptorum Rerum Merovingicarum. Bd. 4. Passiones vitaeque sanctorum aevi merovingici / Hrsg. von B. Krusch, W. Levison. Hannover, 1902.*
- ⁶⁹ *Vita Eligii episcopi Noviomagenis. 27. S. 714.*
- ⁷⁰ *Levison W. Vita Audoeni episcopi rotomagensis // MGH Scriptorum Rerum Merovingicarum. Bd. 5. Passiones vitaeque sanctorum aevi merovingici / Hrsg. von B. Krusch, W. Levison. Hannover, 1910. S. 543.*
- ⁷¹ DM. 88.
- ⁷² *Gerberding R. The Rise of the Carolingians. P. 89—90.*
- ⁷³ *Wood I. The Vita Columbani and Merovingian Hagiography // Peritia. 1982. Vol. 1. P. 80.*
- ⁷⁴ *Scheibelreiter G. Ein Gallorömer in Flandern: Eligius von Noyon. S. 127—128.*
- ⁷⁵ *Vita Audoini episcopi Rotomagensis. 15—17.*
- ⁷⁶ Традиция исследования Сен-Дени именно как королевского монастыря сложилась в Средневековье, но она получила яркое выражение в начале XVIII в. в работе Фелибьена: *Felibien M. Histoire de l'abbey royale de Saint Denys en France. P., 1706.*
- ⁷⁷ Тема памяти стала одной из важнейших для исследователей после появления работы Ж. Ле Гоффа (*Le Goff J. History and Memory. N.Y., 1992*), в которой автор утверждал, что в средневековом обществе отсутствовал интерес к прошлому (Р. 13). Однако целый ряд работ, написанный в рамках полемики с этим тезисом, показал, что в Средние века существовала

- «культура памяти», которая позволяла иметь представление о прошлом и без историографии в современном смысле слова. См.: *Memoria: Der geschichtliche Zeugniswert des liturgischen Gedenkens im Mittelalter*. Bd. 48 / Hrsg. von K. Schmid, J. Wollasch. München, 1984. S. 786; *Memoria in der Gesellschaft des Mittelalters* / Hrsg. von D. Geuenich, O.G. Oexle. Göttingen, 1994; *Memoria als Kultur* / Hrsg. von O.G. Oexle. Göttingen, 1995; *Caruthers M.J. The Book of Memory: A Study of Memory in Medieval Culture*. Cambridge, 1990; *Geary P. Phantoms of Remembrance: Memory and Oblivion at the End of the First Millenium*. Princeton, 1994; *Remensnyder A. Topographies of Memory: Center and Periphery in High Medieval France // Medieval Concepts of the Past: Ritual, Memory, Historiography* / Ed. by G. Althoff, J. Fried, P. Geary. Washington, 2002. P. 193—214.
- ⁷⁸ *Spiegel G.M. The Chronicle Tradition of Saint-Denis*. Brookline, 1978.
- ⁷⁹ *Prinz F. Frühes Mönchtum*. S. 140.
- ⁸⁰ *Semmler J. Saint-Denis: Von der bischöflichen Coemeterbasilika zur königlichen Benediktinerabtei // La Neustrie: La pays au nord de la Loire de 650 à 850*. Sigmaringen, 1989. Bd. 2 / Hrsg. von H. Atsma. S. 88, 123.
- ⁸¹ *Levillain L. Études sur l'abbaye de Saint-Denis à l'époque Mérovingienne I // Bibliothèque de l'École des chartes*. 1921. T. 82. P. 5.
- ⁸² *Vita Sanctae Balthildis; Fouracre P., Gerberding R.A. Late Merovingian France*. P. 114.
- ⁸³ *L'École de médecine de Montpellier*, MS. 55; *Sankt-Gallen*, Hs. 230.
- ⁸⁴ *Levillain L. Études*. I. P. 11.
- ⁸⁵ Как постарался показать Годефруа Курт, житие относится к началу VI в.: *Kurth G. Étude critique sur la Vie de sainte Geneviève // Études franques*. P., 1919. T. 1. P. 1—96. Левиллен согласился с этой точкой зрения: *Levillain L. Études*. I. P. 11. С другой стороны, Ж. Аве утверждал, что это источник IX в.: *Havet J. Les origines de Saint-Denis // Bibliothèque de l'École des chartes*. 1890. T. 51. P. 38.
- ⁸⁶ *Les vies anciennes de sainte Geneviève de Paris: études critiques / Sous la dir. de M. Heinzelmann, J.-C. Poulin, M. Fleury*. P., 1986.
- ⁸⁷ Примером такого подхода может служить *Semmler J. Saint-Denis*. S. 80—81.
- ⁸⁸ *Gesta Dagob*. Pt. 1. 17, 33.
- ⁸⁹ *Crosby S.M. The Royal Abbey of St-Denis from Its Beginning to the Death of Suger, 475—1151* / Ed. by P. Z. Blum. New Haven, 1987. P. 9. Противоположной точки зрения придерживается: *Ewig E.*

- Die fränkische Teilreiche. S. 179. Автор подчеркивал роль Дагоберта в перемещении места захоронений короля и членов династии из Сен-Жермэн-де-Прэ в Сен-Дени.
- ⁹⁰ *Van Dam R. Saints and Their Miracles in Late Antique Gaul.* Princeton, 1993. P. 27; *McKitterick R. The Frankish Kingdoms under the Carolingians, 751—987.* L., 1983. P. 90.
- ⁹¹ DM. 90 // PL. Vol. 71. Col. 1198. О достоверности пожертвованной см.: *Levillain L. Études sur l'abbaye de Saint-Denis à l'époque Mérovingienne // Bibliothèque de l'École des chartes.* 1926. T. 87. P. 346. О Дагоберте как о "terminus a quo" в введении этой практики в Галлии см.: *Prinz F. Frühes Mönchtum.* S. 107.
- ⁹² *Semmler J. Saint-Denis.* S. 88.
- ⁹³ *Ibid.* S. 86.
- ⁹⁴ *Ibid.* S. 80.
- ⁹⁵ *Crosby S.M. The Royal Abbey of St-Denis from Its Beginning to the Death of Suger, 475—1151.* P. 9. Ср.: *Ewig E. Die fränkische Teilreiche.* S. 92. Ученый, вслед за «Деяниями короля Дагоберта», подчеркнул роль этого правителя в переносе корлевской усыпальницы из Сен-Жермен-де-Пре в Сен-Дени.
- ⁹⁶ *Havet J. Les origines de Saint-Denis.* P. 38.
- ⁹⁷ *Levillain L. Études I.* P. 26—28.
- ⁹⁸ См., например: *Bouvier-Ajam M. Dagobert.* P., 1980.
- ⁹⁹ *Gesta Dagob.* S. 396—398; *Levison W. Zur Kritik der Fontanellenser Geschichtsquellen // Neues Archiv.* 1900. Bd. 25. S. 606—607.
- ¹⁰⁰ *Levillain L. Études I.* P. 116.
- ¹⁰¹ *McKitterick R. The Frankish Kingdoms under the Carolingians, 751—987.* P. 90.
- ¹⁰² *Ven. Fort. Carm.* S. 185; *Ven. Fort. Vita Martini.* Строка 633.
- ¹⁰³ См., например: *Wood I. The Ecclesiastical Politics of Merovingian Clermont // Ideal and Reality in Frankish and Anglo-Saxon Society: Studies Presented to J.M. Wallace-Hadrill / Ed. by P. Wormald, D. Bullough, R. Collins.* Oxford, 1983. P. 57. О культуре св. Мартина и о значении Тура см.: *Van Dam R. Leadership and Community.* P. 180—200.
- ¹⁰⁴ Так был назван этот процесс у J. Semmler'a.
- ¹⁰⁵ *Bruhl C. Palatium und civitas: Studien zur Profantopographie spätantiker Civitates vom 3 bis 13 Jahrhundert.* Gallien; Köln, 1975. Bd. 1. S. 28.
- ¹⁰⁶ См. дискуссию с рассмотрением историографической традиции в: *Semmler J. Saint-Denis.* S. 86—87.
- ¹⁰⁷ *Levillain L. Études sur l'abbaye de Saint-Denis à l'époque Mérovingienne // Bibliothèque de l'École des chartes.* 1925. T. 86. P. 98; *Levillain L. Études III.* P. 21—53.

- ¹⁰⁸*Semmler J.* Saint-Denis. S. 85.
- ¹⁰⁹*Ewig E.* Die fränkische Teilungen. S. 171.
- ¹¹⁰*Fred.* Chron. Lib. 4. 85.
- ¹¹¹*Ewig E.* Die fränkische Teilreiche. S. 206—207.
- ¹¹²*McKitterick R.* The Frankish Kingdoms under the Carolingians, 751—987. P. 89—90.
- ¹¹³*Ewig E.* Die fränkische Teilreiche. S. 210—211; *Idem.* Das Privileg des Bischofs Berthefrid von Amiens für Corbie von 664 und die Klosterpolitik der Königin Balthild // Spätantikes und fränkisches Gallien: Gesammelte Schriften. Zürich, 1976. Bd. 2. S. 584.
- ¹¹⁴*Ewig E.* Die fränkische Teilreiche. S. 210—211.
- ¹¹⁵*Ibid.* S. 211.
- ¹¹⁶*Ibid.* S. 214.
- ¹¹⁷*Ewig E.* Beobachtungen zu den Klosterprivilegien des 7. und frühen 8. Jahrhunderts // Spätantikes und fränkisches Gallien: Gesammelte Schriften. Ostfildern, 1976. Bd. 2. S. 215—216.
- ¹¹⁸*Stoclet A.* Evidicatio et petitio: Le recouvrement de biens monastiques en Neustrie sous les premiers Carolingiens, l'exemple de Saint-Denis // La Neustrie: La pays au nord de la Loire de 650 à 850. Sigmaringen, 1989. Bd. 2 / Ed. H. Atsma, K.F. Werner. P. 125—126.
- ¹¹⁹*Levillain L.* Études I. P. 22—24.
- ¹²⁰См., например: *Stoclet A.* Evidicatio et petitio. P. 125—130.
- ¹²¹*Geary P.* Phantoms of Remembrance: Memory and Oblivion at the End of the First Millenium. P. 170—181.
- ¹²²Подобный вывод, хотя и не в отношении меровингской Нейстрии, делает М. Иннс, см.: *Innes M.* State and Society. P. 260.
- ¹²³*Rosenwein B.* To Be the Neighbor of St-Peter: The Social Meaning of Cluny's Property, 909—1049. Ithaca;New York, 1989. P. 47—77, 202—207; *White S.D.* Custom, Kinship, and Gifts to Saints: The "Laudatio Parentum" in Western France, 1050—1150. Chapel Hill, 1988. P. 151—176; *Hartung W.* Adel, Erbrecht, Schenkung: Die strukturellen Ursachen der frühmittelalterlichen Besitzübertragungen an die Kirche // Gesellschaftsgeschichte: Festschrift für Karl Bosl zum 80 Geburtstag. München, 1988. Bd. 1 / Hrsg. von F. Seibt. S. 429.
- ¹²⁴*Wood I.N.* The Merovingian Kingdoms. P. 182.

Глава III
Король и суд:
правовая культура
и ритуалы королевской
власти

§ 1. Судебные протоколы меровингской Нейстрии: происхождение и особенности

Судебные протоколы — частный случай ранне-средневековых правовых актов — значительно отличаются по характеру от нарративных историй и житий и позволяют дополнить картину происходившего в Галлии в VII в. Отличаются они также и от грамот, которые составляли в течение долгого времени основу наших представлений о юридических документах этой эпохи. Судебные протоколы (как и другие правовые акты) ученые использовали в основном для исследования истории институтов королевской власти и права. Однако в данной главе будет сделана попытка показать, что в этих документах отразился ряд важных представлений о королевской власти, а не только стандарты административной грамотности; кроме того, картина, описываемая протоколами судебных заседаний, имеет самостоятельное значение и не сводится к той, которую можно увидеть в исторических и агиографических сочинениях.

Сохранившиеся записи меровингского королевского суда (относящиеся к VII—VIII вв.), наряду с формулярием из Анжера (“*formulae Andecavenses*”), являются интересным примером правовых источников, впитавших как традиции Поздней Античности, так и реалии Раннего Средневековья, и дают возможность посмотреть на взаимодействие королей, епископов, аббатов и представителей знати с особой точки зрения¹. Данные протоколы суда (традиционно называемые современными исследователями “*placita*”) возникли как результат фиксации хода судебных заседаний при дворе меровингских коро-

лей Нейстрии (северо-западной Галлии) во второй половине VII—первой четверти VIII в. Первая из этих записей относится к 653 г., а последний из меровингских документов подобного рода — к 715 г. Подавляющее большинство текстов запечатлело иски, связанные с монастырем Сен-Дени, усыпальницей франкских королей.

Документы позволяют рассмотреть вопрос о путях синтеза римского и варварского начал в правовых традициях королевства франков. Как считали специалисты в области истории права, в сфере правовой культуры королевство франков вобрало в себя как римские, так и варварские черты². На уровне осуществления королевской юрисдикции, как считается, государство франков оставалось варварским³. В частности, в доказательство этого тезиса исследователями приводились свидетельства Григория Турского о том, что некоторые преступления наказывались смертной казнью королевской прерогативой⁴. Клятва верности, которую приносили обитатели территорий, присоединяемых франками, передавалась франкским словом “*leudesamium*”, что означало для ученых XIX в. наличие в правовой культуре сильного влияния германской правовой традиции⁵. Правда, даже «германисты» признавали — в королевстве франков не было механического воспроизведения германских традиций; они творчески адаптировались к требованиям времени⁶. Королевская власть вводила новые порядки в правовые традиции варварского франкского общества⁷. Как считают исследователи, у франков, в отличие от других королевств, право служило для подчинения королем поданных, а не для защиты их от произвола верховной власти⁸. Но королевство франков было наследником

Римской империи по ряду признаков: правители его обладали абсолютной властью, свойственной императорской⁹. Для поддержания мира (“mundium”) короли заключали в своих руках всю полноту власти¹⁰. Кроме того, галло-римляне чувствовали себя уверенно среди франков¹¹. Церковь наделялась особыми привилегиями, и была фактически единственной силой, способной оспаривать власть королей¹². Так, например, Хильперик не мог наложить руки на Претекстата, епископа Руана, пока его не отлучил от должности собор¹³. Сложившиеся представления обладают рядом неточностей, и обращение к судебным протоколам способно помочь нам уточнить характер романо-германского синтеза в области правовых традиций и, в особенности, в сфере представлений современников о границах королевской юрисдикции.

В ряде работ медиевисты рассмотрели судебные протоколы с различных точек зрения. К ним обращались, дабы показать, что королям удавалось поддерживать порядок в меровингской Галлии и приводить правонарушителей к ответу¹⁴. В фундаментальном исследовании дипломатики этих протоколов было проведено их детальное сравнение с обычными королевскими грамотами. Сопоставление оказалось не в пользу первых, потому что судебные записи были выполнены неряшливо и, как казалось исследователю, лишены строгого протокола, который отличал королевские дипломы¹⁵. Записи отличались друг от друга написанием слов, грамматическими особенностями и, тем более, — протоколом, что говорило ученым об их случайном характере¹⁶. Третье исследование, не уделив много внимания именно судебным протоколам, акцентировало важную проблему — насколько данные судебные запи-

си связаны по форме с императорским рескриптом¹⁷. Необходимо поставить вопрос о том, в какой степени указанные документы отражают представления о роли королевской власти в создании практики взаимодействия между светской властью, знатью и церковью. Ведь именно эти источники — в отличие от историй и житий — были прямым результатом поиска согласия между королями, епископами, аббатами и знатью.

При изучении судебных записей из меровингской Галлии исследователи допускают терминологические неточности, анализ которых дает возможность поставить вопрос о прерогативах властителя в меровингской Галлии. Среди англоязычных ученых стало обычным называть подобные судебные записи словом “*placita*”¹⁸. Эта традиция берет начало в Высоком Средневековье, т.к. термин “*placitum*” стал широко применяться для обозначения заседаний королевского суда только в послекаролинскую эпоху, в X—XI вв.¹⁹ В XII—XIII вв. хранители монастырского архива Сен-Дени, следуя обычаям своего времени, именовали их именно так, о чем свидетельствуют пометки, находящиеся на «дорсальной» (оборотной) стороне грамот. Однако употребление данного термина может затруднить понимание процессов, происходивших в меровингской Галлии. Ведь словом “*placitum*” в Поздней Античности обычно назывались договоренности, которые могли не быть связаны с судебными заседаниями, а тем более с заседаниями наместнического суда или с петициями императору²⁰. С началом домината императорская канцелярия (“*officium a libellis*”) приобрела большое влияние в формулировании практики частного права, и может показаться неудивительным, что в Раннем Средневековье указанные традиции сохранились²¹.

Об этом, казалось бы, свидетельствует и сравнение меровингских судебных записей с императорскими рескриптами времен поздней империи. Как и последние, меровингские судебные документы начинались с имени короля, а затем следовало приветствие (“*virgi inlustri*”), которое напоминало об обращении императора к важнейшим лицам своей империи, характерное для этого типа документов²². Ведь рескрипты, коими императоры отвечали на запросы, направленные в их адрес по поводу сложных аспектов частного права, стали одним из важнейших источников правовой практики в Поздней Античности.

Однако именно сравнение с императорским рескриптом дает возможность поставить вопрос о том, каковы были представления о прерогативах властителей в области судопроизводства. Ведь в V в. восприятия роли рескриптов и эдиктов как источника права претерпели серьезные изменения. Хотя императоры не участвовали лично в судебных заседаниях, особенно по частным искам, в ходе IV в. запросы мнения императора или его окружения знатью и влиятельными людьми приобрели характер эпидемии. В ответ на это в 398 г. и в 426 г. вышли постановления, в которых императорские рескрипты и эдикты, в большинстве своем полученные таким способом, были лишены юридического приоритета по сравнению с нормами традиционного римского права; именно их юристы изучали в школах и применяли в судах²³. При императоре Феодосии III — в период между 429 и 438 гг. — предприняли успешную попытку составить сборник, сведя в нем все постановления, которые могли использоваться в качестве источника права²⁴. Ученые спорят о том, являлся ли этот сбор-

ник единым законом империи. Можно утверждать — он представлял установления, и именно на них юристы ссылались в суде. Процесс создания Кодекса Феодосия позволяет понять процедуру, благодаря которой эдиктам императора был придан статус источника права. Данный Кодекс составлен юристами, издан императором, а затем утвержден сенатом сначала восточноримской, а позже Западноримской империи в 438 г.²⁵ Процедура дает возможность заключить — в поздней Римской империи прерогативы императора в области частного права были сильно ограничены, и только сложные ритуалы придавали постановлениям легитимный статус правовой нормы.

С падением Западной Римской империи представление о прерогативе властителей высказывать свое мнение по спорным вопросам частного права и способствовать установлению норм в этой сфере изменились ненамного. Ученые предположили, что властители королевств, сменивших имперскую администрацию, во многом подражали императорам. Было показано — издание варварских правд во многом проходило с соблюдением процедуры и формальностей, характерных и для издания Кодекса Феодосия²⁶. Например, Бургундская правда представляет из себя сборник постановлений по отдельным юридическим вопросам, выпущенным королями бургундов в период между серединой V в. и началом VI в. Исследователи уподобляют сборник законов Кодексу Феодосия: в нем постановления королей, «конституции», были сведены в одну рукопись, и этому тексту в итоге придали статус закона бургундов в собрании знати и других влиятельных людей²⁷. При составлении Салической правды, возможно, тоже сыграли

свою роль представления о том, что король не имел права издавать законы, относившиеся к сфере частного права. Королевский нотариус Бадило был ответственен за запись Салической правды, однако сам текст составлен от лица неких четырех судей, знатоков традиционного права²⁸. Таким образом, очевидно, что представления об ограниченности королевской юрисдикции в области частного права сохранились во многих варварских королевствах, образовавшихся на руинах западной части империи. Поэтому возникает вопрос — насколько судебные записи, повторявшие форму императорского рескрипта, отражали знание подобных представлений? Вопрос также и в том, была ли их форма наполнена реальным содержанием, и может ли их появление считаться признаком сохранения римской юридической культуры и грамотности.

На основании исследования хроник и житий ученые делали вывод о том, что королевский двор выступал в качестве высшей судебной инстанции в государстве франков времени правления Меровингской династии²⁹. Это не вызывает сомнения, т.к. даже те группы знати, которые стремились к увеличению влияния во Франкском королевстве, могли возвести на престол своего ставленника, но никогда не подвергали сомнению право существующего правителя на последнее слово в области разрешения споров и конфликтов³⁰. Однако проблема судебных прерогатив короля и правовой культуры королевского окружения представляется весьма интересной с точки зрения задач, которые поставлены в настоящем труде. А именно — исследование записей королевского суда способно дать ответ на вопрос о том, как долго сохранялась в Галлии позднеантичная правовая

культура, нашедшая выражение в Кодексе Феодосия (438 г.). Мы знаем, что несколько списков этого памятника сохранилось во Франкском королевстве, и поэтому вопрос о преемственности правовой культуры становится особенно актуальным³¹.

В качестве отправной точки нашего доказательства обратимся к тому факту, что название судебных записей дает возможность утверждать — в меровингской Галлии уцелели представления об ограниченности прерогатив верховной власти в области судопроизводства и частного права, характерные для поздней империи. Так, писцы, составлявшие судебные записи времен Меровингов, не называли их или судебные заседания в присутствии короля как “*placitum*”, а взамен употребляли слова “*praesceptiones*”, “*carta paricla*”, а также другие понятия³². В документах термином “*placitum*” обозначались судебные заседания, проходившие до того или после того, как дело дошло до короля³³. Очевидно, в Галлии правители и их окружение сознавали разницу между королевским судопроизводством и обычной тяжбой, а в государстве франков существовали представления о границах королевской юрисдикции. Документы дают возможность выдвинуть гипотезу относительно практики королевской власти: возможно, правовая культура “*cugia regis*” была достаточно высокой, и государи обращали внимание на позднеантичные модели поведения властителей в отношении юрисдикции и права. Судебные протоколы позволяют исследовать, как именно достигалось согласие в суде, где свои претензии могли предъявлять люди, стремившиеся к власти.

§ 2. Суд и король

Интересно обратиться к содержанию судебных записей и сравнить их со сведениями о королевском суде, содержащимися в нарративных источниках. Цель этого сопоставления состоит в том, чтобы понять, как выстраивалась практика согласия и взаимодействия на заседаниях королевского суда в меровингской Галлии. Исследование агиографических источников показывает — несмотря на сложившееся в историографии представление судебные заседания не были политическими процессами, в ходе которых короли попирали правовые нормы для того, чтобы наказать своих противников. Жития святых описывают несколько попыток использовать судебные заседания как способ борьбы за власть, и они дают возможность сделать интересные выводы. В конце 60-х гг. VII в. майордом короля Нейстрии Эброин, вероятно, пытался начать дело против епископа Леодегара Отенского, который набирал влияние при дворе. Житие употребляет термин “*causa*”, что дает возможность предполагать именно правовое истолкование текста³⁴. Однако король Хлотарь умер, делу не был дан ход, а положение самого Эброина пошатнулось. В 70-е гг. VII в. префект Лиона Гектор оспорил право епископа этого города Праэкта осуществлять опеку над собственностью знатной женщины, жены Гектора. Он обратился к епископу бургундского города Отена Леодегару, который в этот момент являлся влиятельным советником короля Нейстрии Хильдеберта II. Делу дали ход, и процесс начался, но продолжался он недолго. Благодаря вмешательству родственников короля процесс был остановлен, Гектор бежал, но его настигли и убили³⁵. Эти два примера

говорят о том, что попытки использовать королевский суд только на основе личных связей с окружением государя без надлежащих юридических оснований не приводили к желаемому результату.

Изучая протоколы королевских судов, П. Форакр подчеркнул, что они свидетельствуют о попытках королей поддерживать правовой порядок в Галлии. Ученый обратил внимание на роль королевского двора в сохранении порядка и равновесия между группами знати³⁶. Однако одновременно с этим исследователь сделал слишком сильное ударение на то, что заседания служили для разрешения «конфликтов». При прочтении его работ создается впечатление, будто королевство франков балансировало на краю бездны, и только его государи могли поддерживать мир, используя свою судебную власть. Тем не менее, стоит посмотреть, в чем состояли эти «конфликты», и действительно ли они угрожали разрывом социальных связей и правовым коллапсом.

Судебные протоколы начинают появляться в период правления регентши Балтхильды, попытка которой удержаться у власти после смерти своего мужа короля Хлодвига II привела к ряду драматических событий в истории Нейстрии. Но судебные заседания меровингских правителей середины VII в. не отражают тех конфликтов, которые возникли в королевстве франков после того, как Балтхильда стала «регентшей» при своих малолетних сыновьях после смерти супруга в 653 г., несмотря на то, что суд в это время рассмотрел нескольких исков. Изменение баланса власти привело к переделу собственности, но правители и их окружение были мало с ним связаны. Например, в 658 г. в суде рассматривался иск администрации («*agentes*») монастыря Сен-Дени к землевладелице Ингоберге³⁷.

Она попыталась доказать свои права на землю, которая осталась после кончины её мужа Эрмелена, и которую он в свое время передал супруге, заключив договор о совместном владении (“*carta composcionalis*”). Представители монастыря объявили, что ее муж сам держал землю условно, в качестве прекария, а потому Ингоберга может рассчитывать только на те же условия³⁸. Интересно отметить, что само по себе право вдовы на собственность своего скончавшегося мужа не оспаривалось. Распорядители собственности монастыря принесли документы, подтверждающие факт заключения договора о держании между Эрмеленом и монастырем, которое, как можно предположить, имело место уже после бракосочетания с Ингобергой. Случай, конечно же, был достаточно сложным, т.к. в нем сталкивались два юридических принципа — право жены на собственность мужа после заключения договора о совместном владении (“*carta composcionalis*”) и его право (как владельца) заключать договор об условном владении земли с монастырем. Монастырь Сен-Дени, находясь в Париже, представлял собой важный элемент баланса власти. Однако следует заметить — процесс не имел непосредственного политического отзвука, как это бывало, например, в VI в. Имя Эрмелена не появляется ни в одном документе или хронике (кроме данного судебного заседания), и поэтому напрашивается вывод — этот человек не был одним из влиятельных членов курии или противников двора. Связь между судебным делом и политическими изменениями существовала только на общем уровне взаимосвязи материального и политического бытия.

В 658 г. разбирательство по поводу собственности Эрмелена продолжилось³⁹. В данном случае речь шла

о том, что этот землевладелец, очевидно, подарил свои земли некоему Бероальду, и выговорил себе право держать их. Узнать, кто был Бероальд, представляется возможным только из дальнейшего рассмотрения контекста судебного заседания. После смерти Эрмелена возник спор между его сыном Годдоном, и Бероальдом. Дело принесли в королевский суд распорядители монастыря Сен-Дени, стремившиеся выговорить себе право распоряжения собственностью. Поскольку они оспорили право Годдона на наследование, становится ясно, что Бероальд, скорее всего, был каким-то образом связан с Сен-Дени, или поручил монастырю распоряжаться землями. Более того, т.к. по окончанию дела именно Бероальд и распорядители Сен-Дени получили право на владение собственностью, наше первоначальное предположение относительно взаимоотношения Бероальда и Сен-Дени подтверждается. Ясно, что судебное решение закрепило приоритет договора о держании, ранее заключенного Бероальдом и Эрмеленом, и подвергло сомнению права вдовы и сына на полное (т.е. не условное) владение этой собственностью. Епископ Ле Манса Берхарий оказался непосредственным образом замешан в тяжбе, т.к. имел право на распоряжение одной третью доходов, получаемых от данной собственности. В ходе разбирательств суд обязал его вернуть права на третью часть монастыря, что он и согласился сделать. Таким образом, королевский суд снова подчеркнул неизбежность процедуры и результатов передачи земель в держание.

Первое судебное решение по этому процессу, написанное от имени короля Хлотаря III, показывает, что королевское окружение четко разделяло прерогативы государя как верховного арбитра и право выносить юридически обоснованное решение, которое, как видно

из документов, принадлежало графу дворца. Последнему было дано поручение проверить решение суда по передаче земли монастырю Сен-Дени. В частности, ему полагалось удостовериться в соблюдении юридических формальностей и установить подлинность документов⁴⁰. Подобные prerogatives значили очень много, т.к. именно проверка подлинности грамот часто приводила к полному изменению хода процесса. Об этом, например, свидетельствует Григорий Турский, когда он пишет об изгнании Эгидия, епископа Реймса, произошедшем в 590 г. В частности, в критический момент заседания суда епископов были отложены на три дня, чтобы дать обвиняемому иерарху возможность подготовить опровержения представленных документов и оправдание своих действий⁴¹. Поэтому несмотря на то, что король вынес решение в пользу Сен-Дени в деле о собственности Эрмелена, он и его двор фактически переложили решение на графа королевского дворца, т.к. они дали ему право либо одобрить решение, либо признать — процесс провели с нарушением формальностей⁴². Это разделение судебных полномочий напоминает практику поздней Римской империи, в соответствии с которой верховную судебную власть представлял префект претория, а император имел право быть верховным арбитром⁴³.

Тяжба между Сен-Дени и епископом Ле Мана Берхарием, который стал покровителем вдовы Эрмелена, потребовала присутствия большого количества королевских чиновников. Грамота упоминала сенешаля (имя которого не читается), референдариев Видрахата и Ансеберта, и графа дворца Халдолоальда. Но в этом случае графа дворца не попросили проверить юридические формальности, хотя к нему обратились, когда понадобилось подтверждение того, что один из держа-

телей спорной земли пользовался ей не менее десяти лет. Таким образом, во втором разбирательстве роли отдельных королевских чиновников распределились по-другому, чем в первом случае, и граф дворца, как оказывается, тоже был ограничен в своих прерогативах. Видимо, присутствие высших государственных чиновников при разбирательстве удовлетворяло представлениям королевского окружения о том, что высшая юрисдикция принадлежала главе страны лишь отчасти.

Несмотря на постепенное усиление майордома Эброина в 670-е гг. и связанной с этим борьбой за власть, разбирательства в королевском суде по-прежнему ограничивались частными исками по поводу условного держания, и никто из враждовавших с майордомом исторических личностей в них не появлялся.

Следующая в хронологическом порядке запись из королевского суда относится к 679 г. В этом году разбиралось дело Амальгара, землевладельца, удержавшего за собой земли, которые он и его отец держали от Берты, и ее дочери Ахильды⁴⁴. Фактически ситуация была идентична делу монастыря Сен-Дени против Эрмелена и Ингоберги. В обоих случаях имел место договор условного держания земли. Эрмелен, передав земли супруге в совместное пользование, затем заключил договор условного держания на них, что и привело к необходимости выяснять права на землю в суде. В случае с Амальгаром его отец и он сам были держателями, в то время как владельцами являлась Берта и ее дочь Ахильда. Проблема, таким образом, как и в предыдущем случае, состояла в согласии землевладельцев с практикой условного держания. Однако решение оказалось противоположным — суд признал право Амальгара (держателя) на земли с тем условием, если он до-

кажет, что он держал их более тридцати лет. В то время как по делу Эрмелена суд принял решение в пользу владельца земли (монастыря Сен-Дени), в случае с Амальгаром он решил дело в пользу держателя, а владелица земли проиграла. Решение обосновано принципом — земля переходит к тому, кто ее держит, после тридцати лет пользования. Это правило широко применялось в договорах эмфитевзиса, распространенных в Византии и в областях Италии, находившихся под культурным и политическим влиянием державы ромеев⁴⁵. Однако кроме указанного случая, нет свидетельств того, что в Галлии эмфитевзис пустил глубокие корни. Это дает возможность задуматься, каков был процесс выбора правовых норм в ходе судебных заседаний, а также предположить, что в меровингском королевском суде могли использоваться правовые принципы, заимствованные из других областей Европы.

Исследование последующих процессов показывает, что условное владение земельной собственностью (практика, которая получила развитие в последующие периоды в виде бенефиция или прекария) в меровингскую эпоху действительно являлось слабым звеном в землевладении в позднемеровингских королевствах. Например, в 691 г. состоялось разбирательство дела, возникшего из-за местечка Нуази (“Noisy”)⁴⁶. Это поселение было отдано некоему Варину, который затем стал графом Парижа. После оно перешло к Ингоберту, который был связан в Варином семейными узами. Он и его жена Ангантруда в итоге передали Нуази монастырю Сен-Дени. Затем была достигнута договоренность между аббатом Сен-Дени Хайноном, Магноальдом, аббатом монастыря “Tussonneville”, и королем Теодерихом III, в соответствии с которой дохо-

ды с этой земли делились между всеми заинтересованными сторонами. Магноальд и майордом Берхарий затем договорились о пользовании собственностью. Дрогон, сын Пипина II (одного из родоначальников династии Каролингов), был женат на дочери Берхария. Он предъявил требование к монастырю вернуть земли. Таким образом, его претензии были основаны только на том факте, что его тесть когда-то участвовал в разделе монастырских «десятин»⁴⁷. В данном случае семья майордома попыталась использовать ту неясность, которую создавала теоретическая возможность женщин на владение собственностью своих родителей. Несмотря на то, что все подобные случаи, рассматривавшиеся в суде до этого, ясно подчеркнули — даритель земли, получая ее в держание, лишал своих потомков каких-либо прав, семья майордомов отважилась на доведение дела до суда. Интересно, однако, что в данном случае Дрогон проиграл, т.к. у него не было документов для обоснования своего иска. Исследователи указывают, что отсутствие документов сыграло решающую роль⁴⁸. Однако по своей тенденции не признавать право женщин на собственность, которой владел какой-либо из мужчин в ее семье, данный случай вписывается в общие рамки развития права в позднеримских королевствах франков.

У всех этих судебных заседаний есть общий знаменатель: по сути, в них шёл разговор о праве женщин на владение землей. Меровингские короли признавали право знатных женщин на владение собственностью, о чем говорит подтверждение прав одной родовитой дамы, изданное Хлодвигом II в 639/640 г.⁴⁹ Право вдовы на собственность мужа — одно из постоянных источников споров во франкской Галлии. Об этом свидетель-

ствует и Григорий Турский⁵⁰. Во всех случаях, о которых говорят записи заседаний королевского суда, женщины или их родственники проиграли, а земли были переданы монастырю Сен-Дени и его управителям. Классическое римское право и декреты императоров позволяли женщинам владеть собственностью; как правило, она должна была быть передана отцом или мужем⁵¹. Нормы из Кодекса Феодосия или, по крайней мере, из Бривария Алариха, были известны клиру в меровингской Галлии. В “*Passio Leudegarii*” автор ссылается на закон, запрещающий проводить судебные заседания во время Пасхи⁵². В Бургундской правде признается право вдовы, вступившей вместе с сыновьями во владение собственностью своего умершего мужа, распоряжаться ею и, в частности, продавать⁵³. Однако казусы, рассмотренные при дворе меровингского короля, оказались сложными, т.к. ни Кодекс Феодосия, ни варварские правды не дают ответа на то, что нужно было делать в случаях, когда право женщины противоречило договору об условном держании земли. Они возникли не из борьбы группировок за влияние при королевском дворе, т.к. ни одно из имен, упомянутых в этих разбирательствах, не фигурирует в хрониках или житиях меровингских епископов, а из настоящих правовых казусов.

У изложенных случаев — кроме права женщин и вдов на владение землей — есть еще один общий знаменатель. Примером является дело, рассмотренное в 693 г. в присутствии короля Хлодвига III. Декан Хротхарий (вероятно, церкви Сен-Дени) начал в суде дело против некоего Куниберкта относительно деревень под названиями “*Nialcha*”, “*Childulfovilla*”, “*Buxsito*”, “*Bacio*” “*Superiore*” и “*Bacio Superiore*”⁵⁴. Суть дела состояла в том, что землевладелец удержал земли, которые, как уверял клирик,

были ранее переданы церкви его отцом и представляли из себя условное держание. Причина конфликта, как кажется, состояла в следующем — землевладелец решил в одностороннем порядке пересмотреть передачу земли монастырю своим отцом и вернуть родовую собственность. Данная запись отличается от других, т.к. мы не знаем, чем закончилось это дело. Суд присудил Хротхарию появиться через 40 дней с документами, удостоверявшими передачу земли и факт ее передачи в условное держание Куниберкту. К сожалению, документа, который бы описывал конец данной тяжбы, либо никогда не существовало, либо он не сохранился. Однако когда в 751 г. аббат Сен-Дени Фульрад поставил перед франкским майордомом Пипином вопрос о возвращении многих земель монастыря, некоторые из упомянутых деревень присутствовали в списке. Например, грамота Пипина Фульраду упоминает “*Vacivo Superiore*”, “*Vacivo Supteriore*” и “*Nialcha*”⁵⁵. Неясно, правда, перешли ли эти деревни к монастырю еще в 691 г., и затем снова были утрачены, или же требования Фульрада упоминали деревни именно потому, что Хротхарию в свое время не удалось доказать факт их передачи обители и последующей отдачи на условиях держания. В данном деле снова идет речь о характере держания земли и попытках монастыря Сен-Дени создать систему условного держания. К этому же типу споров относится и большинство остальных меровингских судебных записей⁵⁶.

Все случаи, которые рассматривались в королевском суде в VII в., возникли из-за того, что нормы условного (прекарного) держания земли еще не получили широкого распространения⁵⁷. Более того, мы видим, что в документах идет речь о разделе податей, а это говорит, скорее всего, об их монетарном, но не

натуральном характере. Деревни и местечки, становившиеся предметом споров (между светскими и церковными лицами), не являлись средневековыми доменами, а продолжали оставаться в том состоянии, в котором они были еще в провинции Римской империи⁵⁸. Система бенефициев не сложилась в эту эпоху — современники активно оспаривали саму идею условного держания, за нее выступали только патроны монастыря Сен-Дени. Протоколы судебных заседаний рисуют более сложную картину структуры власти и ее отражения в источниках, чем та, которая возникает при исследовании Салической правды, формуляриев и отдельных грамот.

§ 3. Политика согласия и король как арбитр

Рассмотренные источники дают возможность предположить, что судебные заседания при меровингском королевском дворе не были результатом «политической» борьбы, они имели своей целью установление согласия между сторонами и различными группировками в ситуации, в которой существовавшие правовые нормы не могли помочь урегулировать спор. Это становится особенно заметно в 680-е гг., когда власть меровингских королей подвергается осаде со стороны майордомов. Но в указанное время король Нейстрии еще был достаточно силен, чтобы настаивать на своем. В частности, представители (“*agentes*”) Сен-Дени оспорили права Дрогона, сына майордома Пипина, на собственность, которая ранее принадлежала Варину, графу Парижа и брату епископа Леодегара Отенского⁵⁹. Право Варина владеть этой землей являлось важнейшим фактором политики в реги-

оне, т.к. его брат обладал огромнейшим влиянием при дворе франкского короля Нейстрии⁶⁰. В борьбе с епископом Леодегаром Теодорих III конфисковал собственность и отдал ее монастырю Сен-Дени. Когда позже Теодорих III был взят под стражу Хильдериком II, майордом вызвался позаботиться о Сен-Дени и владениях обители⁶¹. Это создало затяжной конфликт между майордомами и монастырем, потребовавшим присутствия большого количества епископов и представителей знати на судебном заседании. Хильдерiku II было важно обеспечить согласие между Сен-Дени и семьей майордома, двумя важнейшими опорами власти королей Нейстрии, и он хотел, чтобы вся знать и королевские чиновники своим влиянием поддержали это решение⁶².

Как было показано выше, ученые, как правило, подходили к вопросу о королевском суде с точки зрения важности его роли в урегулировании конфликтов, и отмечали эффективность судебных собраний для поддержания порядка в мерovingской Галлии⁶³. Ученые обычно разбивают судебные записи на две группы — настоящие и «притворные» процессы. Под последними подразумеваются заседания в конце VII—начале VIII в., когда в суде фактически санкционировалось право собственности, и юридического конфликта не существовало⁶⁴. Однако ранние процессы, рассмотренные в данной работе, показывают, что по сути они мало чем отличались от более поздних разбирательств. Основной причиной возникновения тяжб было отсутствие четких норм условного держания, а также прав женщин и вдов на собственность. Судебные разбирательства середины VII в. показывают — нормы владения землей были размыты; скорее всего, дела попадали в королевский суд по причине отсутствия устоявшейся правовой тра-

диции. Судебные разбирательства в присутствии меровингских королей, таким образом, имели своей целью уточнение правовой нормы и ее санкционирование в ходе судебных процедур. Однако следует заметить, что конфликты, разбиравшиеся в присутствии государя, не были результатом ослабления королевской власти. Поводом для судебного разбирательства служили ссоры по поводу держания земли. Они более походили на ставший достоянием широкой публики затянувшийся спор между владельцем и держателем, нежели на действительную угрозу общественному спокойствию, подрывавшую устои франкского общества. Данные случаи с правовой точки зрения имели сложный характер. Король играл роль судьи в разрешении конфликтов, не стремясь показать свою абсолютную власть, на которую теоретически он имел право⁶⁵. Роль арбитра в процессе преодоления конфликтов в суде позволяла королям Нейстрии демонстрировать свою значимость и способствовать вовлечению политических группировок в процесс нахождения приемлемого решения. Судебные протоколы стремились создать впечатление, что решение суда было результатом совместных усилий присутствующих. Интерес государей к следованию всем деталям судебных заседаний, а также к возложению на аристократов ответственности за принятие итоговых заключений рисует меровингский суд не как место разрешения конфликтов, а скорее как собрание знати, королевских чиновников и епископов, которое давало возможность для взаимодействия между различными политическими группировками. Поэтому уместно утверждать, что роль королей Галлии в отношении частного права была ограничена. Судебные заседания являли собой пример юридически сложных случаев. Более того, разрешить их

не представлялось возможным в соответствии с принятыми нормами права.

Записи судебных заседаний появляются не только во франкской Галлии, и исследователи подчеркивают, что они могли брать начало в позднеантичных традициях. В одном из своих писем Сидоний Аполлинарий описывал, как вестготский король Теодерих II выслушивал разные вопросы, среди которых, вероятно, были и судебные дела⁶⁶. В Италии при лангобардах широко развилась практика записи судебных решений (“judicatum”)⁶⁷. Правда, был значительный пласт случаев, когда урегулирование достигалось вне суда⁶⁸. В Галлии существовала традиция записи решений обычного суда, на котором король не присутствовал⁶⁹. Они назывались “securitates”, “notitiae” и др. Однако следует отметить особенность развития этого вида заседаний и самих записей в Галлии, т.к. они не были лишь неосмысленным следованием позднеантичным образцам и представлениям. Есть основания предполагать, что важнейшую роль для поднятия их престижа сыграла деятельность франкской церкви. Судебные записи VII в. идентичны по форме и содержанию решениям епископских синодов, которые собирались для разрешения проблем, возникавших в отношениях между представителями франкской знати, монастырями, епископами и королями⁷⁰. Например, Григорий Турский цитирует одно из таких решений полностью, что дает возможность увидеть сходство между заключением епископского синода и королевского суда. Текст, который он приводит, составлен по тем же правилам, что и судебные записи, относящиеся к VII в.⁷¹ Следовательно, мерovingские документы подобного рода стали появляться в достаточно больших количествах потому,

что деятели церкви, представители монастыря Сен-Дени, которым были известны подобного рода материалы, специально заказывали записи судебных решений.

Несмотря на сходство записей заседаний епископских соборов с решениями королевского суда, как полагают ученые, между ними есть и различия. В частности, подчеркивается, что протоколы синодов могли быть более живыми и неформальными⁷². Однако подобного рода разница считается незначительной. Сходство же между этими двумя типами документов говорит о том, что правовая практика Поздней Античности распространялась в меровингской Галлии опосредованным путем. Исследователи считают, что в Поздней Античности церковь сохранила основы правовой и административной практики позднеримской империи, “ecclesia” способствовала их адаптации к новым реалиям, возникшим в процессе создания политической и правовой структуры варварских королевств⁷³. Некоторые ученые подчеркивают значительную преемственность между грамотностью и административной практикой поздней Римской империи и тем, что возникло на ее обломках на Западе варварских королевств⁷⁴. Изучение судебных записей Меровингских королевств свидетельствует об этом только отчасти; они показывают, что правовая практика и представления не заимствовались буквально, а адаптировались властителями и их окружением. Епископские синоды собирались для разрешения конфликтов, а королевский суд имел другое значение: он представлял из себя гибкую систему ритуалов, которые позволяли не только разрешать запутанные ситуации, но и согласовывать интересы различных группировок и устанавливать правовую практику. Королевский суд в меровингской Галлии VII в. являет собой пример того,

как в Раннем Средневековье механизмы и институты королевской власти создавались из доступных представлений, ритуалов и правовых норм Поздней Античности⁷⁵. Известно, что меровингские короли использовали римский ритуал входа в город (“adventus”) для подчеркивания своего статуса преемников провинциальной администрации Римской империи в Галлии. Их попытки символического поднесения подарков святыне св. Мартина в г. Тур в VI в. были местным вариантом императорских дарений, которые, как правило, направлялись папскому престолу в Риме⁷⁶. Только отец Карла Великого Пипин III, майордом франкских королей, позднее и сам ставший королем, заложил дарениями папскому престолу в Риме основания для трансальпийской политики правителей Галлии⁷⁷. Таким образом, многочисленные свидетельства рисуют картину адаптации позднеримских традиций, ритуалов и понятий меровингскими королями в VI—VII вв.⁷⁸ В качестве примера можно привести частные случаи идеологии власти, рассмотренные в разных работах⁷⁹. Суд при участии короля франков является одним из примеров постепенной адаптации римской правовой практики к реалиям королевства франков. Но здесь важно подчеркнуть не только момент заимствования римских образцов. Практика власти выстраивалась гибко, в VII в. короли искали ритуалы, которые должны были помочь им подтвердить законность своего правления. Парадоксально, но в VII в. они находили эту легитимность в творческой адаптации римского опыта. Мимезис, подражание римским образцам (о котором упоминал Сидоний Аполлинарий при описании готского короля Алариха) стал особым «языком». На нем правители Галлии стремились выразить отношения со знатью и церковной иерархией своего королев-

ства⁸⁰. Практика разбора дел — пример того, что правители Галлии из рода Меровингов оказались способны понять римский, «имперский» язык власти и быть просвещенными (в римском смысле этого слова) государями. Но использование данного «языка», который выражал роль короля как верховного арбитра и хранителя мира, вовсе не требовало серьезных конфликтов. Судебные заседания и записи их результатов были важны для королей, а не только для сторон, участвовавших в конфликте, т.к. они подчеркивали один из важнейших аспектов воззрений на власть в эту эпоху.

Рассмотренные примеры показывают — для принятия решения король должен был лавировать между различными группами знати и представителями церкви. Состав суда менялся в зависимости от сложности дела, а также от того, чьи интересы были затронуты. Само решение, даже если оно принималось в присутствии короля, епископов и знати, могло быть заменено на противоположное в последний момент, если оказывалось, что хотя бы одна из юридических формальностей не оказалась соблюдена. Вероятность коррекции решения способствовала тому, что главным для суда был вовсе не приговор короля. Следование юридическим формальностям имело важнейшее значение. Аббат Хайнон должен был ждать в королевском суде три дня подряд от рассвета и до заката, чтобы ответчики, Амалберт и его сын Амальрик, показали на судебном заседании в 692—693 гг. Их отсутствие говорит о том, что представители знати отдавали себе отчет в главном — именно короли и их двор были хранителями верховной судебной власти. Единственным же способом избежать проигрыша являлось игнорирование процессов⁸¹. Большинство дел проходило со сложными перипетиями, которые вовсе

не свидетельствовали о необоснованности претензий сторон, а скорее говорили о том, что королевский суд — место, где нормы права выковывались, а не только применялись⁸². Даже если судебное разбирательство носило в значительной степени «политический» характер (в смысле участия в нем сторон, которые, как известно из других источников, открыто боролись за влияние на короля), многое в исходе дела зависело от того, насколько стороны могли обосновать свои претензии с помощью документальных свидетельств. Например, когда Сен-Дени потребовал права на владение несколькими деревнями в 691 г., королевский суд решил, что в данном случае не имелось оснований для иска. В ходе заседания было показано, что ответчик владел землями только на правах прекария (“*precarium*”), после чего король Хлодвиг II передал дело на рассмотрение в соответствии с местными обычаями⁸³. В этом случае король и его двор четко сознавали, что даже Сен-Дени, усыпальница меровингских властителей, не имел преимущественного права на получение решения в королевском суде, если дело монастыря было подсудно юридической инстанции более низшего уровня. Роль королей как верховных арбитров, призванных высказывать свое мнение только в случае конфликта юридических норм (так, как это происходило в случае с римскими императорами IV—V вв.), соблюдалась в достаточной мере.

Другая запись показывает, что значимость и престиж королевского суда зависели не столько от права выносить решение, сколько от способности согласовывать различные — подчас конфликтовавшие между собой — нормы права. Важно, были ли согласны с этим решением представители знати и клира. Например, «совет» из епископов и аристократов собрался, когда пред-

ставители (“agentes”) Сен-Дени поссорились с Дрогоном, сыном майордома Пипина. Спор возник из-за собственности, которая ранее принадлежала Варину, графу Парижа и брату епископа Леодегара Отенского⁸⁴. Епископ обладал большим влиянием на королей Нейстрии, и поэтому дело можно рассматривать как попытку передела собственности между различными аристократическими группировками и королевскими чиновниками⁸⁵. Теодорих III конфисковал собственность, отдал ее в сокровищницу и в монастырь Сен-Дени. Когда позже Теодориха III взял под стражу Хильдерик II, майордомы дворца вынуждены были позаботиться о владениях⁸⁶. Как мы уже писали, это послужило причиной затяжного конфликта между майордомом и монастырем Сен-Дени. Возрастание напряженности потребовало присутствия всех затронутых конфликтом епископов и аристократов. Для Хильдерика III было чрезвычайно важно обеспечить соглашение между различными группировками знати и высшего духовенства⁸⁷. Судебное заседание являлось способом обеспечить поддержку государям и, одновременно, осудить набравших силу майордомов.

Построение судебных записей показывает — образованные современники не считали, что именно приговор короля был показателем значимости его власти. Каждая из судебных записей начиналась с упоминания королевского имени и в некоторых случаях с обращения к знати. Записи также описывали имевшие место дискуссии и обсуждения от имени государя. Тем не менее, когда дело доходило до поддержки приговора суда путем его подписания, имя короля не появлялось на документах. Вместо этого за властителя подписывался канцлер. Присутствовавшая на суде знать подписывалась под решением суда⁸⁸. Несмотря

на то, что имя короля появлялось в начале документа, оно, похоже, носило только церемониальное значение.

Впечатление, которое создается самим построением судебных записей, лишь усиливается тем фактом, что во время судебных заседаний короли стремились подчеркнуть важное обстоятельство — хотя они и были верховными арбитрами, но судебная власть принадлежала им не в полной мере. Они не торопились разрешить дело в суде своим приговором, и их главной заботой было, чтобы стороны тяжбы сами пришли к соглашению. В этом смысле судебные протоколы показывают — судебная власть короля состояла, прежде всего, в его прерогативе сохранения мира; государь должен был не выносить приговор, а обеспечить согласие сторон. Представления о юрисдикции короля не требовали от него принятия решения, если не видно было пути достижения примирения сторон. После того, когда вовлеченные в тяжбу представляли дело, присяжные из числа аристократов, епископов или графа королевского дворца решали, позволяют ли обстоятельства принять соответствующее решение. Только если они соглашались на последнем, дело передавалось на рассмотрение короля⁸⁹.

Более того, даже когда конфликт перерастал в открытую борьбу, и дело передавалось королю для принятия им решения, он часто назначал отсрочку для сбора всех документов по делу⁹⁰. В некоторых случаях государь предписывал конфликтующим сторонам самим разрешить их проблему внесудебным путем (“*placitum*”)⁹¹. Так короли вообще могли воздержаться от принятия решения. Если дело было сложным, властитель требовал от сторон предоставления доказательств. Сторонам следовало самостоятельно определить пути разрешения спора в соответствии с «мест-

ным правом»⁹². Король также мог принять решение, не влекущее за собой обязательного исполнения для обеих сторон. Например, одно судебное решение рекомендовало ответчику подчиниться требованиям истца, если последний заявил бы о возмещении убытков⁹³. Короли Нейстрии неохотно принимали решения. Однако в каждом из рассмотренных выше примеров задержка в вынесении вердикта была мотивирована требованиями процедуры. Следование судебным формальностям до малейшей детали являлось важным аспектом разрешения споров в королевском суде.

§ 4. Выводы

Сообщения судебных протоколов позволяют непредвзято посмотреть на историю взаимоотношения монастырей, королевской власти и знати в VII в., и дополнить ее несколькими важными деталями. Они показывают, что монастырь Сен-Дени, как и другие монашеские обители, стал опорой власти только со времени правления Балтхильды-«регентши». Но ни своими претензиями, ни полученными от королевского суда решениями случай Сен-Дени не отличался от тех, в которых участвовали другие аббаты или епископы, приходившие искать правду в королевском суде⁹⁴. Более того, несмотря на предпочтительный характер приговоров в отношении обители, земли и собственность, выигранные представителями Сен-Дени, вовсе не сразу переходили под их безусловный контроль. Деятельность Фульрада по возвращению земель, права Сен-Дени на которые упоминались в судебных решениях VII в., свидетельствует о том, что территории не перешли к монастырю, или же

снова были им потеряны к середине VIII в.⁹⁵ Судебные протоколы, в которых обитель всегда выигрывала, создают скорее желаемую, а не реальную картину ситуации вокруг монастырей в поздний период правления Меровингов. Но это говорит о том, что в указанное время практика взаимодействия между королевской династией, монастырями и знатью еще не сложилась и не стала основываться на четких и всем понятных правилах.

Исследование судебных протоколов и их сравнение с нарративными источниками позволяет дополнить картину того, как власть франкских королей виделась в VII в. В рассматриваемый период данные представления еще не приобрели законченной формы. Значение последних правителей из династии Меровингов сложно понять, если подходить к ним с традиционных точек зрения, характерных для конституционной истории или истории права. Гибкость практики власти, осуществляемой окружением короля, не дает возможности говорить об устоявшемся «институте» королевской власти. Судебные заседания показывают, что члены династии и окружения королей представляли из себя особую группу людей, связанных системой гибких и постоянно менявшихся альянсов. Используя различные процессуальные средства, откладывая и переназначая собрания суда или запрашивая дополнительные документы, короли в VII—начале VIII в. в своем суде должны были искать согласие сторон. Документы не скрывают — властители из династии Меровингов не стремились принять окончательное решение. Часто они делегировали право дать или не дать делу дальнейший ход графу королевского дворца. Участие знати, клириков и представителей государя в разрешении конфликтов оказывалось решающим фактором для

придания законности судебным приговорам. Сила судебного приговора заключалась, прежде всего, в согласии сторон в отношении исхода процесса. Образованные современники, которые составляли записи суда, наделяли правителей чертами арбитра в разрешении конфликтов, и видели их юрисдикцию в способности приводить стороны к согласию. Но эта граница между правом выносить приговор и обязанностью находить согласие напоминает нам о высоком уровне правовой культуры в королевстве франков эпохи Меровингов, т.к. подобные потестарные особенности характерны для императорского двора поздней Римской империи.

Возрастание роли приговоров королевского суда в качестве исторического источника свидетельствует не о правовом хаосе, а скорее об изменении типов грамотности. Если историю Галлии VI в. можно изучать по налоговым спискам, королевским грамотам и нарративным источникам, то в VII в. типы доступных источников уже другие. Для VII в. нет трудов, подобных «Истории франков» Григория Турского, и основными нарративными источниками служат Фредегар, «История франков» и жития святых. Одновременно судебные записи приобретают большое значение, и информация, извлекаемая из них, позволяет дополнить историческую картину указанного периода, которая складывается в ходе исследования нарративных источников. В чем-то сведения из судебных протоколов дополняют рассказы историков, поскольку показывают, что поиск согласия между правителями, знатью и клириками (епископами, аббатами и другими представителями белого и черного духовенства) был одной из основных целей политики данного периода. При этом можно отметить — как и нарративные источники, судебные протоколы показы-

вают, что ни у одной из этих групп не было монополии на использование ресурсов церквей и монастырей, в которых короли иногда нуждались для поддержания своей власти. Именно в судебных протоколах можно найти, как формальное главенство государя выстраивалось на основе лавирования между различными группами в ходе судебных заседаний. Поэтому картина, вырисовывающаяся после их прочтения, во многом не отличается от той, которую можно было бы найти в исторических повествованиях и памятниках агиографии.

В схеме, которую создают судебные протоколы, есть также и особенности, позволяющие дополнить панораму политического и социального устройства Франкского королевства. Так, в историях и житиях епископы и аббаты часто стремились создать живописное полотно чудесного вмешательства высших сил в процесс достижения согласия, и принижали свою роль в разрешении конфликтов в королевском суде. А судебные документы говорят о том, что представители церковной иерархии принимали в них активное участие, и их роль зачастую оказывалась не менее важной, чем правителей или знати. Более того, судебные протоколы показывают — граница между иерархией церковной и светской была не столь значима для Раннего Средневековья. Вокруг государя образовывались упорядоченные группы знати, состоявшие из королевских чиновников, представителей региональной знати и тех их отпрысков, которые пошли в епископы или аббаты. Группы не были привязаны к одному региону, и они не формировались только по семейному принципу или в соответствии с церковным или светским статусом. В согласии со взглядом авторов судебных протоколов, так же, как и с воззрениями творцов нарративных источников видно, что суть политики в королевстве франков состояла в постоян-

ном поиске компромисса между этими группами, которые обращались к государю как к верховному арбитру для достижения равновесия сил.

Примечания

- ¹ *Bergmann W.* Die Formulae Andecavenses, eine Formelsammlung auf der Grenze zwischen Antike und Mittelalter // Archiv für Diplomatik. 1978. Jg. 24. S. 1—53.
- ² *Glasson E.* Histoire du droit et des institutions de la France. P., 1888. Т. 2. Époque franque. P. 243; *Fahlbeck P.E.* La royauté et le droit royal franc durant la première période de l'existence du royaume (486—614). Lund, 1883.
- ³ *Glasson E.* Histoire du droit. Т. 2. P. 245. Или «германским»: *Viollet P.* Histoire des institutions politiques et administratives de la France: en 3 t. P., 1890. P. 199.
- ⁴ *Grig. Tour. Hist.* 5; 26, 28. 6; 37. 9; 13, 14. 10; 19.
- ⁵ *Glasson E.* Histoire du droit. Т. 2. P. 246.
- ⁶ *Ibid.*
- ⁷ *Viollet P.* Histoire des institutions politiques et administratives de la France. P. 223.
- ⁸ *Fahlbeck P.E.* La royauté et le droit royal franc durant la première période de l'existence du royaume (486—614). P. 52, 125; *Glasson E.* Histoire du droit. Т. 2. P. 264.
- ⁹ *Glasson E.* Histoire du droit. Т. 2. P. 248.
- ¹⁰ *Ibid.* Т. 2. P. 273.
- ¹¹ *Ibid.* Т. 2. P. 249.
- ¹² *Ibid.* Т. 2. P. 253.
- ¹³ *Grig. Tour. Hist.* 5; 18. 7; 16; *Glasson E.* Histoire du droit. Т. 2. P. 258.
- ¹⁴ *Fouracre P.* “Placita” and the Settlement of Disputes in Later Merovingian Francia // The Settlement of Disputes in Early Medieval Europe / Ed. by W. Davies, P. Fouracre. Cambridge, 1986. P. 23—43.
- ¹⁵ *Bergmann W.* Untersuchungen zu den Gerichtsurkunden der Merowingerzeit // Archiv für Diplomatik. 1976. Jg. 22. S. 49; *Fouracre P.* “Placita”. P. 30.
- ¹⁶ *Fouracre P.* “Placita”. P. 30.
- ¹⁷ *Classen P.* Kaiserreskript und Königsurkunde: Diplomatische Studien zum Problem der Kontinuität zwischen Altertum und Mittelalter. Thessalonike, 1977. S. 153, 184—187.
- ¹⁸ *Fouracre P.* “Placita”. P. 25.
- ¹⁹ *Bergmann W.* Untersuchungen. S. 49.
- ²⁰ Обсуждение этого понятия отсутствует в книге: *Kaser M.* Das römische Privatrecht: In 2 Bde. München, 1955, и самого термина

нет в индексе. Оно не имело четкого юридического значения, и употреблялось в основном для обозначения согласия: “Pactum autem a pactione dicitur (inde etiam pacis nomen appellatus est) et est pactio duorum pluriumve in idem placitum et consensus” // *Digesta* 2.14.1.2. / Ed. Th. Mommsen. Leipzig, 1905.

- ²¹ *Kaser M.* Das römische Privatrecht. Bd. 2. S. 18—19.
- ²² *Classen P.* Kaiserreskript und Konigsurkunde. S. 153, 184—187.
- ²³ *Jones A.H.M.* The Decline of the Ancient World. Burnt Mill, 1966. P. 182. Аркадий: CTh.1.2.11 “Rescripta ad consultationem emissa vel emittenda, in futurum his tantum negotiis opitulentur, quibus effusa docebuntur”; Гонорий: CTh 10.10.22 “Divi patris nostri statuta renovantes aeterna lege sancimus officium palatinum quinquaginta auri libras de suis facultatibus exigi, si prius allegari divalia rescripta permiserit, quam delator in iudicio fuerit constitutus”. CJ 1.19.7 “Rescripta contra ius elicita ab omnibus iudicibus praecipimus refutari, nisi forte aliquid est, quod non laedat alium et prosit petenti vel crimen supplicanti indulgeat”.
- ²⁴ Подобные сборники постановлений императоров составлялись и раньше: в конце III в. появились первые собрания рескриптов — в 291 г. увидел свет кодекс Григория, а в 295 г. н. э. кодекс Гермогениана. См.: *Liebs D.* Die Jurisprudenz in spätantiken Italien, 260—640. Leipzig, 1987. S. 30—52, 134—144.
- ²⁵ *Honoré T.* The Making of the Theodosian Code // *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte, Romanische Abteilung*. 1986. Jg. 103. S. 133—222.
- ²⁶ *Wormald P.* Lex scripta and verbum regis: Legislation and Germanic Kingship, from Euric to Cnut // *Early Medieval Kingship* / Ed. by P.H. Sawyer, I.N. Wood. Leeds, 1977. P. 138.
- ²⁷ *Esders R.* Römische Rechtstradition und merowingisches Königtum: zum Rechtscharakter politischer Herrschaft in Burgund im VI. und VII. Jahrhundert. Göttingen, 1997. S. 288—290.
- ²⁸ *Eckhardt K.* Lex Salica, 100 Titel-Text. Weimar, 1953. S. 41—45.
- ²⁹ *Lot F., Pfister C., Ganshof F.L.* Histoire du Moyen Âge. P., 1928. T. 1. Les destinees de l'Empire en Occident de 395 à 888. P. 309.
- ³⁰ *Gerberding R.* The Rise of the Carolingians and the “Liber Historiae Francorum”. Oxford, 1992. P. 198.
- ³¹ *Wood I.* The Code in Merovingian Gaul // *The Theodosian Code: Studies in the Late Imperial Law of Late Antiquity* / Ed. by J. Harries, I. Wood. L., 1993. P. 161—177.
- ³² *Bergmann W.* Untersuchungen. S. 49.
- ³³ DM. 79, 137, 141.
- ³⁴ *Passio Leudegarii I* // *MGH Scriptores Rerum Merovingicarum*. Bd. 5. Passiones vitaeque sanctorum. Hannover, 1910. P. 282—322. В другом случае житие использует именно этот термин для обозначения судебного процесса: *Passio Leudegarii I*. P. 24. *Ewig E.* Die fränkische Teilreiche. S. 127; *Fouracre P., Gerberding R.A.* Late Merovingian France: History and hagiography, 640—720. Manchester, 1996. P. 222.

- ³⁵ *Passio Praiecti // MGH Scriptores Rerum Merovingicarum. Passiones vitaeque sacntorum.* Hannover, 1910. P. 212—248. 23—24.
- ³⁶ *Fouracre P.* “Placita”. P. 42—43; *Fouracre P.J.* Merovingians, Mayors of the Palace and the Notion of a “Low-Born” Ebroin // *Historical Research.* 1984. Vol. 57. № 135. P. 14.
- ³⁷ DM. 93.
- ³⁸ Ibid.
- ³⁹ Ibid. 95.
- ⁴⁰ “...dum et inluster vir Chaldeloaldus, comis palatii nostri, testemuriviv quod taliter hac causa acta vel per ordeni inquisita seo definita fuisse denuscetur”.
- ⁴¹ *Grig. Tour. Hist.* 10; 19.
- ⁴² “...iubemus ut ipsas <...> domni Dioninse hacturis omni tempore habiant evindicatas, et sit inter ipsis de hac re in postmodum subita causacio”.
- ⁴³ *Jones A.H.M.* The Decline of the Ancient World. P. 141.
- ⁴⁴ DM. 126.
- ⁴⁵ *Kaser M.* Das römische Privatrecht. S. 308—312; *Kamps W.* L'emphytéose en droit grec et sa réception en droit Romain // *Recueils de la société Jean Bodin.* 1938. T. 3. La tenure. P. 121; *Simon D.* Das frühbyzantinische Emphyteuserrecht // *Symposion 1977: Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte* (Chantilly, 1—4 June 1977) / Hrsg. von J. Modrzejewski, D. Liebs. Köln, 1982. S. 376.
- ⁴⁶ DM. 149.
- ⁴⁷ Некоторым исследователям этот феномен видится как результат раздачи королями иммунитетов: См. *Rosenwein B.H.* Negotiating Space. P. 92—96. Однако, как нам кажется, в этом деле не было самого факта королевского пожалования.
- ⁴⁸ *Fouracre P.* “Placita”. P. 35; *Rosenwein B.H.* Negotiating Space. P. 93.
- ⁴⁹ DM. 75.
- ⁵⁰ *Grig. Tour. Hist.* 8; 39.
- ⁵¹ *Demandt A.* Geschichte der Spätantike: Das römische Reich von Diokletian bis Justinian 284—565 n. Chr. München, 1998. S. 297—299.
- ⁵² *Passio Leudegarii I.* 24. Codex Theodosianus II, 8, 19 = *Breviarium Alarici II,* 8, 2.
- ⁵³ “1. Si qua mulier vidua filios habens, si et illa et filii sui cessionem de bonis mariti, qui defunctus est, fecerint, nullam nullam ex debito ipsius repetitionem aut calumniam patiantur. 2. Si certe praesumpserint hereditatem, debitum paternum simul solvant” // *Lex Burgundionum* cap. 65.
- ⁵⁴ DM. 135.
- ⁵⁵ *Diplomata Karolinorum = Die Urkunden der Karolinger.* Pippini, Carlomanni, Caroli Magni Diplomata / Hrsg. von A. Dopsch [u. a.]. München, 1979. (MGH). № 1.
- ⁵⁶ DM. 136, 143, 153, 155, 156, 157.

- ⁵⁷ Поэтому заблуждается Н.Д. Фюстель де Куланж, видевший широкое распространение этой правовой практики в меровингскую эпоху. См.: *Fustel de Coulanges N.D. Histoire des institutions politiques de l'ancienne France*. 2 éd. P., 1900. Т. 5. Les origines du système féodal. P. 117—127. Ошибка французского ученого состояла в том, что он переоценил значимость формулярия Маркульфа для распространения этой важной практики в реальности.
- ⁵⁸ Можно не согласиться с Фюстелем де Куланжем, который писал о значительных «доменах» церкви в эту эпоху. См.: *Fustel de Coulanges N.D. Histoire des institutions politiques de l'ancienne France*. Т. 5. P. 128.
- ⁵⁹ DM. 149; *Ewig E. Die fränkische Teilreiche*. S. 214; *Levillain L. Les comtes de Paris à l'époque franque // Le Moyen Âge*. 1941. Т. 50. P. 139—140.
- ⁶⁰ *Ewig E. Die fränkische Teilreiche*. S. 213—217. Он настаивал на тесной связи между Балтхильдой и Леодегаром. См.: *Idem. Die fränkische Teilreiche*. S. 209. См. противоположную точку зрения: *McKitterick R. The Frankish Kingdoms under the Carolingians, 751—987*. P. 89. Эта исследовательница утверждала, что он являлся лидером бургундско-австразийской группы знати.
- ⁶¹ *Semmler J. Saint-Denis*. S. 88; *Ewig E. Die fränkische Teilreiche*. S. 214.
- ⁶² DM. 149.
- ⁶³ *Fouracre P. "Placita"*. P. 43.
- ⁶⁴ *Bergmann W. Untersuchungen*. S. 93—102; DM. 143, 153, 155, 157, 167.
- ⁶⁵ *Fustel de Coulanges N.D. Histoire des institutions politiques de l'ancienne France*. 2 éd. P., 1905. Т. 3. La monarchie franque. P. 133, 327.
- ⁶⁶ *Sid. Epist.* 1; 2.
- ⁶⁷ *Bergmann W. Untersuchungen*. S. 148.
- ⁶⁸ *Geary P. Extra-judicial Means of Conflict Resolution // La giustizia nell'alto medioevo (Secoli V—VIII)*. Spoleto, 1994. P. 601; *Starostine D. Hostage by Agreement and the Language of Dependence in the Eleventh Century: Mutation or Corruption? // Latin Culture in the Eleventh Century: Proceedings of the Third International Conference on Medieval Latin Studies, Cambridge, September 9—12, 1998*. Turnhout, 2002. Vol. 2 / Ed. by M.W. Herren, C.J. Donough, R.G. Arthur. P. 398—399; *Starostine D. Lex Burgundionum and Burgundian Kings: Practices of Private Legal Guarantee ("fideiussio") and Royal Innovation // Confrontation in Late Antiquity: Imperial Presentation and Regional Adaptation / Ed. by L.J. Hall*. Cambridge, 2003. P. 152.
- ⁶⁹ *Bergmann W. Untersuchungen*. S. 105—115.
- ⁷⁰ *Ibid.* S. 146.
- ⁷¹ *Grig. Tour. Hist.* 10; 16.
- ⁷² *Bergmann W. Untersuchungen*. S. 145—147.
- ⁷³ *Brown P. Power and Persuasion in Late Antiquity: Towards a Christian Empire*. Madison, 1992. Ch. 3; *Idem. The World of Late An-*

- tiquity, 200—750. L., 1971; *Kelly C. Empire Building // Late Antiquity: A Guide to the Postclassical World / Ed. by G.W. Bowersock, P. Brown, O. Grabar. 1999. P. 186; Van Dam R. Leadership and Community in Late Antique Gaul. Berkeley, 1985. P. 300.*
- ⁷⁴ *Hen Y. Roman Barbarians: the Royal Court and Culture in the Early Medieval West. N.Y., 2007. C. 97—106.*
- ⁷⁵ *Theuws F. Rituals in Transforming Societies // Rituals of Power: From Late Antiquity to the Early Middle Ages / Ed. by F. Theuws, J.L. Nelson. Leiden, 2000. P. 7—9; Wormald P. Lex scripta and verbum regis: Legislation and Germanic Kingship, from Euric to Cnut. P. 138.*
- ⁷⁶ *Hauck K. Von einer spätantiker Randkultur zum karolingischen Europa // Frühmittelalterliche Studien. 1967. Jg. 1. S. 43—45.*
- ⁷⁷ *McCormick M. Clovis at Tours: Byzantine Public Ritual and the Origins of Medieval Ruler Symbolism // Das Reich und die Barbaren / Ed. by E.K. Chrysos, A. Schwarz. Wien, 1989. P. 155—180.*
- ⁷⁸ *Lot F., Pfister C., Ganshof F.L. Histoire du Moyen Âge. T. 1. P. 302.*
- ⁷⁹ *Kern F. Gottesgnadentum und Widerstandrecht im früheren Mittelalter Zur Entwicklungsgeschichte der Monarchie. 2. Aufl. Darmstadt, 1954; Zanella G. La legittimazione del potere regale nelle “Storie” di Gregorio di Tours e Paolo Diacono // Studi medievali. Serie 3. 1990. Vol. 31. P. 83.*
- ⁸⁰ *Sid. Epist. 1; 2.*
- ⁸¹ *DM. 141.*
- ⁸² *Fouracre P. “Placita”. P. 34, 37.*
- ⁸³ *DM. 135.*
- ⁸⁴ *DM. 149; Ewig E. Die fränkische Teilreiche. S. 214; Levillain L. Les comtes de Paris à l’époque franque. P. 139—140.*
- ⁸⁵ *Ewig E. Die fränkische Teilreiche. S. 213—217.*
- ⁸⁶ *Semmler J. Saint-Denis. S. 88; Ewig E. Die fränkische Teilreiche. S. 214.*
- ⁸⁷ *DM. 149.*
- ⁸⁸ *Fouracre P. “Placita”. P. 25.*
- ⁸⁹ *DM. 135, 137, 141.*
- ⁹⁰ *Ibid. 135.*
- ⁹¹ *Ibid. 137.*
- ⁹² *Ibid. 149.*
- ⁹³ *Ibid. 137.*
- ⁹⁴ *Старостин Д.Н. Между Античностью и Средневековьем: судебные протоколы меровингского времени и их роль в развитии раннесредневекового правосознания // IVS ANTIQVVM (Древнее право). 2005. Т. 15. С. 134.*
- ⁹⁵ *Stoclet A. Evindicatio et petitio: Le recouvrement de biens monastiques en Neustrie sous les premiers Carolingiens, L’exemple de Saint-Denis // La Neustrie: La pays au nord de la Loire de 650 à 850. Sigmaringen, 1989. Bd. II / Hrsg. von H. Atsma, K.F. Werner. S. 149.*

Заключение

Предпринятое исследование представлений о власти в меровингской Галлии позволило уточнить основные тенденции и периодизацию романо-германского синтеза. Проведенное нами изыскание показало — субъективные восприятия авторов различных типов источников совпадали в следующем: в этот период власть основывалась на согласии между правителями, знатью и церковной иерархией. Данный идеал был развитием идеи, сформулированной еще в Античности. Причем для образованных людей этой эпохи (авторов исторических и, впоследствии, агиографических сочинений), успех правителя зависел от его способности договариваться со своими сторонниками в отношении использования ресурсов, находившихся под их контролем. Поэтому резонно утверждать, что в представлениях современников власть королей в Меровингском королевстве франков никогда не являлась «частной», основанной в первую очередь на праве владения землей¹. Вне зависимости от типа источника мы видим, что суть политики для образованных людей разного статуса и интересов состояла в нахождении согласия между светскими правителями, их придворными, чиновниками, и местной знатью, а также представителями церковной иерархии, епископами и аббатами.

Исследование трех типов источников — исторических и агиографических сочинений и судебных протоколов — показало, что взгляды их авторов и составителей на соотношение сил в эту эпоху менялось. Сочинение Григория Турского, написанное в конце VI в., характеризовало королей как варварских властителей (их образы

созданы на основе канонов позднеантичной историографии), чьи прерогативы были весьма ограниченными и в чем-то сходными с полномочиями римских наместников. Но одновременно оно изображало епископов как хранителей мира. В VII в. Фредегар и, в особенности, его Продолжатель уже больше внимания уделяют королям и их окружению, считая их (а не епископов) главной исторической силой Галлии. В начале VIII в. автор “*Liber historiae francorum*” не видит истории Галлии вне связи с королями Меровингской династии и изображает двор как единственный центр власти в государстве франков.

Однако картина выглядит совершенно по-другому, если посмотреть на иные источники эпохи. Авторы житий на примерах основания монастырей показывали, что в Нейстрии этого периода правители должны были искать согласия епископов и аббатов (часто происходивших из знатных галло-римских или франкских семей), дабы иметь возможность пользоваться земельными ресурсами, которые находились в руках церкви (в особенности — монашеских общин). Эта картина подтверждается исследованием судебных протоколов. Документы фиксируют крайне медленное превращение обителей (вроде Сен-Дени) из базилики и монашеской общины, находящихся под контролем епископа, в «королевский монастырь» (т.е. пребывающий под непосредственным патронажем государя). Меровингские короли вынужденно использовали ресурсы отдельных знатных людей, епископских кафедр, небольших монастырей или церквей, которые были не способны дать им возможность создать надежную базу в Галлии². Несмотря на то, что с течением времени государи оказались в центре повествования хроник, они остались в целом на периферии той картины, которую рисовали агиографические со-

чинения и решения королевского суда. Последние, как мы попытались подчеркнуть, изображали короля как верховного арбитра, который способствовал поискам согласия сторон конфликта, но при этом оказывался ограничен в возможности диктовать решение. Взгляд, согласно которому во Франкском королевстве наблюдался постепенный рост значимости меровингских государей, характерен только для авторов исторических сочинений. Увеличение роли франкских королей в их повествовании, возможно, связано с тем, что историописание все более становилось привилегией принадлежащих к “*curia regis*” образованных людей.

Мы увидели, что с точки зрения современников в меровингский период церковь (монастыри и епископские кафедры) ещё не стала той насыщенной земельными ресурсами структурой, которую в ней привыкли видеть историки, занимающиеся каролингским периодом и Высоким Средневековьем. В трех главах нам удалось найти этому убедительные доказательства не только в нарративных документах, но и в житиях святых и в судебных протоколах. Об этом свидетельствуют также примеры сложных систем условного владения землей и раздела поступающей от нее ренты, которые обнаруживаются в судебных протоколах VII—первой половины VIII в. Агиографические источники — жития Эдуэна Руанского и Элигия Нойонского — доказывают данную точку зрения.

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Исследование исторических хроник показало, что взгляды их авторов и составителей на соотношение общественных сил в течение эпохи изменилось в наибольшей степени по сравнению с воззрениями творцов житий, а также писцов, создававших судебные протоколы. В начале VIII в. автор “*Liber historiae francorum*” уже не ви-

дит истории Галлии вне связи с королями Меровингской династии и изображает двор как единственный центр власти в королевстве франков. Однако опираясь на жития, можно сказать, что королям было не так просто добиться этого. Картина подтверждается исследованием судебных протоколов, которые фиксируют излишне затянувшуюся трансформацию монастырей (например, Сен-Дени) из базилики и монашеской общины, находящихся под контролем епископа, в «королевские» (т.е. обители, опекаемые государем). Несмотря на то, что с течением времени короли оказались в центре повествования хроник, они остались на периферии той парадигмы, которую задавали агиографические сочинения и решения королевского суда. Последние, как мы попытались доказать, рисовали государя в качестве верховного арбитра, который мог способствовать поискам согласия, но был весьма ограничен в возможности диктовать свое решение. Поэтому логично заключить, что взгляд, согласно которому во Франкском государстве наблюдался постепенный рост значимости меровингских королей, характерен для авторов исторических сочинений; как мы уже отмечали выше, увеличение роли франкских королей в их повествовании, возможно, связано с тем, что историописание все более становилось привилегией связанных с государевым двором образованных людей.

Проведенные изыскания позволяют уточнить периодизацию романо-германского синтеза. То, что франки не были просто дикарями, осевшими в римской провинции, стало ясно после работ историков второй половины XIX в. Но наше исследование показало — франки вовсе не нуждаются в апологии. Кажущаяся «дикость» их поведения была во многом результатом следования Григория Турского одному из образцов позднеантично-

го историописания. Но не правы и те, кто считает, будто романизация Галлии оказалась настолько сильной, что даже способствовала развитию «цивилизованности» у франков и якобы привела к тому, что уже к началу VII в. (в особенности к середине столетия) Меровинги смогли оценить преимущества позднеантичного мироустройства. Как показал проведенный нами анализ, они недооценили один из важнейших институтов позднеантичного общества, а именно, — монашество и монастыри, которые стали одним из связующих звеньев между римской аристократией и церковной иерархией Средневековья. Монастыри в Поздней Античности явились важнейшим фактором социального преобразования, сдерживая распад городского общества и создавая новые центры публичной и церковной власти в сельской местности. Но Меровинги питали к ним только эпизодический интерес, который никогда не перерос в систему. Жития святых дают возможность предположить это, а судебные протоколы только укрепляют нас в данном мнении. «Романизация» франков состояла только в следовании идеалам «политики согласия», в то время как реальные механизмы власти позднеантичного общества остались вне пределов их представлений. К моменту прихода Каролингов франкская Галлия восприняла лишь внешний аспект позднеримской имперской культуры власти и еще не закончила ее адаптацию к условиям Раннего Средневековья. В меровингскую эпоху процесс создания особой — «франкской» — модели развития Европы не только не вышел на завершающую стадию, но и не приобрел тех окончательных «типических» черт, которые сделали его столь привлекательным в качестве эталонной модели генезиса раннесредневекового общества в рамках романо-германского синтеза.

Изменения в сознании, а равно и эпоха более масштабного мышления, не только во внешнеполитическом смысле, но и в плане организации власти во Франкском королевстве на принципах, которые исследователи называли «имперской церковью», начинаются только с приходом Каролингов, подчинивших все ресурсы государства единой цели, а именно, созданию империи — легитимной наследницы великой средиземноморской предшественницы³. В меровингский период ситуация была как раз противоположной той, что характерна для каролингской эпохи; в это время короли и двор имели ограниченные интересы и ставили перед собой краткосрочные задачи. В меровингскую эпоху воззрения на власть и на взаимодействие светской и церковной иерархий не отражали стройную систему представлений, сложившуюся в каролингскую эпоху и в период правления саксонской династии в бывшем Восточно-франкском королевстве в X и XI вв.

Примечания

- ¹ Так, как это предполагалось исследователями, использовавшими термин “Grundherrschaft” в отношении раннесредневековых доменов и распространявших комплекс отношений, связанных с ним, на всю систему власти.
- ² Bergengruen A. Adel und Grundherrschaft im Merowingerreich; Tits-Dieuaide M.-J. Grands domaines, passim.
- ³ Концепция «имперской церкви» была разработана наиболее обстоятельно в работе: Santifaller L. Zur Geschichte des ottonisch-salischen Reichskirchensystems. Wien, 1962. Применение этой концепции в отношении каролингской эпохи можно найти в: Bruhl C. Fodrum, gistum, servitium regis: Studien zu den wirtschaftlichen Grundlagen des Königtums im Frankenreich. Köln, 1968; Metz W. Das karolingische Reichsgut: Eine verfassungs- und verwaltungsgeschichtliche Untersuchung. Berlin, 1960. Idem. Zur Erforschung des karolingischen Reichsgutes. Darmstadt, 1971.

Список сокращений

- DM Monumenta Germaniae historica. Diplomata regum Francorum e stirpe Merovingica / Hrsg. von T. Kölzer [u. a.]. Hannover, 2001.
- Fred. Chron.* *Fredegarius*. Chronicarum quae dicuntur Fredegarii Scholastici libri IV cum Continuationibus // Fredegarii et aliorum chronica. Vitae sanctorum / Hrsg. von B. Krusch // MGH. Scriptores Rerum Merovingicarum. Hannover, 1888. Bd. 2. S. 1—193.
- Fred. Cont.* *Fredegarius* Chronicarum quae dicuntur Fredegarii Scholastici libri IV cum Continuationibus // MGH. Scriptores Rerum Merovingicarum. Bd. 2. Fredegarii et aliorum chronica. Vitae sanctorum / Hrsg. von B. Krusch. Hannover, 1888. S. 1—193.
- Gesta Dagob.* *Gesta Dagoberti regis* // MGH Scriptores Rerum Merovingicarum. Bd. 2. Fredegarii et aliorum chronica. Vitae sanctorum / Hrsg. von B. Krusch. Hannover, 1888. S. 396—426.
- Grig. Tour. Hist.* *Gregorius Turonensis*. Libri Historiarum X // MGH Scriptores Rerum Merovingicarum. Bd. 1. Gregorii episcopi Tvronensis Libri Historiarum X / Hrsg. von B. Krusch, W. Levison. 2 ed. Hannover, 1951.
- Iona. VC* *Iona Bobbiensis*. Vita Columbani // MGH Scriptores Rerum Merovingicarum. Bd. 4. Passiones vitaeque sanctorum aevi merovingici / Hrsg. von B. Krusch. Hannover, 1902.
- Pardessus. Diplomata* *Bréquigny M. d., La Porte du Theil F. J. G. de, Pardessus J.-M.* Diplomata, chartae, epistolae, leges aliaque instrumenta ad res Gallo-francicas spectantia: en 2 t. P., 1843.
- Sid. Epist.* *Sidonius Apollinaris*. Epistolae // MGH Auctores Antiquissimi. Bd. 8. Gai Solii Apollinaris Sidonii Epistulae et carmina. Fausti aliorumque epistula ad Ruricium aliosque / Hrsg. von C. Lütjohann. Berlin, 1887.
- Sulp. Sev. VM* *Sulpicius Severus*. Vita sancti Martini // Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum. Bd. 1. Sulpicii Severi opera ex rec. C. Halmii. Libri qui supersunt / Hrsg. von C. Halm. Wien, 1866. S. 109—137.
- Ven. Fort. Carm.* *Venantius Fortunatus*. Carmina // MGH Auctores Antiquissimi. Bd. 4. T. 1 / Hrsg. von F. Leo. Berlin, 1881.
- Ven. Fort. Vita Martini* *Fortunatus V.* Vita sancti Martini // MGH Auctores Antiquissimi Venanti Fortunati opera pedestria. Bd. 4. T. 1 / Hrsg. von B. Krusch. Hannover;Hahn, 1881. S. 295—370.

Библиография*

Источники

- Bréquigny M.d., La Porte du Theil F.J.G. de, Pardessus J.-M.* Diplomata, chartae, epistolae, leges aliaque instrumenta ad res Gallo-francicas spectantia: en 2 t. P., 1843.
- Fortunatus V.* Vita sancti Martini // MGH Auctores Antiquissimi // Venanti Fortunati opera pedestria. Bd. 4. T. 1 / Hrsg. von B. Krusch. Hannover, 1881. S. 295—370.
- Fredegarius.* Chronicarum quae dicuntur Fredegarii Scholastici libri IV cum Continuationibus // MGH Scriptores Rerum Merovingicarum. Bd. 2. Fredegarii et aliorum chronica. Vitae sanctorum / Hrsg. von B. Krusch. Hannover, 1888. S. 1—193.
- Fredegarius.* Chronicarum quae dicuntur Fredegarii Scholastici libri IV cum Continuationibus // MGH Scriptores Rerum Merovingicarum. Bd. 2. Fredegarii et aliorum chronica. Vitae sanctorum / Hrsg. von B. Krusch. Hannover, 1888. S. 1—193.
- Gesta Dagoberti regis* // MGH Scriptores Rerum Merovingicarum. Bd. 2. Fredegarii et aliorum chronica. Vitae sanctorum / Hrsg. von B. Krusch. Hannover, 1888. S. 396—426.
- Gregorius Turonensis.* Libri Historiarum X // MGH Scriptores Rerum Merovingicarum. Vol. 1. Gregorii episcopi Tvronensis Libri Historiarum X / Hrsg. von B. Krusch, W. Levison. 2 ed. Hannover, 1951.
- Iona Bobbiensis.* Vita Columbani // MGH Scriptores Rerum Merovingicarum. Bd. 4. Passiones vitaeque sanctorum aevi merovingici / Hrsg. von B. Krusch. Hannover, 1902.
- Krusch B.* Gesta Dagoberti regis. Praefatio // MGH Scriptores Rerum Merovingicarum. Bd. 2. Fredegarii et aliorum chronica. Vitae sanctorum / Hrsg. von B. Krusch. Hannover, 1888. S. 396—426.
- Les vies anciennes de sainte Geneviève de Paris: études critiques* / Sous la dir. de M. Heinzelmann, J.-C. Poulin, M. Fleury. P., 1986.
- Monumenta Germaniae historica.* Diplomata regum Francorum e stirpe Merovingica / Hrsg. von T. Kölzer [u. a.]. Hannover, 2001.
- Orosius P. Pauli Orosii Historiarum adversum paganos, libri VII.* Accedit eiusdem Liber apologeticus / Hrsg. von K.F.W. Zangemeister. Vindobonae, 1882.
- Passio Praiecti* // MGH Scriptores Rerum Merovingicarum. Bd. 5. Passiones vitaeque sanctorum / Hrsg. von B. Krusch. Hannover, 1910. C. 212—248.
- Passio Leudegarii I* // MGH Scriptores Rerum Merovingicarum. Bd. 5. Passiones vitaeque sanctorum / Hrsg. von B. Krusch. Hannover, 1910. C. 282—322.
- Q. Aurelius Symmachus.* Q. Aurelii Symmachi quae supersunt // MGH Auctores Antiquissimi. Bd. 6. T. 1. Symmachi opera / Hrsg. von O. Seeck. München, 2001.

* Список использованной и рекомендуемой литературы.

- Sidonius Apollinaris*. Epistolae // MGH Auctores Antiquissimi. Bd. 8. Gai Solii Apollinaris Sidonii Epistulae et carmina. Fausti aliorumque epistula ad Ruricium aliosque / Hrsg. von C. Lütjohann. Berlin, 1887.
- Sulpicius Severus*. Vita sancti Martini // Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum. Bd. 1. Sulpicii Severi opera ex rec. C. Halmii. Libri qui supersunt / Hrsg. von C. Halm. Wien, 1866. S. 109—137.
- Venantius Fortunatus*. Carmina // MGH Auctores Antiquissimi. Bd. 4. T. 1 / Hrsg. von F. Leo. Berlin, 1881.
- Vita Aegili // Acta Sanctorum ordinis Sancti Benedicti. Venetii, 1733. T. II / Sous la dir. de L. d'Achery, J. Mabillon.
- Vita Audoini episcopi Rotomagensis // MGH Scriptorum Rerum Merovingicarum. Passiones vitaeque sanctorum. Hannover, 1910. S. 543—567.
- Vita Bercharii // Acta Sanctorum ordinis Sancti Benedicti. Venetii, 1733. T. II / Sous la dir. de L. d'Achery, J. Mabillon.
- Vita Eligii episcopi Noviomagensis // MGH Scriptorum Rerum Merovingicarum. Passiones vitaeque sanctorum aevi merovingici. Hannover, 1902. S. 663—741.
- Vita Fursei // Acta Sanctorum ordinis Sancti Benedicti. Venetii, 1733. T. II / Sous la dir. de L. d'Achery, J. Mabillon. P. 300—314.
- Vita Fursei // MGH Scriptorum Rerum Merovingicarum. Bd. 4. Passiones vitaeque sanctorum aevi merovingici / Hrsg. von B. Krusch, W. Levison. Hannover, 1902.
- Vita Nivardi // MGH Scriptorum Rerum Merovingicarum. Bd. 5. Passiones vitaeque sanctorum aevi merovingici / Hrsg. von W. Levison. Hannover, 1910.
- Vita Sanctae Balthildis // MGH Scriptorum Rerum Merovingicarum. Bd. 2. Fredegarii et aliorum chronica. Vitae sanctorum / Hrsg. von B. Krusch. Hannover, 1888. S. 475—508.
- Аммиан Марцеллин*. Римская история / Пер. с лат. Ю.А. Кулаковского, А.И. Сонни. М., 2005.
- Вестготская правда (Книга приговоров) / Под ред. О.В. Аутова, А.В. Марья, пер. с лат. О.В. Аутова, А.В. Марья, Г.А. Поповой, Л.В. Черниной, К.И. Тасиц, И.М. Никольского. М., 2012.
- Григорий Турский*. История франков / Пер., коммент. В.Д. Савуковой. М., 1987.
- Фредегар*. Хроники / Под ред. Г.А. Шмидта. СПб., 2015.

Литература

- Angenendt A.* Willibald zwischen Mönchtum und Bischofsamt // Der heilige Willibald-Kloster-bischof oder Bistumgründer / Hrsg. von H. Dickerhof, E. Reiter, S. Weinfurter. Regensburg, 1990. S. 146—169.
- Auerbach E.* Mimesis; dargestellte Wirklichkeit in der abendländischen Literatur. Bern, 1946.
- Barrault A.* L'influence de saint Colomban et ses disciples dans les monastères de la Brie // Melanges Colombaniens. Actes du Congrès international de Luxeuil, 20—23 juillet 1950. P., 1951. P. 197—208.
- Beatus Rhenanus*. Rerum Germanicarum libri tres. Basel, 1531.

- Beauchet L.* Histoire de l'organisation judiciaire en France. Époque franque. P., 1886.
- Beaujard B.* L'évêque dans la cité en Gaule aux V-e et VI-e siècles // La fin de la cité antique et le début de la cité médiévale de la fin du IIIe siècle à l'avènement de Charlemagne, Actes du colloque tenu à l'Université de Paris X—Nanterre les 1, 2 et 3 avril 1993 / Sous la dir. de C. Lepelley. Bari, 1996. P. 127—46.
- Bergengruen A.* Adel und Grundherrschaft im Merowingerreich: Siedlungs- und standesgeschichtliche Studie zu den Anfängen des frankischen Adels in Nordfrankreich und Belgien. Wiesbaden, 1958.
- Bergmann W.* Die Formulae Andecavenses, eine Formelsammlung auf der Grenze zwischen Antike und Mittelalter // Archiv für Diplomatik. 1978. Jg. 24. S. 1—53.
- Bergmann W.* Untersuchungen zu den Gerichtsurkunden der Merowingerzeit // Archiv für Diplomatik. 1976. Jg. 22. S. 1—186.
- Bonassie P.* Survie et extinction du régime esclavagiste dans l'Occident du Haut Moyen Âge (IV—XI siècle) // Cahiers de civilisation médiévale. 1985. P. 307—343.
- Borgolte M.* "Bischofsitz" und "Sitz der Ruhe": Zur Kirchenorganisation gallischer Städte nach Gregor von Tours und Bistumsgeschichte von Auxerre // Litterae medii aevi: Festschrift für J. Autenrieth / Hrsg. von M. Borgolte, H. Spilling. Sigmaringen, 1988. S. 27—53.
- Boshof E.* Untersuchungen zur Kirchengvogtei in Lothringen im 10 und 11 Jahrhundert // Zeitschrift der Savigny-Stiftung fuer Rechtsgeschichte, Kanonistische Abteilung. 1979. Jg. 65. S. 55—119.
- Boshof E.* Königtum und adelige Herrschaftsbildung am Niederrhein im 9 und 10 Jahrhundert // Königtum und Reichsgewalt am Niederrhein / Hrsg. von K. Flink, W. Janssen. Kleve, 1983. S. 9—41.
- Boshof E.* Kloster und Bischof in Lotharingen // Monastische Reformen im 9 und 10 Jahrhundert / Hrsg. von R. Kottje, H. Maurer. Sigmaringen, 1989. S. 197—246.
- Bourgain P.* Clovis et Clotilde chez les historiens médiévaux des temps mérovingiens au premier siècle capétien // Bibliothèque de l'École des Chartes. 1996. T. 154. № 1. P. 53—86.
- Bouvier-Ajam M.* Dagobert. P., 1980.
- Breukelaar A.H.B.* Historiography and Episcopal Authority in Sixth-century Gaul: the Histories of Gregory of Tours Interpreted in Their Historical Context. Göttingen, 1994.
- Brown P.* Christianity and Local Culture in Late Roman Africa // Journal of Roman studies. 1968. Vol. 58. P. 85—95.
- Brown P.* The World of Late Antiquity, 200—750. L., 1971.
- Brown P.* The Cult of the Saints: Its Rise and Function in Late Antiquity. Chicago, 1981.
- Brown P.* Society and the Holy in Late Antiquity. Berkeley, 1982.
- Brown P.* Power and Persuasion in Late Antiquity: Towards a Christian Empire. Madison, 1992.

- Brown P.* The Rise of Western Christendom: Triumph and Diversity AD 200—1000. Oxford, 1996.
- Bruhl C.* Palatium und civitas: Studien zur Profantopographie spätantiker Civitates vom 3 bis 13 Jahrhundert. Gallien; Köln, 1975. Bd. 1.
- Brunner K.* Oppositionelle Gruppen im Karolingerreich. Wien, 1979.
- Buchner R.* Das merowingische Königtum // Das Königtum. Konstanz, 1956. S. 143—150. Buchner R. Einleitung // *Gregorius Turonensis. Historiarum libri decem. Libri 1—5.* Berlin, 1967. Bd. 1 / Hrsg. von R. Buchner.
- Butzen R.* Die Merowinger östlich des mittleren Rheins: Studien zur militärischen, politischen, rechtlichen, religiösen, kirchlichen, kulturellen Erfassung durch Königtum und Adel im 6 sowie 7 Jahrhundert. Würzburg, 1987.
- Cadaux S.* Recherches sur l'accession à l'épiscopat aux temps merovingiens (481/82—691/722): thèse de doct. P., 1994.
- Carruthers M.J.* The Book of Memory: A Study of Memory in Medieval Culture. Cambridge, 1990.
- Chastagnol A.* L'évolution politique, sociale et économique du monde romain de Diocletien à Julien: la mise en place du régime du Bas-Empire (184—363). P., 1994.
- Chaume M.* Les origines du Duché de Bourgogne: en 2 t. Dijon, 1928.
- Classen P.* Kaiserreskript und Königsurkunde: Diplomatische Studien zum Problem der Kontinuität zwischen Altertum und Mittelalter. Thessalonike, 1977.
- Crosby S.M.* The Royal Abbey of St-Denis from Its Beginning to the Death of Suger, 475—1151 / Ed. by P.Z. Blum. New Haven, 1987.
- Dahn F.* Die Könige der Germanen. Leipzig, 1894. Bd. 7. Die Franken unter den Merowingern. Abt. 1.
- Delehaye H.* Les légendes hagiographiques. Bruxelles, 1905.
- Delehaye H.* Les origines du culte des martyrs. Bruxelles, 1912.
- Delehaye H.* Les passions des martyrs et les genres littéraires. Bruxelles, 1921.
- Delehaye H.* Loca sanctorum // *Analecta bollandiana.* 1930. T. 48. P. 5—64.
- Demandt A.* Geschichte der Spätantike: Das römische Reich von Diokletian bis Justinian 284—565. München, 1998.
- Diesinger M., Reimitz H.* Zwischen Vergangenheit und Zukunft: Momente des Königtums in der merowingischen Historiographie // Das frühmittelalterliche Königtum: Ideelle und religiöse Grundlagen / Hrsg. von F.-R. Erkens. Berlin, 2005. S. 214—269.
- Duby G.* Recherches sur l'évolution des institutions judiciaires pendant le X et XI siècle dans le sud de la Bourgogne 2 // *Le Moyen Âge.* 1947. T. 53. № 1—2.
- Duby G.* Recherches sur l'évolution des institutions judiciaires pendant le X et XI siècle dans le sud de la Bourgogne 1 // *Le Moyen Âge.* 1946. T. 52. № 2—4.
- Duby G.* La société aux XI et XII siècles dans la région Mâconnaise. P., 1953.
- Durliat J.* Evêque et administration municipale au VII-e siècle // *La fin de la cité antique et le début de la cité médiévale de la fin du III-e siècle à*

- l'avènement de Charlemagne, Actes du colloque tenu à l'Université de Paris X—Nanterre les 1, 2 et 3 avril 1993 / Sous la dir. De C. Lepelley. Bari, 1996. P. 273—286.
- Eckhardt K.* Lex Salica, 100 Titel-Text. Weimar, 1953.
- Esders R.* Römische Rechtstradition und merowingisches Königtum: zum Rechtscharakter politischer Herrschaft in Burgund im 6. und 7. Jahrhundert. Göttingen, 1997.
- Ewig E.* Noch einmal zum "Staatsreich" Grimoalds // *Speculum historiale: Geschichte im Spiegel von Geschichtsschreibung und Geschichtsdeutung* / Hrsg. von C. Bauer, L. Böhm, M. Müller. Freiburg, 1965. S. 454—457.
- Ewig E.* Das Bild Constantins des Grossen in den ersten Jahrhunderten des abendländischen Mittelalters // *Spätantikes und fränkisches Gallien: Gesammelte Schriften.* Ostfildern, 1976. Bd. 1. S. 72—113.
- Ewig E.* Die fränkische Teilreiche im 7. Jahrhundert (613—714) // *Spätantikes und fränkisches Gallien: Gesammelte Schriften.* Ostfildern, 1976. Bd. 1. S. 85—144.
- Ewig E.* Die fränkischen Teilungen und Teilreiche (511—613) // *Spätantikes und fränkisches Gallien: Gesammelte Schriften.* Ostfildern, 1976. Bd. 1. S. 114—171.
- Ewig E.* Beobachtungen zu den Klosterprivilegien des 7. und frühen 8. Jahrhunderts // *Spätantikes und fränkisches Gallien: Gesammelte Schriften.* Ostfildern, 1976. Bd. 2. S. 411—426.
- Ewig E.* Das Privileg des Bischofs Berthefrid von Amiens für Corbie von 664 und die Klosterpolitik der Königin Balthild // *Spätantikes und fränkisches Gallien: Gesammelte Schriften.* Ostfildern, 1976. Bd. 2. S. 538—584.
- Ewig E.* Die Merowinger und das Frankenreich. Stuttgart, 1993.
- Fahlbeck* La royauté et le droit royal franc durant la première période de l'existence du royaume (486—614). Lund, 1883.
- Felibien M.* Histoire de l'abbey royale de Saint Denys en France. P., 1706.
- Feller L.* Aristocratie, monde monastique et pouvoir en Italie centrale au IXe siècle // *La royauté et les élites dans l'Europe carolingienne (début IX siècle aux environs de 920).* T. 17 / Sous la dir. de R. L. Jan. Ville-neuve d'Ascq, 1998. P. 325—346.
- Felten F.* Äbte und Laienäbte im Frankenreich: Studie zum Verhältnis von Staat und Kirche im früheren Mittelalter. Stuttgart, 1980.
- Ficker J.* Über das Eigentum des Reiches am Reichskirchengut // *Sitzungsberichte der Österreichische Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-Historische Klasse.* 1872. Bd. 72. S. 55—146.
- Folz R.* De l'antiquité au monde médiéval. P., 1972.
- Fouracre P.J.* The Work of Audoenus of Rouen and Eligius of Noyon in Extending Episcopal Influence from the Town to the Country in Seventh-century Neustria // *The Church in Town and Countryside: Papers Read at the Seventeenth Summer Meeting and the Eighteenth Winter Meeting of the Ecclesiastical History Society* / Ed. by D. Baker. Oxford, 1979. P. 77—91.
- Fouracre P.J.* Observations on the Outgrowth of Pippinid Influence in the "Regnum Francorum" after the Battle of Tertry (687—715) // *Medieval Prosopography.* 1984. Vol. 5. № 2. P. 1—31.

- Fouracre P.J.* Merovingians, Mayors of the Palace and the Notion of a “Low-Born” Ebroin // *Historical Research*. 1984. Vol. 57. № 135. P. 1—14.
- Fouracre P.J.* “Placita” and the Settlement of Disputes in Later Merovingian Francia // *The Settlement of Disputes in Early Medieval Europe* / Ed. by W. Davies, P. Fouracre. Cambridge, 1986. P. 23—43.
- Fouracre P.J.* Merovingian History and Merovingian Hagiography // *Past and Present*. 1990. Vol. 127. P. 3—38.
- Fouracre P.J., Gerberding R.A.* Late Merovingian France: History and Hagiography, 640—720. Manchester, 1996.
- Fouracre P.J.* The Nature of Frankish Political Institutions in the Seventh Century // *Franks and Alamanni in the Merovingian Period: An Ethnographic Perspective*. 60:1—2 / Ed. by I. N. Wood. Woodbridge, 1998. P. 285—316.
- Fournier G.* Les Mérovingiens. P., 1996.
- Frank K.S.* Geschichte des christlichen Mönchtums. Darmstadt, 1993.
- Fustel de Coulanges N.D.* Histoire des institutions politiques de l’ancienne France: en 6 t. P., 1875.
- Fustel de Coulanges N.D.* Histoire des institutions politiques de l’ancienne France. 2 éd. P., 1900. T. 5. Les origines du système féodal.
- Fustel de Coulanges N.D.* Histoire des institutions politiques de l’ancienne France. 2 éd. P., 1905. T. 3. La monarchie franque.
- Ganshof F. L.* Het tijdperk van de Merowingen // *Algemene Geschiedenis der Nederlanden*. Deel 1. Oudheid en vroege middeleeuwen tot het jaar 925 / Red. door J. A. van Houtte. Utrecht, 1949.
- Ganshof F.* Een historicus uit de VI-e eeuw: Gregorius van Tours // *Medelingen van de Koninklijke Vlaamse Academie voor Wetenschappen, Letteren en Schone Kusten van België, Klasse der Letteren*. Brussel, 1966. Jrg. 28. № 5.
- Gassman P.* Der Episkopat in Gallien im 5 Jahrhundert: Diss. phil. Bonn, 1977.
- Geary P.* Extra-judicial means of conflict resolution // *La giustizia nell’alto medioevo (Secoli V—VIII)*. Spoleto, 1994. P. 569—601.
- Geary P.* Phantoms of Remembrance: Memory and Oblivion at the End of the First Millenium. Princeton, 1994.
- Gerberding R.* The Rise of the Carolingians and the “Liber historiae Francorum”. Oxford, 1992.
- Glasson E.* Histoire du droit et des institutions de la France. P., 1888. T. 2. Époque franque.
- Goetz H.-W.* Die Geschichtstheologie des Orosius. Darmstad, 1980.
- Goetz H.-W.* Die germanisch-romanische Kultur-Synthese in der Wahrnehmung der merowingischer Geschichtsschreibung // *Akkulturation: Probleme einer germanisch-romanischen Kultursynthese in Spätantike und frühem Mittelalter* / Hrsg. von D. Hägermann, W. Hauthbrichs, J. Jarnut. Berlin, 2004. S. 547—570.
- Goffart W.* Zosimos: The First Historian of Rome’s Fall // *American Historical Review*. 1971. Vol. 76. № 2. P. 412—441.

- Goffart W.* Rome, Constantinople and the barbarians // *The American Historical Review*. 1981. Vol. 86. № 2. P. 275—306.
- Goffart W.* The Narrators of Barbarian History (AD 550—800): Jordanes, Gregory of Tours, Bede, and Paul the Deacon. Princeton, 1988.
- Graus F.* Volk, Herrscher und Heiliger im Reich der Merowinger: Studien zur Hagiographie der Merowingerzeit. Praha, 1965.
- Grosse R.* Saint-Denis zwischen Adel und König: Die Zeit vor Suger (1053—1122). Stuttgart, 2002.
- Guizot F.* Recits historiques. Bielefeld, 1897.
- Halphen L.* Grégoire de Tours, historien de Clovis // *Mélanges d'histoire du Moyen Age offerts à M. Ferdinand Lot par ses amis et ses élèves*. P., 1925. P. 235—245.
- Halsall G.* Barbarian Migrations and the Roman West, 376—568. Cambridge, 2007.
- Halsall G.* Cemeteries and Society in Merovingian Gaul: Selected Studies in History and Archaeology, 1992—2009. Leiden, 2010.
- Hartung W.* Adel, Erbrecht, Schenkung: Die strukturellen Ursachen der frühmittelalterlichen Besitzübertragungen an die Kirche // *Gesellschaftsgeschichte: Festschrift für Karl Bosl zum 80. Geburtstag / Hrsg. von F. Seibt*. München, 1988. Bd. 1. S. 417—437.
- Hattenhauer H.* Das Herz des Königs in der Hand Gottes. Zum Herrscherbild in Spätantike und Mittelalter // *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte, Kanonistische Abteilung*. 1981. Jg. 67. S. 1—35.
- Hauck K.* Von einer spätantiker Randkultur zum karolingischen Europa // *Frühmittelalterliche Studien*. 1967. Jg. 1. S. 3—93.
- Havet J.* Les origines de Saint-Denis // *Bibliothèque de l'École des chartes*. 1890. T. 51. P. 5—62.
- Heather P.J.* The Goths. Oxford, 1996.
- Heather P.* The Restoration of Rome: Barbarian Popes and Imperial Pretenders. L., 2014.
- Heinzelmann M.* L'aristocratie et les évêchés entre Loire et Rhin jusqu'à la fin du VIIe siècle // *Revue d'histoire de l'église de France*. 1976. T. 62. P. 75—90.
- Heinzelmann M.* Bischofsherrschaft in Gallien: Zur Kontinuität römischer Führungsschichten von 4 bis zum 7. Jahrhundert. München, 1976.
- Heinzelmann M.* Gregor von Tours (538—594), "Zehn Bücher Geschichte": Historiographie und Gesellschaftskonzept in 6. Jahrhundert. Darmstadt, 1994.
- Hellmann S.* Studien zur mittelalterlichen Geschichtsschreibung: Gregor von Tours // *Historische Zeitschrift*. 1911. Jg. 107. S. 1—44.
- Hen Y.* Roman Barbarians: the Royal Court and Culture in the Early Medieval West. N.Y., 2007.
- Heussi K.* Der Ursprung des Mönchtums. Tübingen, 1936.
- Hintze O.* Wesen und Verbreitung des Feudalismus. Weimar, 1929.
- Honoré T.* The Making of the Theodosian Code // *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte, Romanische Abteilung*. 1986. Jg. 103. S. 133—222.

- Innes M.* Kings, Monks and Patrons: Political Identities and the Abbey of Lorsch // *La royauté et les élites dans l'Europe carolingienne (début IX siècle aux environs de 920)*. T. 17 / Sous la dir. de R. L. Jan. Villeneuve d'Ascq, 1998. P. 301—324.
- Innes M.* State and Society in the Early Middle Ages: The Middle Rhine Valley, 400—1000. Cambridge, 2000.
- James E.* "Beati pacifici": Bishops and the Law in Sixth-century Gaul // *Disputes and Settlements: Law and Human Relations in the West* / Ed. by J. Bossy. Cambridge, 1983. P. 25—46.
- James E.* Childéric, Syagrius et la disparition du royaume de Soissons // *Revue archéologique de Picardie*. 1988. T. 3—4. P. 9—12.
- Jones A.H.M.* The Decline of the Ancient World. Burnt Mill, 1966.
- Jones A.H.M., Martindale J. R., Morris J.* The Prosopography of the Later Roman Empire. Cambridge, 1992. Vol. 2.
- Jubainville H. d'Arbois de La lieu de baptême de Clovis* // *Bulletin de la Société des antiquaires de France*. 1906.
- Junghans W.* Histoire critique des regnes de Childerich et de Chlodovech. P., 1879.
- Kaiser R.* Bischofsherrschaft zwischen Königtum und Fürstenmacht: Studien zur bischöflichen Stadtherrschaft im westfränkisch-französischen Reich im frühen und hohen Mittelalter. Bonn, 1981.
- Kamps W.* L'emphytéose en droit grec et sa réception en droit Romain // *Recueils de la société Jean Bodin*. 1938. T. 3. La tenure. P. 67—121.
- Kantorowicz E.H.* The King's Two Bodies: a Study in Mediaeval Political Theology. Princeton, 1957.
- Kaser M.* Das römische Privatrecht: In 2 Bde. München, 1955.
- Kelly C.* Empire Building // *Late Antiquity: A Guide to the Postclassical World* / Ed. by G.W. Bowersock, P. Brown, O. Grabar. 1999. P. 170—195.
- Kern F.* Gottesgnadentum und Widerstandsrecht im früheren Mittelalter Zur Entwicklungsgeschichte der Monarchie. 2. Aufl. Darmstadt, 1954.
- Klingshirn W.* Authority, Consensus, and Dissent: Caesarius of Arles and the Making of a Christian Community in Late Antique Gaul: PhD thesis. Stanford, 1985.
- Klingshirn W.* Charity and Power: Caesarius of Arles and the Ransoming of Captives in Sub-Roman // *Journal of Roman Studies*. 1985. Vol. 75. P. 183—202.
- Kosinna G.* Die Herkunft der Germanen. Zur Methode der Siedlungssarchäologie. Würzburg, 1911.
- Krusch B.* Gesta Dagoberti regis. Praefatio // *MGH Scriptores Rerum Merovingicarum*. Bd. 2. Fredegarii et aliorum chronica. Vitae sanctorum / Hrsg. von B. Krusch. Hannover, 1888. S. 396—426.
- Krusch B.* Die älteste Vita Leodegarii // *Neues Archiv zur Erforschung des Mittelalters*. 1891. Jg. 16. S. 563—596.
- Krusch B.* Passiones Leudegarii episcopi et martyris Augustodunensis // *MGH Scriptores Rerum Merovingicarum*. Bd. 5. Passiones vitaeque sanctorum. Berlin, 1910. C. 249—281.
- Kurth G.* Clovis. Tours, 1896.

- Kurth G. Clovis. P., 1901. T. 2.
- Kurth G. Fredegarius // The Catholic Encyclopedia. N.Y., 1909. Vol. 6. P. 251—252.
- Kurth G. Étude critique sur la Vie de sainte Geneviève // Études franques. P., 1919. T. 1. P. 1—96.
- Kurth G. Les sources de l'histoire de Clovis dans Grégoire de Tours // Études franques. Bruxelles, 1919. T. 2. P. 207—271.
- Lauer P., Samaran C., Prou M. Les diplômes originaux des Mérovingiens. P., 1908.
- Le Goff J. History and Memory. N.Y., 1992.
- Lebecq S. Les origines franques: V-e—IX-e siècle. P., 1990.
- Levillain L. Études sur l'abbaye de Saint-Denis à l'époque Mérovingienne // Bibliothèque de l'École des chartes. 1921. T. 82. P. 5—116.
- Levillain L. Études sur l'abbaye de Saint-Denis à l'époque Mérovingienne // Bibliothèque de l'École des chartes. 1925. T. 86. P. 5—99.
- Levillain L. Études sur l'abbaye de Saint-Denis à l'époque Mérovingienne // Bibliothèque de l'École des chartes. 1926. T. 87. P. 20—97.
- Levillain L. Les comtes de Paris à l'époque franque // Le Moyen Âge. 1941. T. 50. P. 137—205.
- Levison W. Vita Audoeni episcopi rotomagensis // MGH Scriptorum Rerum Merovingicarum. Bd. 5. Passiones vitaeque sanctorum aevi merovingici / Hrsg. von B. Krusch, W. Levison. Hannover, 1910.
- Levy E. Weströmisches Vulgarrecht: das Obligationenrecht. Weimar, 1956.
- Leysner C. Monasticism // Late Antiquity. A Guide to the Post-Classical World / Ed. by G.W. Bowersock, P. Brown, O. Grabar. Cambridge, 1999. P. 583—584.
- Liebs D. Die Jurisprudenz in spätantiken Italien, 260—640 n. Chr. Leipzig, 1987.
- Lohse B. Askese und Monchtum in der Antike und in der alten Kirche. Wien, 1969.
- Lot F. La fin du monde antique et le début du Moyen Âge; avec quatre cartes et trois planches hors texte. P., 1927.
- Lot F., Pfister C., Ganshof F. L. Histoire du Moyen Âge. P., 1928. T. 1. Les destinees de l'Empire en Occident de 395 à 888.
- Löwe H. Deutschland im fränkischen Reich / Hrsg. von B. Gebhardt, H. Grundmann. München, 1954.
- MacGeorge P. Late Roman warlords. N.Y., 2002.
- Magnou-Nortier E. Les évêques et la paix dans l'espace franc (VI-e—XI-e siècles) // L'évêque dans l'histoire de l'église: Actes de la 7me rencontre d'histoire religieuse — Fontevault, 1983. Angers, 1984. P. 33—49.
- Markus R. The End of Ancient Christianity. Cambridge, 1990.
- Marrou H. I. Histoire de l'éducation dans l'antiquité. P., 1965.
- McCormick M. Clovis at Tours: Byzantine Public Ritual and the Origins of Medieval Ruler Symbolism // Das Reich und die Barbaren / Ed. by E. K. Chrysos, A. Schwarz. Wien, 1989. P. 155—180.
- McKitterick R. The Frankish Kingdoms under the Carolingians, 751—987. L., 1983.

- McKitterick R.* Akkulturation and the Writing of History in the Early Middle Ages // Akkulturation: Probleme einer germanisch-romanischen Kultursynthese in Spätantike und frühem Mittelalter / Hrsg. von D. Hägermann, W. Haubrichs, J. Jarnut. Berlin, 2004. S. 381—395.
- Memoria als Kultur* / Hrsg. von O.G. Oexle. Göttingen, 1995.
- Memoria: Der geschichtliche Zeugniswert des liturgischen Gedenkens im Mittelalter* / Hrsg. von K. Schmid, J. Wollasch. München, 1984.
- Memoria in der Gesellschaft des Mittelalters* / Hrsg. von D. Geuenich, O.G. Oexle. Göttingen, 1994.
- Metz W.* Zur Entstehung der *Brevium Exempla* // Deutsches Archiv. 1954. Jg. 10. № 2. S. 395—416.
- Metz W.* Das karolingische Reichsgut: Eine verfassungs- und veraltungsgeschichtliche Untersuchung. Berlin, 1960.
- Metz W.* Zur Erforschung des karolingischen Reichsgutes. Darmstadt, 1971. Bd. 4.
- Mitteis H.* Lehnrecht und Staatsgewalt. Weimar, 1933.
- Monod G.* Études critiques sur les sources de l'histoire merovingienne. P., 1872. T. 1. Introduction, Grégoire de Tours, Marius d'Avenches.
- Monumenta Germaniae historica. Diplomata Karolinorum = Die Urkunden der Karolinger.* München, 1979.
- Mordek H.* Bischofsabsetzungen in spätmerowingischer Zeit: Justelliana, Bernensis und das Konzil von Mäløy (677) // Papsttum, Kirche und Recht im Mittelalter: Festschrift für Horst Fuhrmann zum 65 Geburtstag / Hrsg. von H. Mordek, H. Fuhrmann. Tübingen, 1991. S. 31—55.
- Murray A. C.* Germanic Kinship Structure: Studies in Law and Society in Antiquity and in the Early Middle Ages. Toronto, 1983.
- Noble T.* The Transformation of the Roman World. Reflexions on five years of work // East and West: Modes of Communication. Proceedings of the First Plenary conference at Merida / Ed. by E. Chrysos, I. Wood. Leiden, 1999.
- Périn P.* Datation des tombes mérovingiennes: historique, méthodes, applications. Geneve, 1980.
- Périn P.* A propos des publications récentes concernant le peuplement en Gaule à l'époque mérovingienne: la question francque // Archéologie Médiévale. 1981. T. 11. P. 125—145.
- Périn P., Feffer L.-C.* Les Francs. P., 1987. T. 1. À la conquête de la Gaule.
- Périn P., Kazanski M.* Das Grab Childerichs I // Franken — Wegbereiter Europas: vor 1500 Jahren: König Chlodwig und seine Erben. Mainz, 1996. S. 174—178.
- Pirenne H.* Mahomet et Charlemagne. P., 1937.
- Prinz F.* Frühes Mönchtum im Frankenreich: Kultur und Gesellschaft in Gallien, den Rheinlanden und Bayern am Beispiel der monastischen Entwicklung (4 bis 8 Jahrhundert). Wien, 1965.
- Prinz F.* Phänomenologie des westeuropäischen Mönchtums im Überblick // Askese und Kultur: Vor- und frühbenediktinisches Mönchtum an der Wiege Europas. München, 1980.

- Remensnyder A.* Topographies of Memory: Center and Periphery in High Medieval France // *Medieval Concepts of the Past: Ritual, Memory, Historiography* / Ed. by G. Althoff, J. Fried, P. Geary. Washington, 2002. P. 193—214.
- Rogge K.A.* Über das Gerichtswesen der Germanen: Ein germanistisches Versuch. Halle, 1820.
- Rosenwein B.* To Be the Neighbor of St-Peter: The Social Meaning of Cluny's Property, 909—1049. Ithaca;New York, 1989.
- Rosenwein B.H.* Negotiating Space: Power, Restraint, and Privileges of Immunity in Early Medieval Europe. Ithaca;New York, 1999.
- Roth P.* Feudalität und Untertanverband. Aalen, 1863.
- Rouche M.* Francs et gallo-romains chez Grégoire de Tours // *Gregorio di Tours*. Todi, 1977. P. 141—169.
- Santifaller L.* Zur Geschichte des ottonisch-salischen Reichskirchensystems. Wien, 1962. Bd. 1.
- Scheibelreiter G.* Der Bischof in merowingischer Zeit. Wien, 1983.
- Scheibelreiter G.* Ein Gallorömer in Flandern: Eligius von Noyon // *Die Suche nach Ursprüngen: Von der Bedeutung des frühen Mittelalters* / Hrsg. von W. Pohl. Wien, 2004. S. 117—128.
- Schmidt J.* Le baptême de la France: Clovis, Clotilde, Genevieve. P., 1996.
- Schmidt L.* Geschichte der deutschen Stämme bis zum Ausgange der Völkerwanderung. Berlin, 1904.
- Schramm P.E.* Herrschaftszeichen und Staatssymbolik: In 3 Bde. Stuttgart, 1954.
- Schulze H.K.* Adelherrschaft und Landesherrschaft; Studien zur Verfassungs- und Besitzgeschichte der Altmark, des ostsächsischen Raumes und des hannoverschen Wendlandes im hohen Mittelalter. Köln, 1963.
- Semmler J.* Saint-Denis: Von der bischöflichen Coemeterbasilika zur königlichen Benediktinerabtei // *La Neustrie: La pays au nord de la Loire de 650 à 850*. Sigmaringen, 1989. Bd. 2 / Hrsg. von H. Atsma. S. 75—123.
- Sickel T.* Beiträge zur Diplomatie, III // *Sitzungsberichte der Österreichische Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-Historische Klasse*. 1864. Jg. 47. S. 175—277.
- Sickel T.* Beiträge zur Diplomatie, V // *Sitzungsberichte der Österreichische Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-Historische Klasse*. 1864. Jg. 49. S. 311—410.
- Simon D.* Das frühbyzantinische Emphyteuserecht // *Symposium 1977: Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte (Chantilly, 1—4 June 1977)* / Hrsg. von J. Modrzejewski, D. Liebs. Köln, 1982.
- Spiegel G. M.* The Chronicle Tradition of Saint-Denis. Brookline, 1978.
- Sprandel R.* Das Kloster St. Gallen in der Verfassung des Karolingischen Reiches. Freiburg im Breisgau, 1958.
- Stancliffe C.* St. Martin and His Hagiographer: History and Miracle in Sulpicius Severus. Oxford, 1983.
- Starostine D.* Hostage by Agreement and the Language of Dependence in the Eleventh Century: Mutation or Corruption? // *Latin Culture in the*

- Eleventh Century: Proceedings of the Third International Conference on Medieval Latin Studies, Cambridge, September 9—12, 1998 / M.W. Herren, C.J. Donough, R.G. Arthur. Turnhout, 2002. P. 385—399.
- Starostine D.* Lex Burgundionum and Burgundian Kings: Practices of Private Legal Guarantee (“fideiussio”) and Royal Innovation // Confrontation in Late Antiquity: Imperial Presentation and Regional Adaptation / Ed. L.J. Hall. Cambridge, 2003. P. 133—152.
- Stein E.* Histoire de Bas-Empire. P., 1959. T. 1. De l’État romain à l’État byzantin: (284—476).
- Steinbach F.* Das Frankenreich / Hrsg. von O. Brandt, A.O. Meyer, L. Just. Konstanz, 1957.
- Steinen W. von der* Chlodwigs Übergang zum Christentum. Eine Quellenkritische Studie // Mitteilungen des Österreichischen Instituts für Geschichtsforschung. Ergänzungsband. 1932. Jg. 12. S. 417—501.
- Stoclet A.* Evidencio et petitio: Le recouvrement de biens monastiques en Neustrie sous les premiers Carolingiens, L’exemple de Saint-Denis // La Neustrie: La pays au nord de la Loire de 650 à 850. Bd. 2 / Hrsg. von H. Atsma, K. F. Werner. Sigmaringen, 1989. S. 125—149.
- Stroheker K. F.* Die geschichtliche Stellung der ostgermanischen Staaten am Mittelmeer // Germanentum und Spätantike. Zürich, 1965. C. 102—133.
- Stutz U.* Die Eigenkirche als Element des mittelalterlich-germanischen Kirchenrechts. Antrittsvorlesung, gehalten am 23. Oktober 1894. Berlin, 1895.
- Sybel H. von* Entstehung des deutschen Königthums. Frankfurt am Main, 1881.
- Theuws F.* Rituals in Transforming Societies // Rituals of Power: From Late Antiquity to the Early Middle Ages / Ed. by F. Theuws, J.L. Nelson. Leiden, 2000. P. 7—9.
- Thierry A.* Récits des temps mérovingiens, précédés de Considérations sur l’histoire de France. P., 1840.
- Thierry A.* Lettres sur l’histoire de France. P., 1856.
- Tits-Dieuaide M.-J.* Grands domaines, grandes et petites exploitations en Gaule mérovingienne // La grand domaine aux époques mérovingienne et carolingienne — Die Grundherrschaft im frühen Mittelalter, Actes du colloque internationale, Gand 8—10 septembre 1983 / Sous la dir. d’A. Verhulst. Gand, 1985. P. 23—50.
- Van Dam R.* Leadership and Community in Late Antique Gaul. Berkeley, 1985.
- Van Dam R.* Images of in Late Roman and early Merovingian Gaul // Viator. 1988. Vol. 19. P. 1—27.
- Van Dam R.* Saints and Their Miracles in Late Antique Gaul. Princeton, 1993.
- Van de Vijver A.* La victoire contre les alamans et la conversion de Clovis en 506 // Revue belge de philologie et d’histoire. 1936. Vol. 15. P. 859—914.
- Van de Vijver A.* La victoire contre les alamans et la conversion de Clovis en 506 // Revue belge de philologie et d’histoire. 1937. T. 16. P. 35—94.

- Van de Vyver A.* L'unique victoire contre les Alamans et la conversio de Clovis // *Revue belge de philologie et d'histoire*. 1938. T. 17. P. 793—813.
- Verlinden C.* L'esclavage dans l'Europe medievale. Brugge, 1955.
- Viollet P.* Histoire des institutions politiques et administratives de la France: en 3 t. P., 1890.
- von den Steinen W.* Chlodwigs Ubergang zum Christentum: Eine quellenkritische Studie. Darmstadt, 1963.
- Waitz G.* Deutsche Verfassungsgeschichte. Kiel, 1876. Bd. 7. Die deutsche Reichsverfassung von der Mitte des neunten bis zur Mitte des zwölften Jahrhunderts.
- Wallace-Hadrill J.M.* The Fourth Book of the Chronicle of Fredegar; With Its Continuations. L., 1960.
- Wallace-Hadrill J.M.* The Long-haired Kings, and Other Studies in Frankish History. N.Y., 1962.
- Wattenbach W., Traube L.* Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter bis zur Mitte des dreizehnten Jahrhunderts. Stuttgart, 1904.
- Wattenbach W., Levison W.* Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter. Stuttgart, 1952. Bd. 1. Vorzeit und Karolinger. H. 1. Die Vorzeit von den Anfängen bis zur Herrschaft der Karolinger.
- Weidemann M.* Bischofsherrschaft und Königtum in Neustrien vom 7 bis zum 9 Jahrhundert am Beispiel des Bistums Le Mans // *La Neustrie: Les pays au nord de la Loire de 650 à 850* / Hrsg. von H. Atsma. Sigmaringen, 1989. S. 161—193. Bd. 1.
- Werner K.F.* Les principautés périphériques dans le monde franc du VIII-e siècle // *Settimane di studio del Centro italiano di studi sull'alto medioevo*. T. 20. I problemi dell'Occidente nel secolo VIII. Spoleto, 1972. P. 483—514.
- Werner K.F.* Les Origines. P., 1984.
- Werner K.F.* De Childéric à Clovis: antécédents et conséquences de la bataille de Soissons en 486 // *Revue archéologique de Picardie*. 1988. T. 3—4. № 1. P. 3—7.
- Werner K.F.* La "conquete franque" de la Gaule: Itinéraires historiographiques d'une erreur // *Bibliothèque de l'école des chartes* / Sous la dir. d'O. Guyotjeannin. 1996. T. 154. № 1. Clovis chez les historiens. P. 7—46.
- Werner M.* Der Lütticher Raum im frühkarolingische Zeit: Untersuchung zur Geschichte der karolingische Stammlandschaft. Göttingen, 1979.
- White S.D.* Custom, Kinship, and Gifts to Saints: The "Laudatio Parentum" in Western France, 1050—1150. Chapel Hill, 1988.
- Wood I.N.* The "Vita Columbani" and Merovingian Hagiography // *Peritia*. 1982. Vol. 1. P. 63—80.
- Wood I.N.* The Ecclesiastical Politics of Merovingian Clermont // *Ideal and Reality in Frankish and Anglo-Saxon Society: Studies Presented to J.M. Wallace-Hadrill* / Ed. by P. Wormald, D. Bullough, R. Collins. Oxford, 1983. P. 34—57.
- Wood I.N.* Gregory of Tours and Clovis // *Revue belge de philologie et d'histoire*. 1985. Vol. 63. P. 249—272.

- Wood I.N. The Code in Merovingian Gaul // The Theodosian Code: Studies in the Late Imperial Law of Late Antiquity / Ed. by J. Harries, I. Wood. L., 1993. P. 161—177.
- Wood I. N. The Merovingian Kingdoms (450—751). L., 1994.
- Wood I.N. Defining the Franks: Frankish Origins in Early Medieval Historiography // Concepts of National Identity in the Middle Ages / Ed. by S. Forde, L. Johnson, A.V. Murray. Leeds, 1995. P. 47—57.
- Wood I.N. The Use and Abuse of Latin Hagiography in the Early Medieval West // East and West: Modes of Communication. Proceedings of the First Plenary conference at Merida / Ed. by E. Chrysos, I. Wood. Leiden, 1999. P. 93—109.
- Wormald P. Lex Scripta and Verbum Regis: Legislation and Germanic Kingship, from Euric to Cnut // Early Medieval Kingship / Ed. by P.H. Sawyer, I.N. Wood. Leeds, 1977. P. 105—138.
- Zanella G. La legittimazione del potere regale nelle “Storie” di Gregorio di Tours e Paolo Diacono // Studi medievali. Serie 3. 1990. Vol. 31. P. 55—83.
- Zeller J. Entretiens sur l’histoire du Moyen Âge. P., 1893. T. 1. Partie 1.
- Zöllner E. Die Herkunft der Agilulfinger // Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung. 1951. Jg. 59. S. 245—264.
- Блок М. Короли-чудотворцы. Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти распространенных преимущественно во Франции и Англии. М., 1998.
- Блок М. Феодалное общество. М., 2003.
- Гизо Ф. О характере Салического закона // История Средних веков / Под ред. М.М. Стасюлевич. СПб., 1999. С. 324—325.
- Казанский М.М., Перен П. «Королевские» и «вождеские» погребения раннемеровингского времени в Галлии: состояние исследований // Краткие сообщения института археологии. 2014. № 234. С. 262—286.
- Коньков Д.С. Готы на территории Римской империи: трансформация этно-потестарной идентичности. Северск, 2011.
- Коньков Д.С. Трансформация социальных связей в Аквитании в ходе формирования Вестготского королевства // Вестник Кемеровского государственного университета. История. 2013. Т. 3, 2 (54). С. 76—80.
- Корсунский А.Р. Образование раннефеодального государства в Западной Европе. М., 1963.
- Неусыхин А.И. Дофеодальный период как переходная стадия развития от родоплеменного строя к раннефеодальному // Вопросы истории. 1967. № 1. С. 75—87.
- Неусыхин А.И. Дофеодальный период как переходная стадия развития от родо-племенного строя к раннефеодальному. (Тезисы доклада) // Средние века. 1968. Т. 31. С. 45—48.
- [Рец. на:] Рассказы о временах Меровингов. Сочинение Огюстена Тьерри. СПб., 1848 // Отечественные записки: Раздел VI. Библиографическая хроника. 1848. Т. 58. № 56. С. 18.

- Савукова В.Д. История франков как литературный памятник // Григорий Турский. История франков. М., 1987.
- Санников С.В. Образы королевской власти эпохи Великого переселения народов в западноевропейской историографии VI века. Новосибирск, 2011.
- Старостин Д.Н. Между Античностью и Средневековьем: судебные протоколы меровингского времени и их роль в развитии ранне-средневекового правосознания // IVS ANTIQVVM (Древнее право). 2005. Т. 15. С. 120—134.
- Тьерри О. О характере германских завоеваний Галлии и состоянии побежденных туземцев // История Средних Веков / Под ред. М.М. Стасюлевич. М., 1999. С. 297—310.
- Тьерри О. Рассказы из времен Меровингов. СПб., 1892.
- Тюленев В.М. Вступительная статья // Павел Орозий. История против язычников. Книги I—III. СПб., 2001.
- Уколова В.И. Античное наследие и культура Раннего Средневековья. М., 1989.
- Усков Н.Ф. Христианство и монашество в Западной Европе Раннего Средневековья: Германские земли II—III—середина XI в. СПб., 2001.
- Филиппов И.С. Средиземноморская Франция в Раннее Средневековье. Проблема становления феодализма. М., 2000.
- Циркин Ю.Б. «Генеральские государства» на территории Западной Римской империи // Мнемон: Исследования и публикации по истории Античного мира. Сборник статей к 80-летию со дня рождения проф. Э.Д. Фролова. СПб., 2013. Т. 12. С. 462—472.
- Шкаренков П.П. Королевская власть в Остготской Италии по “Variae” Кассиодора: Миф, образ, реальность. М., 2003.
- Шкаренков П.П. Римская традиция в варварском мире: Флавий Кассиодор и его эпоха. М., 2004.

Summary

Addressing the representations of the Merovingian kingdom in the narrative sources, hagiography, and legal records, this book seeks to examine the relationship between “fact” and “representation” in the Frankish history of the V to VIII centuries. Taking for analysis the key events in the history of the merovingian Gaul, this study attempts to investigate the discordant aspects of their representation and to analyse the ways in which these incongruences or conflicts in representation are due to the limitations of discourses and narratives predicated on the sources’ genre. The book also investigates the ways in which differences in source genre may help explain the traditional and yet highly subjective chronological picture of the development of the Frankish kingdom over two and a half hundred years. Drawing parallels between the main events of particular periods, the sources and their authors, the study seeks to suggest that the traditional picture of the significant changes in the merovingian polity and infrastructure from the early, more successful period during the rule of Clovis (486/487—511) and Chlotar I (511—561) to the later, less successful one may be an aberration cause by the changes in literate culture, in the types of documents and in the specific perspective of authors and scribes composing the documents rather than by objective causes. Thus in this book I attempt to show how the historical sequence of traditional Late Antique narrative histories (Gregory of Tours, Fredegar, “*Liber Historiae Francorum*”), of hagiography (*Vita Balthildis reginae* etc.) and of the charters and royal responses to litigation determined the image of each of the periods. At the same time, I argue that despite the emphasis on differences that scholars have sought to emphasize in describing each of the periods there is a great deal of continuity between the earlier and later part of the Merovingian’ reign, if one can divert from the traditional narrative account of military victories and

royal control over territories and domains and look instead at the mechanisms of soft power that underlay the rule of the Frankish kings. The book argues that if one eliminates the bias of portraying particular historical periods that had originated because of the difference in the approach provided by sources, one will see a relatively homogenous narrative which used the same clichés, or rather, archetypes, both for the times of Clovis, his sons and grandsons and for the times of Clovis II and his progeny with Balthild. Central to this stopped-down narratives were the ideas of the Franks' integration into the Mediterranean culture and into the system of threepartite representation of authority which had been common to it since Caesar and Tacitus. Regardless of their origin, the writers of histories, authors of saints' lives and the scribes who put together royal responses to tough legal cases all thought of the king as the peacemaker and an intermediary who was supposed to incorporate military prowess, sacrality of both the rex and of the priest, and the special status of the judge which in their case originated from the Roman emperors' role in adjudicating conflicts by means of rescripts.

Chapter one addresses the formation of the kingdom of the Franks and undertakes to examine the events of Clovis' coming to power, of his baptism and of the delineation of the boundaries within the family between the winning and the losing lines. Constructing the story of the Franks' forceful conquest of Soisson and of Northern Gaul in general, which goes against the archaeological evidence and information from other sources, Gregory of Tours, as this study suggests, followed his own goal of presenting the Franks as the group whose legitimacy in exercising power did not depend on the Roman empire's sanction. His description of Clovis' visit to Tours showed the bishop attempting to portray the king as the duly chosen lieutenant of the Byzantine emperor, but the one whose prerogatives were transferred to him not by the emperor's legates but the bishop of Tours. Thus he saw the Frankish kings as both belonging to the Mediterranean world and distinct from it, as being part of the imperial aristocracy and elite, and at the same time as conquerors who owed their authority to no one. The chapter also suggests that Gregory of Tours made his choice of supporting

the Austrasian branch of the dynasty in the person of Childebert over the Soisson branch, represented by Chilperic. This choice was due to the attempt of Chilperic as the king of Neustria to claim control of Tours to himself, whereas Childebert as the more distant ruler did not arise the same suspicions and negative attitude. This predilection towards who he thought was the “better” king he thought should transform into historical reality. But Gregory of Tours’ representation was far from being a true representation of historical trends as the branch of Childebert lost in the long run and that of Chilperic managed to become the main one and to produce all remaining kings of the Merovingians. Thus the bishop of Tours’ highly subjective approach highlighted the episcopal privilege and put to the fore the king who recognized it, while the historical situation rapidly developed towards favoring the branch that the prelate saw as ill-fitted and doomed. While Gregory espoused the idealized picture of the kingdom as an heir to the Roman diocese where the bishops and cities were key to power structures, while the situation rapidly developed towards the kings appropriating the powers of imperial representatives that had earlier been reserved for general like Aegidius. Gregory underappreciated the capability for maneuver that the youngest son of Chlotar I from his last marriage could muster and generally failed to grasp the attempts of the weakest king in the family hierarchy to aspire to the position of an educated philosopher-king and intermediary. But in Fredegar’s Chronicle the accents changed as the author sought to emphasize continuity between the Frankish kings and the Roman empire, whose generals their predecessors could have served as soldiers. In the “*Liber historiae francorum*” the representation of the Frankish kingdom came to resemble the straight line from the barbarian military commanders of the fifth century to the Christian kingdom of the seventh and eighth centuries. Thus one may notice that the representation of the Frankish kingdom changed significantly, from being that of the episcopal republic under the aegis of the good kings and in constant competition with the unruly representatives of the Merovingian family, to the kingdom that incorporated in its unity with the dynasty the ideal of Christian authority.

Chapter two shows how the development of monasticism in the seventh century contributed to the changes in the patterns of literacy as many educated people began to shift their writing habits to hagiography. It investigates the ways in which sacrality, originating from monastic community, was added to the image of the king which had been hitherto perceived as the intermediary between the Mediterranean post-Roman world and the world of barbarian limes. This chapter suggests that these sources produce a picture one needs to take into account with caution. On the one hand, the wide spread of saints' lives produced an impression of the monastic communities' privileged position since the very first day of monastic onslaught. Careful examination suggests, however, that for a relatively long period the rising number of monasteries had not initiated the reshaping of the foundations of the royal authority. Using the example of St-Denis, this chapter suggests that the monastery's history shows it to be a regular monastic establishment which had not yet developed a unique tie with the Frankish kings it did later. Much as with the Gregory of Tours' Histories, hagiography produced an impression of the close ties between the kingship and monasticism from the early seventh century, whereas in reality the kings long continued to be ignorant of the opportunities the new phenomenon provided. Thus in the lives of the seventh and early eight centuries nothing had changed with the coming of the monasteries as the kings remained largely out of contact for the monks. This chapter suggests that the Merovingian kingship continued to be built in this age on the close connection the cities that had been important until the trends first noticed by Henri Pirenne started to weigh heavily on their existence. Thus the imagined historical picture needs to be separated from the actual history of the Merovingian kingship in the case of hagiography just as it has been done in the first chapter in the case of narrative histories.

Chapter three addresses records of court proceedings that had become a peculiarly interesting sort of documents since the middle of the seventh century and that filled an important gap that appeared when both narrative histories and hagiography stopped appearing as a result of the overall drop in literacy. These records were an offshoot of the imperial rescript and

they conveyed to the conflicting parties the solutions found by the kings' representatives and the king himself to the conflicts that had no precedent in Late Antique law. These court proceedings dealt with reshaping of the power balance in Neustria and they showed how different aristocratic groupings used appeals to the king to get a grip on those lands that lost their direct owners and that fell through the cracks of the Frankish and Gallo-Roman networks of authority. Although scholars have thought that these court proceedings, mostly favoring the monastery St-Denis, were "political" in the sense of favorite the key royal monastery, I suggest that even the most evident of them still showed that the merovingian court in the late period of the dynasty's rule was the place of negotiation and incorporation of elites into the orbit of royal prestige. These documents suggest contrary to the image of the "weak rulers" the kings in this period were deemed to be peacemakers and rulers in the image of the emperor and that they were accorded the right to pronounce law. This prerogative, although derided by Einhard in the 830-s, meant a significant rise in prestige of the verovingian kings who had finally managed to move away from the military commander status and who added to their aristocratic standing (unstable and questioned by Gregory of Tours) the right to be considered worthy of law-giving, the status first accorded to Theodosius II by the Senate in 439.

Contents

Introduction	7
Chapter I. Gregory of Tours, Fredegar and the anonymous author of “Liber historian francorum”: The synthesis of Roman and German cultural traditions in the VI-th and early VII-th centuries as viewed by the authors of narrative historical works	
§ 1. Introduction.....	29
§ 2. The political history of the late VI-th early VII-th centuries.....	32
§ 3. The image of authority in the “Decem libri historiarum” of Gregory of Tours.....	36
§ 4. The Chronicle of Fredegar, the Continuator of Fredegar and “Liber historiae francorum” as sources for the later merovingian history.....	69
§ 5. Conclusion	81
Chapter II. Representations of late merovingian Frankish kingdom in hagiography	
§ 1. The spread of hagiography in Gaul and its peculiarities.....	99
§ 2. Early VII-th century hagiography and the influence of Irish monasticism on the spread of monasteries in Europe.....	105
§ 3. Audoin of Rouen and Eligius over Noyon: bishops, monasteries and the royal court.....	115
§ 4. Monasteries and royal authority: view of the author of “Gesta Dagoberti regis”	128
§ 5. Conclusion	144
Chapter III. Kingship and the court of law: Legal culture and the rituals of royal authority	
§ 1. The court of law records of merovingian Neustria: The origin and peculiarities	159
§ 2. The court of law and the king	167
§ 3. The politics of concord and the king as a mediator	177
§ 4. Conclusion	187
Conclusion	196
Abbreviations	202
Bibliography	203
Summary	218

Научное издание

Дмитрий Николаевич Старостин
Между Средиземноморьем и варварским
пограничьем:

Генезис и трансформация представлений о власти
в королевстве франков

Макет и оформление Ю.В. Балабанов
Редактор И.В. Румянцева
Корректор Н.С. Головин

Предложения и вопросы можно присылать на электронный
адрес серии:
medieval.books@mail.com

Подписано в печать 20.07.2017. Формат 84×108/32. Заказ № 1348.
Тираж 500 экз. 7 п.л. 14 уч.-изд. л.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного оригинал-макета в Акционерном обществе
«Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5.
Тел.: 8 (495) 221-89-80

По издательским вопросам обращаться:
«Центр гуманитарных инициатив»
e-mail: unikniga@yandex.ru. Руководитель центра П.В. Соснов

Предпринятое в книге изучение представлений о власти в меровингской Галлии позволило уточнить основные тенденции и периодизацию романо-германского синтеза.

Исследование, основанное на анализе трех типов источников — исторических трудов, агиографических сочинений, судебных протоколов, показало, что различающееся между собой восприятие политических явлений раннесредневековыми авторами совпадало в следующем. В этот период власть основывалась на согласии между правителями, знатью и церковной иерархией.

Идеал был развитием теории, сформулированной еще в Поздней Античности. Власть меровингских государей, если следовать рассуждениям современников событий, не являлась «частной», т.е. основанной только на праве владения землей. С изменением исторической ситуации в агиографической литературе возник новый топос: короли приобрели сакральные функции покровителей церкви.

При этом судебные протоколы зафиксировали важную трансформацию политической репрезентации франкских государей. В период ослабления власти Меровинги сперва актуализировали собственную роль покровителей церкви, и лишь затем — судейскую функцию, присущую всем варварским правителям.

9 785987 127711